

больше. Разговоры наши зачастую отрицательно влияют на детей, и мы должны быть осторожны: ведь детство закладывает все основы личности. И если саженец начинает расти правильно, то и дерево вырастет прямым, а если он крив, то и не выпрямить его, а впору только сломать.

Поэтому задумайтесь, как вы разговариваете с детьми, как к ним относитесь и как проявляете любовь. Очень важно говорить детям стопроцентную правду! Ведь если они узнают, что родители сказали неправду, то те рискуют навсегда потерять доверие детей. Ребенок не понимает: как можно дать слово и не выполнить его? А может и воспринять это как урок, станет подражать...

К детям нужно относиться с любовью и в то же время строго: нельзя баловать, позволяя все. По промыслу Б-га строгости и доброты должно быть поровну. Нужно уметь поддерживать ребенка, а не только кричать на него, когда он сделает что-то плохое. Мишлей приводит изречение царя Соломона о том, что отец, не наказывающий сына, не любит его. Ибо воспитание предполагает необходимость наказания. Но наказывать нужно с пониманием, что именно это и наставит ваших детей на правильный путь.

Главное – молиться, чтобы, по нашим традициям, дети выросли верующими в Создателя, чтобы мы не сделали ошибок в еврейском воспитании, и тогда в будущем поколении станет больше достойных, порядочных людей. Желаю каждому читателю «Лехаима» много нахес от всех их детей.

Главный раввин России Берл Лазар

ΆΟΘΑ-ΑΙ ΟΕΑΕΒ

À ììíú Èçðáέéÿ óέé ìíìóó
ììááé ì ìðÿ
Òì ìέñ 14:29

Àìá ììááá ìá çáì éá èì ááò ììáá ììò ááò ìò áέá á ì ó-έìáó ì ìðééá
òáéì áá, Òéééì, 127a

Çáì éÿ è ì ìòá - çáðéáéúí ìá ìòðáéáì éá áðáá áðáá, ìí ìáííáðáì áííí ÿòí ááá ììááðóáííí ðáçíúó ì éðá. Ìáá ìíé - ìéðáòáéúí áÿ ììááá æéçíé è ááò ìðéò ìéúó ì ééééáðááì ììááòá Ìáá-ìéíáéíúá ÿéííéòáì ú, ìáðáçááííúá áçáèí ìáéñòáéáì ì éíáðáéíá, ðáñòéðáéúí ìíòé è æéáíòíúó, á ðáçéúòáòá :áá òíòì éðáòíÿ «ìéúááÿ óáíí-éá» è ìééááúááòíÿ ìííáíòóáí-áòáÿ éáíòíéóá æéçíé. Ìí ìáíí ìòðÿ ìá ììááòáì ÿééò ááóò ì éðá ìíé áí ìííáì ðáçéé-íú - è ììááííí ÿðéí ÿòí ðáçéé-éá ì ðíÿáéÿáòíÿ á òíì, éáé èì áííí ìáííéÿòéá éò æéáíá ììçááí éÿ áçáèí ìáéñòáòò ì ììááíé ìáíáá ìáéóáí éÿ.

×áéíáéé - áííéáííáÿ á ì éíéáòòðá, ì ééðíéíì, óóááðáéááò Ì éáðáó Òáí óú à (Ì éóúáé, 3), á :áéíáééá ìáéáòíÿ ìáðáééáéúí áííí ó ììááì ó á áíéúóíì ì éðíçááíéé. È, óáì ìáí úì, á :áéíáééá ì óáíòáééáì ú ìáá ì éðá: ì éð ìáéóáòáééé ììóé è ì éð ì ìðÿ - ìíé éáé áú ìáðáçòò ááá ðáçíúó áííáéóá áí óóðáí ìáá áúòéÿ :áéíáééá.

Тайна глубины

Живущие на суше животные в подавляющем большинстве обитают на земной поверхности. Есть, конечно, скрывающиеся под землю на какую-то часть суток или пребывающие там часть года. Как есть и создания, очень редко показывающиеся на поверхности и даже проводящие под землей всю жизнь. И все же большинство сухопутных созданий живет на земле. Заметим, что сам физический контакт с ее поверхностью не есть нечто, без чего они не могут прожить долго. Обратим внимание, сколь редок непосредственный контакт наших современников с землей: они проводят большую часть жизни в искусственных помещениях и пр.

Жизнь морских обитателей устроена иначе: они живут, целиком погруженные в свою стихию. И для большинства из них эта погруженность – вопрос жизни и смерти. Рыба, вынутая из воды, – не просто создание, вырванное из естественной среды обитания: это создание, лишенное контакта с родной стихией, оно обречено на скорую и неминуемую гибель.

На самом деле, сухопутные создания не менее зависимы от земли, чем их водные собратья – от моря, они не могут жить без земли и ее ресурсов. А различие в том, как эта зависимость проявляется в их ежедневном, ежечасном и ежеминутном бытии. Для морских обитателей зависимость носит очевидный и постоянный характер. Морские животные не могут существовать вне их среды обитания; их жизнь жестко связана с источником, эту жизнь поддерживающим и обеспечивающим.

Почти полная идентификация морских обитателей с самой средой их обитания нашла отражение в законе Торы. Так, когда кто-либо совершает погружение в микву, чтобы пройти ритуальное очищение, ничто не должно находиться между телом его и водой в микве; мельчайшая посторонняя частица, прилипшая к телу, лишает погружение очищающей силы. Однако это правило не распространяется на объекты, принадлежащие водной стихии, – на все, что возросло в воде, будь то рыба, или любой продукт из нее. Все это не считается «промежуточной преградой» (хацица), а рассматривается как естественная часть самих вод.

Что до обитателей суши, они могут кормиться от земли, но, насытившись, тут же об этом забыть, ибо связь и зависимость их со средой обитания – почти косвенная. Так, обитатели суши могут жить долгое время, не отдавая себе отчета в том, что дает им пропитание: по крайней мере, всем своим поведением они могут игнорировать источник, их кормящий.

Учитывая это, мы поймем, каково значение двух составляющих – «обитателя суши» и «обитателя моря» – в человеке. В человеке присутствует часть как бы автономная по отношению к истоку и предназначению его бытия. Его «сухопутное» Я игнорирует факт, что душа – «искра свыше, от Бга» (Иов, 31:2; Тания, гл. 2). Что жизнь дана ему как дар в каждый момент его бытия от Подателя жизни, ее Творца. А само существование каждого обретает смысл только в той мере, в которой согласовано с ролью в общем замысле Б-жьем. «Сухопутное» Я оценивает существование только в узких терминах личного «эго» и его индивидуальных желаний и порывов.

Но при этом в человеке присутствует и иная, «морская» составляющая – духовное Я, преодолевающее «эго» и «индивидуальность». Это Я полностью устремлено к тому, чтобы каждое деяние и мысль были согласованы с высшими целями, ради которых им и получена эта жизнь. Когда это Я проявлено, в жизни человека нет ничего, что не было бы связано с источником его существования. Каждый момент его жизни – свидетельство глубочайшей зависимости от источника, давшего ему жизнь и

снабдившего всем необходимым для нее. Вся сущность такого человека обращена к этому истоку его существования.

Учителя кабалы говорят: цадиким (праведники), живущие всю жизнь подобно «рыбе в море», целиком погружены в переживание Б-жественной реальности. Для них связь с ней присутствует постоянно, и все их существование подчинено этому переживанию. Таков был Моше. Само имя его выражает «водную» природу души: «И назвала она его именем Моше и сказала: “Потому что из воды я вытащила его”» (Шмойс, 2:10). В Торе о нем сказано: «А человек этот, Моше, был скромнейшим из всех людей, что на земле» (Бемидбар, 12:3). Конечно же, Моше осознавал свою значимость. Конечно же, он знал, что его одного из всех живущих выбрал Б-г, чтобы передать Свою мудрость и волю людям. Но при этом Моше не рассматривал присущие ему качества и таланты как «собственную» принадлежность, ибо – умалился, и его Я было погружено в море Б-жественной реальности. Его жизнь была лишь реализацией Б-жественного плана, осуществляемого через него как через орудие. Притом – орудие, лишненное эгоистических устремлений. Моше был учителем, но когда он учил, «Б-жественное присутствие говорило его устами» (Зогар, ч. III, 232а).

Діаа і а гай еа

Сказанное вовсе не значит, будто наше «земное» Я – наше ощущение себя личностью и индивидуальностью – должно быть искоренено или подавлено. Как таковая, «самость» еще не негативная черта. И лишь предоставленная самой себе, она ведет к развитию крайне негативных качеств. Но если человек пренебрегает развитием «акватического» сознания и поведения, если теряет из виду исток и цель своего существования – тогда, несомненно, его «самость» перерастает в эгоизм. И личностное начало превращается в абсолютную поглощенность собой, а индивидуальность оборачивается оторванностью от других и потерей корней.

Только когда мы погружаемся в море Бжественной реальности, мы можем использовать «эго» в качестве положительной движущей силы, каковой оно, по сути, и является. Только в этом случае мы можем заставить работать на нас нашу неповторимость, чтобы это помогало нам исполнить жизненную миссию.

Очень точно это выражено в благословении Яакова его внукам, Менаше и Эфраиму. Слова, традиционно звучащие в русском переводе как «да расплодятся они весьма на земле» (Брейшис, 48:16), в оригинале можно читать как «да кишат они, как рыбы, среди земли». Слово Ве'йидгу, употребленное в этом стихе, образовано от даг – рыба. Конечная цель человека не только уподобиться «рыбе», но быть рыбой «посреди земли».

Понимая все это, мы осознаем глубинное значение того, что Красное море расступилось пред народом Израиля на седьмой день исхода из Египта. Повествуя об этом чуде, Тора сообщает: сыны Израиля «шли посуху среди моря». На пути к освобождению от Египта и его языческой среды как в физическом, так и в духовном смысле, мы обрели способность «идти посуху». То есть сохранить неповторимую индивидуальность каждого и при этом «идти среди моря» – погрузиться в море всеобъемлющей и всепобеждающей вселенской истины истин.

Мудрецы (Сангедрин, 91б, а также Мидраш Танхума Бешалах, 10) подчеркивают: это раскрытие Красного моря перед нами было лишь первой ступенью длительного процесса, развертывающегося на протяжении всей истории нашего народа. А песнь Моше и Израиля, идущих по дну морскому, – лишь первая строфа той, что достигнет своей мелодической вершины с началом эры Мошиаха, – конечной цели творения.

То, что море расступилось для нас, – своего рода прецедент. Он задал направление нашим дальнейшим многовековым усилиям, направленным на совершенный синтез моря и суши. Этому суждено осуществиться в мессианскую эру, когда «земля будет наполнена ведением Г-спода, как воды наполняют море», предрек пророк Ишаю (11: 9).

Об Аевао

І ААДААЎБÕ È ÈP АБÕ

***Дагаа аадаа і іеааа – аеіае?
Ааідеі, 20:19***

А аааеіеіі еаеаіаада 15 :еіеі і аауаа оаао – І іаіе аа аааааа, Об Аевао, – а уоіі аао іааао іа 18 уіааау. Уоіо ааіу іоааі даіі уеаіеуі і міааааа аеіааеа н ааааіі – аа аіаеіаіі ааааеаеаеііі оааааа È даіі уеаіеуі і оіі, :оі ес уоіе аіаеіае і у і іааі ес аеа-у

О ааааа оде міаааеуіеа: уоі е міаааеуіеа аа аіаіе е ааіі іаіааіаеі уі аеу оіаа еіоіе, уоі е ноаіе, ааае е ееіаа, іааауіеа аа оаеі. Уоі е іеіау: а іеа ааааааао міі аіа, аеааааау еіоіоіі ааааау і оіаіеааао мііе оіа

А аааіаіе аеіе :аеіааеа оае аа ааоу міааа оіаа еіоіе, оаеі е іеіау. Еіоіе – ааа, еіоідау уаеуаоіу еіоі-іеіі ааа, :оі іаа іеааа. «Оаеі» аааіаіе аеіе міааі іаеіе е уі іоііаеііу іе, еіоаеіаеаеііу іе е іаеае-ааеі е ааааеаіеуі е. Іеіау – іааа мііаііаіоу

È mōaē Anīnēuū tē iā ādō Nēiaē, iā ādōeīō ādū, ē i dēcāē A-ā īōā iā ādōeīō ādū, ē ācīōāē
Ī īōā
Oī īēñ 19:16-20

Nāi iā ācēīā māuōeā ā ēñōīdēē āāāēnēīā īādrāā i dēcīōēī ā Oāāīñ ā oāñōīē āāū
i āñōā nēāū 2448 āāā īō mōāīdāīēy i eā (1313 ā āī 1. y). Ā yōīō āāū īādrā Ēqāēēy - āīēūōā āāō
i ēēēīīā i oē+ēī, āāī ūēī ē āāōāē, ēāē ē āōōē āīāō āāāāā ēīōīdūī nūcēāāī āūēī dīāēōūñy īīcēā
māāāēēūī o īīāīīāēy ādū Nēiaē, ÷ōīāū īīēō:ēōū īō A-ā ūōdū «Ī ādāīēñ» mīñōīyēāñī 11 i āñyōā
mōāy īīnēā yōīā māuōēy, ē āūēī īāñ:ēōāīī 603 550 i oē+ēī ā āīqāāōā īō 20 āī 60 ēāō, īāñ:ēōāy
ēīēāīī Ēāāē. N oāō īīd yōī māuōeā īāāīāāā cāīā:ādēāīī ā īāōāī ēāēāīāāā ēāē i dācāīēē Oāññ-
«Ādāī y āādrāīēy Īāōāē ūōdū».

Īī ūōdā, īīēō:āīīāy īāī ē īā Nēiaā ē oīīō ādāī āīē oēā i dēīāāēāēāēā īāī īā ā īāīī
īīēīēāīēē. ūāē, Nēī - mīī Īīy, ē āāī īdāāīōē Yāād nōīyēē āī āēāāā āēāāāī ēē, ā ēīōīdīē ēō:āēē ūōdū
īīyñyāō Dāōē īā Ādāēōēñ (28, 5). Ī āōdēāōē - Āāāāī, Ēīnāē ē Bāēīā - īñīīāēē āēy ēō:āīēy ūōdū
«āōēāī» (Ēīī ā, 28). Ī ā īōīyāēāīēē āīāā īēāīā āēīāōnēīā ēīēāīī Ēāāē, īñōāāāōāīñy
īāīīdāāīūāīīūī, āūēī cāīyōī ēō:āīēāī ūōdū (Dāōē īā Ādāēōēñ 46; 28, ūēqēōīē īā Oī īēñ 5:4).
Īāōē īdāāēē «āēpēē āīōōāīīp ūōdō īdāēāā, ÷āī īīā āūēā āāīā ēī», mīāēpāy āñ āā cāēīīū ē
ōñōāīīāēāīēy, āēēp:āy īāy cāīīñōū mīāāōāōū yēdūā oāāōēēēī, ēīāāā ēāēīē-ēēāī īdācāīēē
īdēōīāēēñy īā ēāīōī Oāāīñ (m. ūāēī ōī, ōāī āēā). Ī ā Nēiaā īāī īā āūēī īōēdūōī īīāīō cāēīīīā ēāē
īā āūē āāī ēāēīē-ēēāī īīāīē mīā, īīdāāēy pūēē āñ īāōē āāēñōāēy ē īīñōīēē. xōī āēā ōīāāā āūēī
āādrāāīī ā yōīō i īī āīō «Āādrāāīēy īāōāē ūōdū»?

Ī ēāāōē īīyñy pō āāēīñōū nēō:ēāōāāñy ōīāā īā ādā Nēiaē nēāōpūāē īdēō:āē.

Ēēē īāēīāā ōāūī īīāēāāōēē āēpñōē nēāōpūēē īāū:āē: «Āā īā nīyāō āēōāēē Dēī ā ā
cāī ēē Nēdēēīēēā; ē āā āāāō cāīdāūāīī āēōāēyī Nēdēē āññāēōū ā Dēī». ūī:īī ōāē āēā mōāīdēā
ī ēd, Ā-ā nēācāē ē ūñōāīīāēē nēāōpūāē «Ī āāī - īāāī Ā-mīīāō ā cāī ēp - mīīīāī ÷āēīāā:āñēēī» (Ūāēēēī,
115:16). Ī ī ēīāā Īī āīcēāēāē āāōū ūōdō Ēqāēēp, īāāāñ īōdāē ōī Nāīā ūñōāīīāēāīēā ē āīcēāāñē:
«Ī ēāēīēā ōāñōāā ī īāō āññīāēōū ē āññōēī, ā āññōēā - mēññāēōū ē īēāēīēī. Ē B Nāī īīēīāō
īā:āēī ōīīō, ēāē ōī īāīēñāīī: «È mōaē Anīnēuū tē iā ādō Nēiaē» (Oī īēñ 19:20). Ē āāēā: «È
nēācāē āī ō (Ī īōā) Ā-ā Ēāē, mēāē, ē ācīēāāōūōū» (ōāī āēā 19:24).

Īō mōāīdāīēy i eā ā ōā:āīēā āāō nīīēīāēīēē ōūñy: ēāō mōdāīyēā nāp nēō āqēdā -
ōñōāīīāēāīēā, mīāāñī ēīōīdīō dāēūīñōū dācāēyēāñī īā āāā nāī īñōīyōāēūūā īāēāñōē: ī ēd
āōōīāīūē ē ī ēd ī āōādēāēūūūē. ūōdā - āīdāēāīēā Ā-āāñōāīīēē ī ōāññōē ē āīēē Nīcāāōāēy - īā
īāēā īēāqīāōū ēāēīā-ēēāī āēyīēy īā ī āōādēāēūūē ī ēd. Ēāī ūōdā āūēā āōōīāīūī ī āīēōāīōīī,
ēīāōēī īōīīōāīēā ēēōū ē āōōā ÷āēīāēā ē āōōīāīēē dāēūīñōē ādīēō īēdā Īdē ōīī, ÷ōī
īīēīāēāīēy ūōdū īdēēāāūāēēñī ē ōēqē:āñēēī īōīyāēāīēyī āēqīē, nāī ō yōō āēqīū īāēūy āūēī
āīcāūñēōū āī ēīīā ōdāīy, āē āūē īīēīāēāī īdāāē, ēīōīdīā īā īāāōāāīōōū Āā īīāēīī āūēī āā
ōēō:ōāōū īī īāēēā ēñīñōū ē īēīōīñōū ōēqē:āñēēā nōūāñōāīāīēy āūēē āā īāīōūāī ēāī īē nōūp.
È ōī:īī ōāē āēā ēñdēīīī āōōīāīā īā īāīēī āūōū yāēāīī īā cāī ēā - nāī ā īdēdīāā āōōīāīñōē īā
āīīōñēāēā āā īāī nōāñōāīīūō īōīyāēāīēē ā ī āōādēāēūū īī ī ēdā

Ī ā Nēiaā Ā-āīōī āīēē yōī ūñōāīīāēāīēā

, īdēāāāōāā āāñōēq ādāīēōō īāēāō ī āōādēāē ē āōōīī, ōāī nāī ūī īāāīē:ēāāy ēō
īdāāēāī ē ī ēdā āīēūāā ēēē ī ēdā ādīāā. Ā-ā mōāē īā ādō Nēiaē, īdēīāñy āōōīāīñōū n īāāāñ īā
cāī ēp. Ē Īī īdēcāē Ī īōā āīēōē īā āāōēīō Nēīāy, āāā ÷āēīāēō ā ōēqē:āñēēī ōāēā nēēū āīcāūñēōū
āā ōēqē:āñēēā B ē āāñī ī āōādēāēūūūē ī ēd āī āīēāā āññēīā ōdāīy āūōēy. Īōīūīā ūōdā īāēā
īñyūāōū ōēqē:āñēēp āēqīū

Āñōdā:ā Ā-ā ē ÷āēīāēā īā Nēiaā āāēā īā:āēī īīāīē nōūīñōē - nīyūāīūī īdāāī āōāī ».

Nī ādāī āī Nēīāy āñyēēē dāc ēīāā ÷āēīāē āāāō ī īīāōq cāāāīōāīīōp āā ōēqē:āñēēī ē ūēēēyī ē ē
ōāēāīōāīē, ē āāōāāō āā īā āēāāōāīdēōāēūūīñōū; ēīāā, m āōāā īōēō ē āīāq āīīāēāō
āāqāōāēāāīēē ōēāā (ī āōō) ē āēōōāāō āā ā Īāēñō; ēīāā īdēāāō ēōīēāī ēīāē īīdāāēāīīūē dācī āā,
ōīōī ō ē cāāīdā:ēāāō ā īēō nēōēē īāāāī āīōā nīīdāāēāīīūī ē nēīāāī ē īāāāāō yōē ōōēēēī īā
āēīāō ē dēēō - yōīō īāūēō āēy ēñīēīāīēy ī ēōāīēñīdāīāōāēāāōñy. Āāūūñōāīīāēōñy «nīyūāīīē»
- nēīāīī āī ī āōādēāēūūūē mīñōāā ē ōīōī ā īāñō ā nīāā āīēīūāīēā āēāīāīēy ē cāīīāāāē Ā-ā

Ī ēōāīēñ īīāē ēñīēīyōū - ē ēñīēīyēē - ē āī Nēīāy. Īī, īīnēīēūēō īīē āūā īā āūēē

cāīīāāyī ē Ā-ā, ōī īā īāēāāēē mīñāāīñōūp nōāōū īñōīī, īāāādrāōāīīūī ÷āāc īdīāñōū
dācāēyāōq āōōīāīā ē ī āōādēāēūūīā Ī ēōāā īāēā īēāqōū īīdāāēāīīā āīcāēñōāēā mīñāñōāy
ī:ēūāīēp āōē; īāēā āī īīdāāēāīīē nōāīāīē īāēāāōīāēōū ōēqē:āñēēē īāūēō, nēīōīdūī nīy cāīā,
nāēāā ōīō īdīāīāīēēī āēāēō ē āññōīēīūō āyīēē. Īī ōīēūēī ā ēā:āñōāā Ā-āāñōāāīīēē cāīīāāē,
ēñīāyūāē īō ūōā, ēōī mōāīdēē ē dācāēēē āōōīāīā ē ōēqē:āñēēā īēōāā īāēā «ñōēdāōū»
āñōāñōāāīīūā ādāīēōū, īīēīāēāīīūā āāñī ōāññōāāī. ūōēūēī īīnēā Nēīāy īēōāā īāēā
āēōōāēēqēdīāāōū āōōīāīā ē īñyūāōūī āōādēāēūūīā

Āīō ēīī ī āīōādēē Ī āēī īīēāā

Īāāōēī āīēīāīēā īā nīīāīīēāāpūēē īīāōīā, nōīdī ōēōdīāāīīūē ā nēīāāō Ī ēōīū:
«Yōī āūēī nēācāīī īā Nēiaā..» Ēāī āñī ÷āā ī ū īūīā ēqāāāāī, ē āñī, ÷ōī ī ū īūīā āāēāāī, - āñī īāōē

Тора – истинное бракосочетание небесного и земного, ибо одновременно она духовна и физична, трансцендентна и осязаема. Тора – мудрость и воля Б-жья, но при том она доступна человеческому рассудку и реализуется в физической жизни людей. Примером может служить следующая талмудическая история.

Рабби Элазар обсуждал с учеными мужами некие положения Торы. Он настаивал на том, что очаг, устроенный определенным образом, не может быть ритуально нечист. Однако прочие не согласились с ним. «И привел тогда – сказано в Талмуде – рабби Элазар все мыслимые доказательства, но они все их отвергли... Наконец, воскликнул он: “Если закон таков, как утверждаю я, пусть мою правоту подтвердят Небеса!” И раздался тогда небесный голос: “Что еще надобно вам от рабби Элазара – закон таков, как он утверждает...”

Рабби Иеошуа встал тогда и сказал: “Не в небесах Тора!”

Что означали его слова? Рабби Иермияу объясняет: Мы не придаем значения голосам с неба, ибо Ты, Всеблагий, написал в Торе, чтобы следовали мы большинству».

Талмуд продолжает: «Рабби Натан встретил пророка Элияу и спросил того: “Что делал в тот момент Б-г?” Элияу ответил: “Улыбнулся и сказал: Дети Мои одержали вверх надо Мною, они одержали надо Мной верх”» (Бава Мециа, 59б).

Тора – универсальна, она носит вневременной характер. Но Тора подробна и точна в определении мельчайших нюансов мицвоис: как определить начало Шабоса, как следует читать Шма по утрам, как должен быть расположен алтарь в Храме, каковы размеры шалаша, сооружаемого на Суккос, и как именно готовить мацу, которую надлежит есть в первый день Пейсаха. Актуализируя духовное, Тора помнит о безграничности и чистоте духовного. Освящая физическое, Тора использует вечность и конечность физического объекта в качестве самого средства освящения этого предмета.

Напомним о сути трех стадий соединения неба и земли. Первая – нисхождение высшего к низшему. Затем – восхождение низшего к высшему. И наконец, «коллизия» или слияние этих двух встречных движений в их «бракосочетании» или соединении.

На уровне истории первое тысячелетие, для которого характерен насыщенный поток Сверху, изливающий жизнь и питающий ее, было временем, когда связь между небом и землей определялась исключительно «высшей сферой». Второе тысячелетие, отмеченное очищением земного и его стремлением подняться к высшему, было эпохой устремленности дольного мира вверх, к небесам. Третье же тысячелетие, берущее начало в «эпохе Торы», стало свидетелем единения материи и духа в их взаимопроникновении.

В событиях, что непосредственно связаны с откровением на Синае и к нему вели, эти три стадии реализовались следующим образом. Во-первых, Исход был односторонним откровением и искуплением Свыше. Затем последовал период приготвления и самоочищения, отделяющий Исход от синайского откровения – период этот длился семь недель и повторяется с тех пор каждый год. И затем наконец была дарована Тора: при этом Б-г сошел на гору Синай, а Моше взшел на ее вершину.

На ином уровне откровение на Синае, при том, что оно включало в себя ряд элементов, связанных с «восхождением низшего», было откровением Свыше. За ним многовековой период самоочищения и самосовершенствования, который разрешится приходом Эры Мошиаха и окончательным соединением небес и земли.

Νοίεεὶ ἰαῖεῖα ἰδὲ οὐραῖ ἰεῖαεὶ ἰνῶαε

Мудрецы учат: «Человек – вселенная в миниатюре». В человеке представлены свои небо и земля: «высшее царство» духовности и «низшее царство» материальности. И, соответственно, когда-то в человеке они были разделены точно так же, как и во всем мире. Откровение же, явленное на Синае, побудило нас соединить материю и дух, тело и душу.

Через мицвоис Торы душа находит цель и призвание, вдохновение и силу в физических деяниях и материальных достижениях. Через мицвоис Торы земные, ежедневные стремления человека обретают святость и Б-жественность. И в этом процессе бракосочетание духа и материи должно сопровождаться нисхождением Бжественного и возвышением материального. Душа, чья первейшая склонность – избежать грубости и приземленности материального, должна снизойти к земле и сделать усилие, чтобы выразить себя в физической жизни тела. Физическое, озабоченное бытием и реализацией в проявлении, должно устремиться к высшему. Устремиться к тому, чтобы превзойти себя, преодолеть озабоченность собой и сконцентрированность на самом себе.

Лишь в столкновении этих противоположностей может быть реализовано стремление к истинному единению тела и души, конечное соединение неба и земли, Создателя и создания.

Ἰ εσῖ ἰ οεῖ

Ἰ ἈἈἈεεεὶ Ἰ Ἀ εὶ ὈὈἈἸἸ

***Ἐ ἰεαεῖ Ἀ-ἄ ἰαδὸυαῖνῖε ἰ ἰσᾶ Ἀεῖεε εἰ Ἰ ἰᾶ ἰᾶ αῖδὲ εἰ αῖνῖ οᾶι ; ε Β αῖι οᾶῖα ἰεδεεεεε εᾶι αἰ ἰ ἰᾶ
ε Ὀἰδῶ ε εᾶι ἰαῖνῖ εἰ οἰδῶα Β ἰαἰεῖεε εεῖ ἰ αῖδᾶεεῖ εῖ ἰ αδῖαᾶ
Ὀἰ ἰεῖ 24:12***

Íí çæííó Õíðú, áæó ìííá - íá ðíðíó ðíò, èðí ææáò ïí áðúáð ñòðíó èçáðíæ: ÿòí ÷æííæ, íáðá èíðíðú ó ááí áíðú íáççàðæííðáà è çà èíðíðáí áí íáíðá íðááæáííð ïðáðíðáíííðú Íáíí èç.ÿðèð íáççàðæííðá íáççáíí á çæííá í ááð ðíðá - áóæáæííí «í ðíí, èðí íá ðíæá»: áííè èðí-èèáí ææáò ðíðáðúííáíííèá, áí ìííá - ðíò, ÷íáííèá áíáíè-èò ñíðíáááí ùí ð-áíðèíí, - íáæáááò ðèíðèðáðííí ðááíí èúíèòú ÿòíð íááæ. Çæíí ÿòíð ïíáèðúíèáí ñáááííè ðáèðèíí, ðáááíí ððèááðíá, ÷òí áííè ð-áíðíè íá áúè ìíáðá ðíðáíèáí ìííáí, á ñááçò ðíðáí èíí ð-èèáí «ìí ñòðííí», ðí ìííá èí ááð ðíðáí, áííèáðèá íáíí ó áæááæííð ðáí ó ííèðíè, ìíááòú ðíí ñ çú èè (ì. Õæíí óá, Áááá Í áèá, 108á; Í èðíá Õíðá, Çæííí ð ìííáí, æ. 12-14; Õèèáí Í ðú, Õíèáí Í èðíá, 17: 5-63).

Õæíí óá ðèáíæò ÿòíð çæíí èáè èèáííè-áííèè ðèíáð «áíááí, èçáæááí íè íáíèí ÷æííæíí áçç ííðáíí æý áðúáí». Èáí áíááá ííèðíðáæý çæèð-ááðíí á ðíí, ÷òí íí ííæáð íáðááðúááòúíáá íááæá èáè áæííáííèá ðáí ñáí ùí èçáááí èçááðææ, ñáççáííúð ñíðááíðèíè ááò ð-áíðèíá çú èè, ðáíííèíæáííúð á ðáçíúð ðíðáá. Íðíáááò æá ðèð ÿòíí íá íáíð ðíðáíí èáí ííèð-ááð ñááð ðáí ó ðáè æá èáè è áðíðíè áçç íæííè æáááæá, íá ÿáèýðíèèíí ìííáíí: íí ðíæáð èúíèòú ðáíííðáííá ííèá áíá-íèááíí áúá Õáí ñáí ùí ñáááíáçç ðíðáèðèá èííáèò èç ðíðáííæáíèç: «Íííðóíæ ìíðááííèèáí è ðíðíðí» (Ááíðèí, 6:19). ÿòí ííèíæáí èá çæðíááò áíðíá çèíííð ðááèáí èýí è íáíí ðááííèèáííðè, ááæá áííè ÿòè íáí ðááííí ùá ááççíèç íííðò áæá «çæííííúð» áæííðáè.

Áèíðá - áíèíðá ÷áí ðíðíðí èíááèí ííáááíèç á çúí ííè æèçíè: ÿòí áúá è ííèííèá «èíááèí ííáááíèç» Ñáí íá Á-á - ðáðáèðáðá ðíðíðáíèè, èçáðáíííá Èí á ðíðíðáíèç ñ ðáíðáíèáí. Õæí, ðí ðæáèí, ÷òí Á-á ñáèðááð Õááíí çáííááíí ððèèè è èííá ððáííáíèç çæííá Õíðú (Í èáðáè ðááá Áðáèèí 11:5; Õæíí óá, Áðíðíèí 6á). Èáè ñèçáíí á Í èáðáè: «Í ðè Á-á ðèè-íí ðí ðíðáè íèíðè è èðíæ. Í ðúí íèíðè è èðíæ: íáíðááççòú á ÷áí-òí áðúáè íí íá ñèáííáðúí ñáí íí ó ÿòèí íáíðááèáí èýí, Á-áæá - ÷òí Ñáí áæááò, ðí áæèò ñáèðááòúè è áæáòú Èçðáèèð» (Õí íèí ðááá, 30:4). Áííè Á-á çáííááííáè íáí çæíí í ááð ðíðá, Íí Ñáí ííèíðáí áí ó

Õæí, Õæíí óá íííííáð: èíáá Í íèá «ííáííèç íá áððèíð», ÷òíáí ííèð-èòú Õíðò ðíð Á-á, ñèçáèè áíáèú ñèæáíèç Ñáççòíí çæáííèíáí Íí: «Áèááíèá ðèðá, ÷òí áæááð ðíæáíííè æáííèíè ñááè íáíí?» «Íí ðíðáè, ÷òíáí ííèð-èòú Õíðò», - ðíðáèè Á-á ñáíí «Ñíèðíæúá ÷òí áúèí ñíðóáíí Õáíí çá ááççòúííð ñáí íáííðò ÷áðúðá ííèíæáíèç áí ñíðáíðáíèç ðèðá, Õú ðí-áòú ðíðáòú ñá áðííí ð?.. áíáíí Õú áæè ñèááò Ñááð Í ááííí [ðíí áíðúíáè Õíðò áíáèáí, á íá èðáíí]».

«Í ðáíðíèí ðú!» - ñèçáèè Ñáççòíè, ææáííèíáí Íí.
Ñèçáèè Í íèá Áíááííèáí ó «Áèááíèá ðèðá, ñèçáíí á Õíðá, èíðíðèð ñáèðááèííí Õú ááòú í íá - "B -

Á-áíáíí Á-á ðáíè, Èíðíðíè áíáæè ðááçç èç çúí èè Áæíáðííèè, èç áíí á ðáíðáá» - è íáðáèèíí è áíáèáí: «ðáçá ñíðèæèíí áí á Áæíáð, ðáçá áúèè ðááí è ðáðáííá? Õæí èáè æá Õíðá ðíæáð ðèíáæææáòú áíí?!» È áúá ñèçáíí á Õíðá «Áá íá áááð ó ðááçç áðúáè áíáá...» ðáçá áíí ðèðíáèèíí æèðú ñááè èáíèííèèííèèíá? È áúá ñèçáíí á Õíðá: «Í íí íè ááíí ñááíðíèè, ÷òíáí ííáççòú áíí». ðáíðááðá èè áí, ÷òíáí ííèááòúíí á ñááíðíáí ðíðáá. È áúá ñèçáíí á Õíðá: «Í á ðíèçííè èí áíè Á-áíáá, Á-á ðáíáá, áíá...» ðáçá ñíðá èáíááðíí áíí? È áúá ñèçáíí á Õíðá: «×ðè ðíðá è ðíðá...» ðáçá áíðú ó ááí ðíæðáè? È áúá ñèçáíí «Í á áæáè. Í á ðíðáíáíèíðáè. Í á èðáè». ðáçá ó áíí ðíæáð áúðú ðáíí ðíðúèèè çèá ííáææáíèá?

Èáè ííííííðò èíí íáíðáðíðú, ðíðáííèç áíáèíá íá ðí, ÷òí Õíðá ðèíáæææèò èí, ííèèá ðèáè-áííèè ðáðáèðáð - ðí áúèá ðíðáíðèáá ìííáá, ííááðæáííáç çæíííí í ááð ðíðá Áæíí á ðíí, ÷òí Õíðá - «ðæííá ñèðíæúá» Áá: áí ðíí, èáè Õíðá áúèá ááíá íáí íá Ñèíáá, ííá ÿáèçáíí èíèèð-èòáèííí áúíáííí íáíèðáíðíí, «íáíèíáííí ðíáíè íáðá Íèí ÷áííí íá áí íí áæíí ðíááð», íáíèðáíðíí, èí ááèí ðíðíðáíèá ðíèíí è áúíáíèè ñòðíèððá ðáíðáíèç (ðáèè, Ááíðèí, 33:2). Ííðíí ðíí ù ááæáííí, ÷òí íá Ñèíáá Á-á áíðèè ñíáí è «ñíááíí» (Õí íèí 20:19; Ááíðèí, 4:31). È ÷òí Í íèá «áííèáè íá íáíí» (Õæíí óá, Õááíí - ðáí æá è áí ííæáíðáá áðúáè èíðí-íèèíá). ×òí Í íèá ðíðíèè íá áúíáííè èááííí áúðèç, ÷òíáí ííèð-èòú Õíðá: «È ðíðáè ðáí [íá Ñèíáá] Í íèá ñíðè áíáè è ñíðè íí-áè, ðèáá íá æè è áíáí íá íèè...» (Õí íèí 34:29). Áíáèú ðááíðæááè, ÷òí ííè ÿáèççòíí èçíá-áèííí è «ìííááíí è» Õíðú; ííá áíèçáí áúðú ðíðáíèáíá èí, ðíðæáá ÷áí áúáð ðíðáíðæáíá á ð-áíèáí çúí ííè æèçíè, ááðáííáí ííá íáèíáí ó «ááèíí áí ð» æáááæííð, ðèíáæææáííáí ð è çúí ííí ðí èðá çáííí èðááííí íáíííáíèá ðíí, íí-áí ð Í íèá íá íá ðíðíðí ðíðáèòú áíáèáí: «Í ðèðíèðá Õíðò è çáççíèðá íí-ðè èæáúè ðáçáè Õíðú ðèðíááòííí ñèíáí è: «Çáííáííáè ñííáí Èçðáèèç», «Ñèçáèè ááççí Èçðáèèç» è ð.í.» Áæíí á ðíí, ÷òí çæíí í ááð ðíðá áááò ìííáí ðíðáí èúíèòú ííèá ááæá íííèá ðíí, èáè ííí ææá áúèí ðíðáíí «ááèíí áí ð» ííèðíðáèð.

Í ÿòú ðíðáíðíá

Признавая, что претензия ангелов основывается на законе Торы, Б-г велит Моше «ответить им» прежде, чем он получит Тору и возьмет ее на землю. Согласно комментарию Раши к Бава Мециа закон о бар мицре применим в первую очередь к тому, кто намерен купить землю. Закон этот запрещает приобретать поле, желанное тому, кто живет с ним по соседству, вменяя в обязанность переуступить соседу уже

купленное поле. Тем и объяснено: почему Б-г претензии ангелов переадресовал к Моше – тот ведь выступал в роли приобретателя собственности и потому мог рассматриваться как престапующий закон о бар мицре.

Как же мог Моше с точки зрения права защитить соглашение между Б-гом и Израилем? Упомянутые выше комментаторы предлагают следующие алохические обоснования.

Первое: закон о бар мицре распространяется лишь на продажу имущества, но не на его дарение – владелец свободен передать поле как дар кому угодно (Талмуд, Бава Мециа, 108б; Мишне Тора, там же, 13, 1; Шулхан Орух, там же, пар. 54). Если Б-г дарует нам Тору, претензии ангелов не имеют под собой оснований.

Второе: закон о бар мицре распространяется только на недвижимое имущество (Мишне Тора, там же, 13, 4; Шулхан Орух, там же, 53). Тора же – не недвижимость, чему доказательство – факт, что она «принесена» на землю и тем самым действие данного закона не распространяется на нее.

Третье: если кто-либо желает продать поле кому-то из членов своей семьи, он вправе сделать это, не предлагая поле соседу (Риф, цит. в Шита Мекубецес на Талмуд, там же; Багад, цит. Бейс Йосеф на Тур, Хошен Мишпат, 175; Шах в комм. на Шулхан Орух, там же, подр. 30). Народ Израиля – дети Б-га и «близки к Б-гу», керовим (Дворим, 14:1; 4:7). Тем самым закон о бар мицре не распространяется на приобретение Торы Израилем.

Четвертое: точно так же действие бар мицры не распространяется на продажу земли партнеру (Мишне Тора, там же, 12, 5; Шулхан Орух, там же, пар. 49). Мудрецами сказано: «Всякий судья, исполняющий закон, сохраняя высшую верность правде, становится партнером Б-га в творении» (Талмуд, Шабос, 10а, в связи со Шмойс, 18:13). Именно так, блюдя закон Торы, Моше может считаться партнером Б-га. В самом деле, стих, от которого отталкивается весь Талмуд, – тот, в котором упоминается Моше. А следовательно, Моше может вступать во владение Его собственностью, не прислушиваясь к возражению «небесных соседей». Соблюдающий Шабос также рассматривается как «партнер Б-га в творении» (Талмуд, там же, 119б). А так как мицва о соблюдении Шабоса дана евреям за несколько недель до Синая, во время стоянки в Маре (согласно Талмуду, Сангедрин, 56б; см. также Шмойс, 16:29,30), то выходит, что все евреи – «партнеры» Б-га и, следовательно, имеют полное право «приобрести» Тору во владение.

Пятое: в Торе о Моше сказано – «он человек Всесильного» (Дворим, 33:1; Теилим 90:1; Дворим Раба, 11:4). Моше наполовину – смертный, наполовину – принадлежит горнему миру. Тем самым Моше в той же мере может претендовать на то, что он – «сосед» духовной Торе, как и его небесные оппоненты. То же можно сказать и о народе Израиля: души его «вырезаны из подножия Горнего Престола» Всесильного (Зогар, ч. III, 29б).

Однако все эти аргументы уязвимы по-своему.

Что касается первого: Тора действительно названа «даром» Свыше (ср. Бемидбар, 21:18: «Из пустыни, это дар»; и в ежедневном благословении Торы мы говорим: «Благословен Б-г, давший нам Тору»), а праздник Швуэс назван «Временем дарования нашей Торы»). Но Тора также названа «наследие» (Дворим, 33:4) и «приобретение» (Мишлей, 4:2; Шмойс Раба, 33:1). Три эти метафоры описывают три различных начала, присутствующие в Торе, и определяют, как же именно народ Израиля «обладает» Торой. Тогда претензии ангелов на Тору могут быть вполне обоснованы относительно того ее аспекта, который описан метафорой «приобретения».

Рассмотрим второй аргумент. Закон о бар мицре не распространяется на движимое имущество потому, что последнее не связано с каким-либо фиксированным местом. А следовательно, в отношении его не может идти речи о соседях в истинном смысле этого слова. В нашем же случае само место, которому «приписана» Тора, имеет сущностное значение. Ангелы настаивают на том, что Тора должна остаться на небесах, то есть – остаться духовной по своей сути. Тогда как Моше, обретая ее, уносит Тору на землю, что влечет изменение ее статуса и функции: из духовного манифеста она становится учением для жизни в физическом мире. И в самом деле, после того как мы получили Тору на Синае, она уже не «в небесах», а всецело в «земной юрисдикции» (Дворим, 30:12. См. Талмуд, Бава Мециа, 59б). «Продажа» Торы Израилю означала, что ангелы более не имеют к ней доступа – во всяком случае, она исключена из среды их существования. Точно так же, останься Тора «в небесах», это означало бы, что наша жизнь соотносена с нею только на эзотерическом уровне, а не как с орудием освящения физического мира. Как то и было до дарования Торы.

Закон о бар мицре распространяется только на те случаи, когда подобное же поле можно найти где-то еще. И суть действия закона в том, что он определяет, на чьи именно плечи ложатся хлопоты, связанные с «дальним» полем (см. Талмуд, Бава Мециа, 108а; Мишне Тора, Законы о соседях, гл. 12-14; Шулхан Орух, Хошен Мишпат, 175:5-63).

Это вполне согласуется с сутью спора Моше и ангелов: должна ли Тора быть уступлена земле? При любом исходе спора и та и другая сторона могут и впредь изучать Тору, но лишь одна из сторон познает радость обладания Торой как чем-то, сущностно ему принадлежащим.

Из сказанного следует, что закон о бар мицре имеет силу в данном случае: Тора действительно была «недвижимым имуществом» горнего мира. А значит, на нее распространялись прерогативы соседей, которые и были сформулированы ангелами.

Собственно, все пять аргументов не нуждаются в доказательствах по той причине, что ни один из этих аргументов не упомянут в ответе Моше ангелам. Если для ангелов, убеждающих Б-га: «Ведь Ты дал

славу Свою небесам!», основанием претензий служит закон о бар мицре, то Моше должен был бы пояснить, почему в данном случае этот закон неприменим. Но нигде в словах Моше мы не найдем отсылки к вышеприведенным пяти аргументам. Ведь сколь бы ни были серьезны третий, четвертый и пятый аргументы, Моше, казалось бы, утверждает совсем иное. Вот суть ответа Моше: в отличие от ангелов евреи – физические существа, обитающие в профанном мире, собственно – в мире вероотступничества: в мире, где встречаются ревность, злые побуждения, идолопоклонство, и потому-то евреи нуждаются в Торе и имеют на нее право. Вместо того чтобы посрамить ангелов, указав им на прирожденную духовность Израиля (пятый аргумент) или на связь Израиля с Б-гом, партнерство с Б-гом (третий и четвертый аргументы), Моше, казалось, подтверждает саму обоснованность ангельских претензий. Моше подчеркивает, сколь далек Израиль от мира ангелов и духовности небес.

Аи

Мудрецы учат: «Целью сотворения всех миров, как горнего, так и дольнего» послужило то, что Б-г возжелал обрести обитель в нижних мирах (Мидраш Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 36). Б-г пожелал сотворить «нижний мир», в действительности лишенный всех манифестированных выражений Его истины. И при том этот нижний мир должен быть превращен в Его дом, «обитель», в которой явлено Его присутствие.

Тем самым, мир был сотворен «ради Торы и ради Израиля»: народ Израиля – строитель этого дома Б-га, а Тора – инструмент для его возведения (Раши, Брейшис, 1:1). Народ Израиля живет внутри физического космоса – в «нижнем мире», где Б-г желает обрести обитель. Тора учит евреев, как материальные сущности – будь то шкуры животных, пальмовые ветви или монеты – преобразить в священные и Б-гоугодные вещи. К примеру – в тфилин, лулав и заставить их служить милосердию и благу. Используя Тору как чертеж и орудие, еврейский народ преобразует подлунный мир в среду, способную вместить в себя Б-га и послужить Б-жественной реальности.

Почему это освящение физического мира рассматривается как создание «обители» для Б-га? Дело в том, что в человеческом доме с наибольшей полнотой выражается сущностный смысл того, что будет достигнуто, когда мы исполним предусмотренное Торой: построим жизнь по ее «чертежу».

Есть множество различных обиталищ и структур, связанных для человека с идеей «дома» и служащих человеческим нуждам. Человек может проводить долгие часы за изнурительной работой в поле, обрабатывая его, чтобы получить пропитание от земли. Другие же проводят время в конторах, лабораториях, на заводах, чтобы добыть свое пропитание. Люди строят здания, где расположат медицинские, образовательные, юридические и развлекательные учреждения. Строят машины, чтобы на них передвигаться по суше, воде и воздуху. Однако у всех этих «людских вместилищ» есть общая черта: они дают приют для выражения лишь какого-то одного аспекта личности, противостоящего этой личности как целому. Во всех этих зданиях находят приют земледельцы, бизнесмены, студенты, больные, литературные критики, отдыхающие – но не человек как таковой. Входя под кров этих зданий, человек исполняет какую-то определенную роль или удовлетворяет какую-то определенную потребность. И лишь дома он может быть самим собой. Следуя талмудической формуле «Человек, не имеющий дома – не человек» (Йевомойс, 63а, согл. Тойсфойс), хасидизм определяет обитель как «место, где находит приют сама суть человека».

Именно это мы имеем в виду, говоря, что «Б-г возжелал обители в нижних мирах». Б-г обладает множеством «пространств» для репрезентации реальности Своего бытия – Он создал множество духовных миров, каждый из которых выражает иной лик Его бесконечной истины, имеющей неисчислимое множество аспектов. Но лишь физический мир может быть Его домом – местом, где обрела обитель сама Его суть.

Так мудрость ученого мужа раскрывается не в его изощренных диспутах с коллегами, но в умении объяснить сложнейшие из вещей простакам. Так великодушный филантроп проявляется не в его щедрости по отношению к друзьям и семье, но в его доброте к тем, кто наименее того заслужил. Сила светильника определяется не тем, что он освещает ближайшее пространство, но тем, сколь далеко проникает его свет. Точно так же бесконечность и всеприсутствие Б-жественного начала находит свое выражение не в спиритуальности горних миров, но в его способности освящать материальное и земное. О материальном мире сказано: «все дела его тяжки и дурны, и грешники в нем торжествуют» (Тания, гл. 6 и 36), ибо там преобладают силы внешне индифферентные или даже враждебные по отношению к Б-жественной воле. И когда этот материальный мир становится выразителем Б-жественной истины, он становится «обителью» Б-га. Когда даже погруженное во мрак профанного и находящееся далее всего от Б-га станет служить Ему – тогда будет выстроен истинный дом для Него. То здание, что способно стать обителью для пребывания самой сущности Его.

И в этом состоит главное и неотразимое возражение на претензии ангелов, что лишь они могут быть обладателями Торы. Закон о бар мицре гласит: «Если покупатель со стороны желает построить на земле дома, а сосед желает засеять ее, земля остается за сторонним покупателем, ибо отдается предпочтение проживанию на земле, и в этом случае закон о бар мицре не имеет силы» (Мишне Тора, там же, 14, 1; Талмуд, Бава Мециа, 108б; Шулхан Орух, там же, пар. 26).

По сути, именно это и говорит ангелам Моше: Есть ли в вас побуждение ко злу? Приходится ли вам иметь дело с суетностью мира? Живете ли вы в окружении язычников? Тогда для чего бы давать вам Тору? Чтобы возделывать еще один роскошный сад духовных радостей? Мы же выстроим с помощью Торы

дом – и это совершить можем только мы. Лишь мы, кому изо дня в день приходится противостоять обману, раздорам, профанности, в таком изобилии представленным в самом нижнем слое творения. И – если будет Тора у нас, мы сможем устроить обитель для Него, место, что станет домом для самой сущности Его.

ὁμοί ἰ

ÈÈÒÎ ÐÁÁÁÎÊÀ

*È ñáááé èðíσεó ÊÎá:áá èç:èñîíá çíεíòá... è ááó èðíáá èç çíεíòá
Í à ááó èííòáò èðíσεé...
È ïíεíáε èðíσεó Í à ÊÎá:áá ñááðóó
à á ÊÎá:áá ïíεíáε ñáááð áεíñòáí
ñþçá, εíòíðíáß ááí òááá
Èß ááó ÿáçúóññ òááá òáí,
è ááó ááí ðεòúñ òíáíε
εç ïðíðáí ñòáá Í áá èðíσεé
í áεáó ááí ÿ εðíáá è, εíòíðíá
Í à ÊÎá:áá ñáááð áεíñòáá ñþçá,
òáεß ááó ï áááááóú
:ááç òááÿ
ííáááéÿ ñííáí Èçðáéÿ.
Øí íεñ 25:17-22*

*Áñáá çá Á-ááðááííúí ïððíááíεáí Í à Ñεíáá Á-á ïíáááé, :òíáú áíçáááε Ñεéíεþ
çáááð: Í á áíεáá Í áεáεòú «σάδοθι μάδαίεÿ» – ï áñòí, ááá Í í áñááá áááð ïðááúáðúí ðε Ñáááí
Í áðíáá Á ñáááðá Ñεéíεé, á ñáí íε áí áεóáéíá, ñòÿÿ ÊÎá:áá à á Í áí ïíεíεéññ «çáááð» – ááá εáí áííúó
ñðεááéé, Í á εíòíðíó áúéé Í áíεñáíú Ñáí εí Á-áí Ááñÿóú çáííáááé. ÊÎá:áá εçñòíáááíúé á áεáá
íðεðíóíε ñááðó óεáðóéé, Í áεðíááéññ εáííðáóíí – íεáñðεííé εç óáεúííá çíεíòá Í áá áí
ííááðííòúþ áíçááááεñí ááá εáðááéí, áíεíááíúá εç òíáá áá εñáá çíεíòá. ÊÎáá Á-á áááðεé è
Í Í óá Í Í óá í áñááááóú Áá áéññ εññáÿεé εç ïðíðáí ñòáá í áεáó ááí ÿ ÿðéí è εáðááéí.*

*çáááð, ïíεíÿúééññ á ÊÎá:áá, áúðááé ñáí ðþ ñòú òíá, :òí Áñáááíεéé ïíáááé εþáÿí :
Ááñÿóú çáííáááé çáεþ:áéé á ñááá áñþ Øíðú Ííçáá á ÊÎá:áá áúé òáεáá ïíεíááí ñáéòíε Øíðú,
Í áíεñáíúé Í Í óá ÿðíð ñáéòíε ñááðááé áíεáá ïíáðíáíá εçéíááéá çáéííá, ñòú éíòíðíó áúéá
ñéííóáí òðεðíááíá á Ááñÿðε çáííáááÿ. Øáí ñáí úí ÊÎá:áá áúé òðáíεéúáí Øíðú, ññááíí,
áí áñðéááéí á ñááÿ í óáðíðúé áíεþ Áñáááóíáá. Í í ïðε ÿðíð áéññ Á-áá εññááéé Í á εç ÊÎá:áá, Í í «εç
íðíðáí ñòáá Í áá èðíσεéé í áεáó ááí ÿ εðíáá è». Êáéíáá áá íðε ÿðíð çá:áíεá εáííðáó? ×áí áúéé
εðíáá è :òí ííε ñááé íééóáðáíðÿéé? È ïí:áú ó εí áííí ííε íòíá:áéé í áñòí, εç εíòíðíá Á-á
íáðáááéññ è :áéíááéó?*

Ááá éñí ï áíðáðéÿ

Среди комментариев на Тору, составленных нашими мудрецами, наибольшей полнотой и ясностью обладают два. Это комментарии Раши и Нахманида – рабби Моше бен Нахмана. Раши цель своего труда объяснял следующим образом: «Я стремился лишь к одному: изъяснить смысл стиха просто, как он есть» (Раши на Брейшис, 3:8; там же, стих 24 и далее). Комментарии Раши всюду приняты как основное подспорье в понимании Торы. И в первую очередь к ним обращаются как те, кто только приступил к изучению Торы, так и ученые. Комментарий Нахманида содержит отсылки к мистике и кабале, и часто вскрывает «глубинные» значения в тексте Торы. Через него изучающему раскрывается «наслаждение, доступное тем, кто знает и понимает сокровенную мудрость [Торы]», как писал сам Нахманид во введении к комментарию на Брейшис.

Раши и Нахманид часто расходятся в интерпретации того или иного слова или стиха. Один из примеров тому – их различные толкования капорет и керувим.

Раши считает Ковчег и капорет двумя различными объектами. В Скинии находились различные «сосуды», у каждого из которых была своя строго определенная функция: например менора, алтарь. Согласно Раши Ковчег и капорет – два разных сосуда, просто капорет назначено место поверх Ковчеха.

Нахманид, напротив, считает капорет крышкой Ковчеха – заметим, что само слово капорет означает «крышка». По мнению Нахманида, это составная часть Ковчеха, а не еще один самостоятельный объект, помещенный в Скинии.

Так, с точки зрения этих двух комментаторов, один и тот же стих подразумевает разное. В Шмойс (25:16), дав Моше указания, как именно изготовить Ковчег, Б-г прежде чем перейти к описанию того, как сделать капорет – велит: «Положи в Ковчег Свидетельство союза». Позже в стихе 21 после описания капорет мы читаем: «А в Ковчег положи Свидетельство союза, которое Я дам тебе». Почему Тора

повторяется? Согласно Раши это повторение призвано подчеркнуть, что Скрижали должны быть положены в Ковчег прежде, чем тот будет накрыт капорет. В Торе сказано: «А в Ковчег положи...» – в Ковчег сам по себе, прежде чем капорет займет свое место. По Нахманиду же повтор имеет здесь совершенно противоположное значение: Завет должен быть размещен в Ковчеге после того, как тот накрыт капорет.

Иными словами, и Раши, и Нахманид – оба понимают повтор в этом стихе как настойчивое напоминание о том, что Скрижали кладут внутрь Ковчега. Однако что именно является при этом Ковчегом? Согласно Раши капорет не часть Ковчега, а еще один самостоятельный объект, пребывающий в Скинии. Хотя несомненно этот объект тесно связан с Ковчегом, и свидетельство тому – предопределенное ему место поверх Ковчега. Значит, этот стих говорит: Скрижали следует положить в Ковчег как он есть сам по себе, не накрывая его капорет. Нахманид же, напротив, считает капорет неотъемлемой частью Ковчега. И тогда этот стих говорит о том, что место Скрижалям – в законченном Ковчеге, а не в том, что без крышки.

Кроме вопросов о том, когда же следует класть Скрижали в Ковчег, есть еще ряд иных алохических проблем, связанных с вопросом, является ли капорет частью Ковчега или наделен смыслом сам по себе.

Другое расхождение между Раши и Нахманидом в их истолковании интересующего нас фрагмента связано с керувим. Раши видит в них две крылатые фигуры с детскими лицами – мальчика и девочки (Раши, Шмойс, 25:18). Нахманид же считает, что керувим олицетворяли небесные сущности, явленные Иехезкелю в видении Б-жественной «колесницы» (см. комментарий Нахманида на стих 21; также см. Иехезкел, 10).

Ангел или ребенок?

«У Торы семьдесят лиц», – утверждают мудрецы (Талмуд, Сангедрин, 34а; Бемидбар Раба, 14:12; Зогар, ч. 1, 476 и др.). Ибо Б-жественная истина присутствует на каждом уровне реальности и в каждом измерении сознания. Различие между видением капорет и керувим у Раши и Нахманида отражает тот факт, что их комментарии раскрывают различные лики Торы.

Нахманид говорит от лица тех, «кто знает и понимает сокровенную мудрость» и видит в Торе суть связи между Б-гом и Его народом. Как сказано в Зогаре: «Есть три узла, связанные друг с другом: Б-г, Тора и Израиль... Народ Израиля связан с Торой, Тора же связана с Б-гом» (Кишрин, на арамейском, – Зогар, ч. III, 73а. Такое чтение этого пассажа Зогара принято в хасидской традиции. Стандартное же чтение предполагает: «Есть три уровня...»).

Б-г вложил Свою мудрость в Тору и Свою волю – в Заповеди. Евреи изучают Тору и блюдают заповеди в повседневной жизни. Тем самым они обретают связь с Б-гом.

По Нахманиду, Б-жественное присутствие в «Скинии собраний» исходит от Ковчега – сосуда, в котором пребывает Тора. Голос Б-га исходит «из пространства над крышкой между двумя крувами» – так что и керувим, и крышка – неотъемлемая часть Ковчега. Керувим была придана форма небесных существ из видения Иехезкела, – ибо это видение было наибольшим проникновением человека в сущность Б-жественного. По своему характеру связь между человеком и Б-гом – Б-жественное откровение. Это – откровение Его мудрости и воли через Тору, достигающее наибольшей глубины и интенсивности в мистической «скрытой мудрости». А именно ее и олицетворяют керувим.

Раши, напротив, стремится сделать как можно более ясным «смысл стиха просто, как он есть». Часто этот подход воспринимается как попытка дать самые буквальные и поверхностные уровни смысла, заложенного в Торе. Однако «простой» не означает «поверхностный». Наоборот, простое значение стиха – наиболее глубокое, основополагающее его значение. Это – корень, из которого вырастают все иные значения. И к этому корню восходит всякое иное понимание, претендующее на более высокий уровень. Это – суть стиха, и по отношению к ней все прочее – лишь усиление выразительности, акцентирование тех или иных аспектов.

Представление о капорет у Раши отражает истину: наша связь с Б-гом через Тору – лишь реализация иных, более глубоких внутренних уз, соединяющих нас. Тем самым капорет – не часть Ковчега, а нечто иное, обладающее более высоким статусом. И Б-жественное присутствие в «Скинии собраний» исходит не от Торы, но от керувим с детскими лицами, что покрывают Ковчег.

«Когда Израиль был юн, Я любил его», – объявляет пророк Ошеа (11:1 – см. Баал а-Турим на Шмойс, 25:18). На глубинном, самом главном уровне Б-г любит евреев не за мудрость или набожность, но – за эту детскость. Он любит нас потому, что, как сформулировал основатель хасидизма рабби Баал-Шем-Тов, «простота простого еврея – из того же куска, что и простая сущность Б-га». Он любит нас, потому что мы – продолжение самой Его сути, как ребенок – продолжение сути своего отца.

Как сказано в Тана д'вей Элияу Раба, гл. 14: «Две сущности предшествовали творению Б-гом мира – Тора и Израиль. Не знаю воистину, что чему предшествовало. Но когда сказано в Торе “Скажи сынам Израиля...”, “Повели детям Израиля...” и т. д., я знаю, что Израиль был прежде всего иного».

Эта же концепция находит подтверждение и в приводимом выше стихе из Зогара о «трех узлах, связанных друг с другом». Но если Тора – связь между Б-гом и Израилем, то мы имеем три сущности: Бг, Тора и Израиль, соединенные двумя связями. Одна – Израиль связан с Торой. И другая: Тора связана со Всевышним. Что же тогда «три узла», о которых говорит Зогар?

Но связь Израиля с Б-гом через Тору – лишь производная от другой более глубокой связи: «прямой» связи Б-га с Его народом, откровением о которой и была Тора. На этом уровне «участие» Израиля в Торе и есть то, что связует Тору со Всевышним. И это же – причина, по которой Он распространил Свое бесконечное и не поддающееся определению бытие через посредничество «Б-жественной воли» и «Б-жественной мудрости». На этом уровне не евреи нуждаются в Торе, чтобы обрести единство с Б-гом, но Тора нуждается в еврейском народе, чтобы пробудить у Б-га желание распространить Себя через Тору.

Тем самым у нас есть три связующих «узла»: связь Б-га с Израилем, связь Б-га с Торой и связь Израиля с Торой. На эмпирическом уровне Тора – связь между Б-гом и Израилем. На сущностном уровне Израиль – связь между Б-гом и Торой.

Ōyūāāi

ПАРАДИГМА ЛИДЕРСТВА

Èēāāññōāī nāyçāīī nīnāī īīīæāðōāīāāī ēāī.

Āāī ī ū çāāī : -ōīāū īīēō-āōū īāū āāāōū īī īāññōyūēē ēēāāð - āīōāōāēīā īāī āīā

īī īēīīññōūp īōīæāññōāēyāññōy nī nīñēī īāðīāī ē āā -āyīēyīē, ē āōīā īīæāðōāīāāōū ðāāē yōīā āāī, -ōī ēī āāō.

ī īōāīēēāðōāīōyāō ēī āīī ðāēīē ðēī ēēāāð

Èīāā Ā-ā īāyāēē ī īōā, -ōī īī ðē-ōīæēð āāāēīēēē īāðīā, ēāī ðīō nīāāēē, īīēēīīēāōēññī çīēīōīī ðāēūōā ī īōā nēāçāē ā īōāāō: «ī ðññōēōū ēē ēō? È āīēē īāð, īðīōō ðāy -ññōðē ē īāy ēç ēīēā ðāīāē, ēīōīðññ ōū īāīēñāē» (Ōī īēñ 32:32). Āīāīōy yōī, ī īōā āūē āōīā ī ðēīāññōē āæāðōāōāīēūōāā -āī æēçtū īī īōēāçīāāēññōy īō āīāā, ðāāē -āāī æēē.

«Èīēā, ēīōīðññ ōū īāīēñāē» - yōī «āīōōðāīīyū ōīðā», ēīīāīōēðññō ðāēē āīōāēāçāīīūē ññōēð ā Ōī īēñ ðāāā (47:9). ī īōā ēāāī ðēðēðēðññōññ nī ōīðīē (ññ ī āēāðē, 3:22). «Āōōō nīñp īīēīæēē īī çā yōī» - āāāō ī āāēōā īīyñāēāīā Ōī īēñ (15:1; Ōī īēñ ðāāā 30:4). ōāī īāī āīāā, ī īōā āōīā āūē ī ðēīāññōē āæāðōāō yōō nāyçīññ ōīðīē, ðīēūēī āū āūē īīī ēēīāāī īāðīā Èçðāēēy.

īī-āī ō? īīōīī ō -ōī ī īōā īāīðāāēēī īō īāðīāā Èçðāēēy. «ī īōā āññōū Èçðāēēū ā Èçðāēēū āññōū ī īōā», - īīyñyāō ðāēē (Āāī ēāāāð, 21:21). Èāē ī ē āēūīēā āūēā nāyçī ī īōā nī ōīðīē, āāī nāyçī nī Èçðāēēāī āūēā āēōāēā: yōā nāyçī çāð ðāēāāēā nāī çp ñññīññōū āā. ōāēāy ðāēō īāēā nāyçāīā nī āīā īāīīē, āīēāā īæēðīīē ðāī īē.

ī āāññōū āāīðēēē (ðñō ðāāā 1:4; ōāīā ā'āāē Yēēyō ðāāā, æ. 14): «ī ðāāāīūē īīāīāāī Nīçāāōāēp».

Ā-ā āēīæēē Nāyç ā ōīðō [āīō īī-āī ō ñēīāī «Āīīðē», ēīōīðññī īōēðññāpññōy Āāyññōū çāīīāāāē, yāēyāññōy æēðīīēī īī āðāī āēīēīē ðāçtū: «Āīā īāðōēñ Èāññāēñ Èāññāēñ» - «B çāīēñāē ē īāðāāē Nāyç» (Ōāāīñ 105ā). īī īðē yōīī çtū, ñāāēīyçpññēā Ā-āā ē āāāēīēēē īāðīā, īāī īāāī āēōāēā Āāðāē - ññīū Ā-āā, ñēāçāīī ā Āāīðēī (14:1). Āā īāðāāīōū, ðōī-īyāō Ōī īēñ (4:22), ē īīōīī ō «Èçðāēēū āūē īðāēāā ōīðññ» (Āðāēōēñ ðāāā, 1:4; ōāīā ā'āāē Yēēyō ðāāā, æ. 14). Āīō īī-āī ō āāēā āīēē āāāē ñāāññōēēē āāā, Ā-āññēīīāī īðññōēōūēð īðññāōāīēā ē ī ðēīyōūēēð ðōōāāī

È yōē çtū nāyçīāāpññō ī īōā nīēāēāūī ēç āāðññā āīā çāāēñēī ññōē īō ðīā, īā ēāēīī ðññāīā ñēōāēð ðīō Ā-āī ī īōā ē āāī āññāīūā īīōīī ēē, «īðīāīēāāīēā ī īōā», īāī ðāāēyçpññēā Èçðāēēū ā ēāēāīī īīēīēāīēē, nāyçāīū çāī ē ñēāēāūī āāññāī. īāīāēī āññōū īī ðāāēāīīūā ññōāīāī ē ī ðēāēēāāīēy ē īōāññōññāīīññōē, ññōāēāīīūā āēy ðāñ ēōī āāēāō īīīūōēē çpññāññōēōūē ðēðāīēōūyōō nāyçī.

ðāāē ēīā ī īōā āññōā āūē īīæāðōāīāāōū āāī? ðāāē āāðññā īīēēīyāēēññōy çīēīōīī ō ðāēūōā xōī āū īīē īē ñāāññōēēē, ī īōā īæçīāīīī -ōāññōāññō ññēē āīēā īāðāā īēīē ē īōāññōññāīīññōū çā īēā. īðē ðīī, -ōī yōā nāyçī ēīōīðññ īī ðāçāāēyāð ññ ññēī īāðīāīī, āāðāð īā-āēī ā ññī īē ñññīññōē ī īōā ē çāððāēāāāō āīōðāīīpññ ñññīññōū āðññēū. īī īīāññāīēā yōēð āðññēð āāññū ā āāēāēī īō ðīā, -āī ōō-ēð ī īōā īāīāēī āāēā yōī īāī īæāð ðāçtūðāāōū ñññāññōāpññēā ī āēāō īēī ē çtū.

Три архетипа поведения праведника

Мудрецы сравнивают трех праведников: Ноаха, Авраама и Моше (Зогар I, 676 и др.).

Ноах сам был совершенным праведником, но при этом не был глубоко озабочен судьбою окружающих. Он 120 лет строил Ковчег, вызывая удивление и вопросы со стороны, – и в ответ предлагал им покаяться (Агода Брейшис, 1:2). Но этим все и ограничивалось. Ноах не пытался повлиять на соседей, изменить их поведение, как не пытался и молить Б-га о том, чтобы Он отвратил потоп. Потому и сказано о потопе: «воды Ноаха» (Ишаяу, 54:9). Тем самым косвенно указано на упущение Ноаха, не пытавшегося повлиять на людей, живших в его эпоху.

Авраам же, наоборот, стремился обратить к добру тех, среди кого он жил. Комментируя стих «И призвал там Авраам Имя Б-га» (Брейшис, 13:4) мудрецы замечали, что в нем «следует читать не ваикра – “он призвал”, а – вайакри – “побудил других призвать” Имя Б-жье» (Сота,106). Авраам возвещал о Б-ге, подвигая и других взывать к Нему. Более того, когда Б-г объявил Аврааму, что намерен предать разрушению Содом, Авраам молил за этих людей, бросая вызов Г-споду: «Неужели Ты погубишь

праведного с нечестивым?.. Не подобает Тебе делать подобного, чтобы губить праведного с нечестивым... Неужели Судья всей земли не будет судить справедливо?» (Брейшис, 18:23-25).

Но Моше явил еще большее сочувствие к своему народу и самоотверженность. Авраам молил за «праведных». Моше же молил за евреев, осквернившихся поклонением золотому тельцу. Как вождь своего народа, он осознавал, что несет ответственность за каждого. Даже за тех, чье поведение столь контрастировало со всем, что исповедовал сам Моше. Ибо ради своего народа воззвал Моше к Б-гу со словами: «Если нет, прошу Тебя – сотри и меня из книги Твоей».

Atēuā ai ei ŷ

Ученые мужи утверждают: «Проклятие, произнесенное мудрым, сбывается, даже если вырвалось у него под давлением обстоятельств» (Макойс, 11а). Потому мудрецы поясняют, что хотя Б-г и принял молитву Моше за евреев, но слова, сказанные Моше о самом себе, сохранили силу.

Имя Моше упоминается в каждом из урочных чтений Торы, начиная с раздела Шмойс, описывающего его рождение, вплоть до Дворим, где приводятся последние слова Моше. Единственное исключение составляет глава Тэцаве. В этом разделе имя Моше опущено в память о сказанном им. Это, однако, не значит, что Моше не ассоциируется с главой Тэцаве. Наоборот, имя вмещает в себя лишь аспекты личности, олицетворяющие связь носителя имени с другими людьми. Глубинная же сущность человека – то, что он воистину есть, – выше этого.

Тэцаве не упоминает имени Моше, ибо этот раздел повествует о тех аспектах его личности, которые не находят выражения в имени. Готовность Моше принести себя в жертву за свой народ исходит из самой сущности его существа. Именно на это стремится обратить наше внимание раздел Тэцаве.

Atēi tcaēfēi tōū

Сама эта концепция нашла отражение во фразе, открывающей данный раздел: «Во Ато Тэцаве эс бней Исроэл» – «И ты повели сынам Израиля».

Здесь слово Тэцаве, переведенное как «повели», связано со словом «цавса», означающим «связь». И стих подразумевает: тот, к кому обращаются – «ты», должен обрести связь с каждым из народа Израиля. Кли Якар на вышеприведенный стих: слово «тэцаве» содержит аллюзию на сущность Моше, которая глубже аспекта его личности, находящего свое выражение в имени. Нумерологическое значение слова «тэцаве» – 501. Вспомним, что говорили о числе 500 мудрые (Козлес Раба, гл. 7:1-2): «[Б-г] прошел путь в 500 лет, чтобы обрести имя». Тем самым 501 соотносено с сущностью, которая превышает имени. Использование в этом стихе «ты» указывает: речь не о том аспекте личности, что находит выражение в имени, но о самом глубинном и сущностном в человеке.

Эта связанность всех и вся, берущая начало от Моше, приводит к тому, что узы возникают не только между Моше и его народом, но и между всеми евреями. И даже теми, кто находится на самом нижнем уровне развития и понимания, то есть теми, за кого Моше молит: «И если нет – прошу Тебя, сотри меня из книги...» Так весь народ становится единой сущностью.

Итак, Моше – «пастырь веры», поддерживающий и питающий веру своего народа в Б-га, напоминая евреям о сущностных узах, соединяющих их с Всесильным. Именно Моше привил народу знания, позволяющие преодолеть дихотомию, на одном полюсе которой – присущее Б-гу всемогущество, а на другом – процесс формирования мысли в сознании. Однако заметим: это было возможно лишь потому, что Моше побуждал соплеменников выразить самую сущность еврейской души. Когда эта сущность была разбужена, ее влияние сказывалось на процессах сознания. Эти две интерпретации уз, пробужденных Моше к существованию, взаимосвязаны. Раскрыв, что каждый еврей обладает сущностным Б-жественным потенциалом, Моше установил узы, связующие между собой всех евреев. Ибо этот Бжественный потенциал существует в каждом представителе нашего народа без исключения. И именно благодаря тому, что был раскрыт этот общий духовный исток, стало возможным достичь истинного единства

(m. Ōai ēy, aē. 32).

Да воссияет вечный свет

Изложенные представления связаны не только с именем Моше, но также и с содержанием данного раздела Торы. При том, что этот раздел Торы сосредоточен на описании священства и служения Аарона, необходимо было влияние Моше. Для того чтобы поднять служение Аарона на тот уровень, которого само по себе оно не могло достичь. Это отражено дальше в стихе, где Моше дается указание: «и они доставят тебе чистое оливковое масло, выжатое из маслин, чтобы зажигать светильник»

(Ōi tēi 27:20).

Можно задать вопрос: почему масло должны принести Моше? Ведь зажигает Менору Аарон. Ответ – в окончании этого стиха, где о светильнике сказано: «горящий постоянно».

Аарон обладает достаточным потенциалом, чтобы отправлять службу Б-гу для евреев, наполнить их теплом и светом. Но чтобы пламя это горело «вечным светом», «постоянно» (Шмойс, 27:20), необходимо влияние Моше.

Именно через Моше всякий еврей получает возможность открыть в себе духовные источники и после – постоянно о них заботиться. По той же причине посвящение Аарона и его сыновей в

священнический сан осуществляет Моше. Ибо в течение тех семи дней, что освящался алтарь, в роли священника служил Моше. Его служение предваряло служение Аарона, делая это возможным и сообщая более глубинные измерения связям народа Израиля с Б-гом.

Со служением Моше связан и еще один аспект, упоминаемый в этом же фрагменте Торы. Речь об алтаре для воскурений. «Кеторес» (воскурение) в арамейском связан с тем же корнем, что и «кетар» (узы). Жертвы воскурения были призваны усилить внутренние узы, соединяющие людей – даже «слабых и грешных» (см. Крисойс, 6б) – с Б-гом. Речь идет о развитии в том же направлении, что задано влиянием Моше.

Ἰδεὶ τῆς ἐξουσίας

О Моше мудрецы сказали: «Он – первый избавитель и он же будет последним избавителем» (Шмойс Раба, 2:4; Зогар т. I, 253а). Конечное избавление – естественное следствие того, что в людях была пробуждена естественная связь с Б-гом и дан был толчок к единению людей. И то и другое пришло через Моше.

Именно это подразумевали мудрецы, поясняя, что избавление из рабства египетского потенциально было конечным избавлением. Не помешай Моше грехи евреев ввести свой народ в Эрец Израэль, не было бы еще одного изгнания.

Точно так же в последующих поколениях именно духовные наследники Моше, «продолжение Моше Рабейну», сеют в людях жажду избавления, объединяя их жаждой прихода Мошиаха. Эти усилия подобны «вечному свету». Они указывают нашему народу и всему человечеству конечную цель.

ЦАРСТВОВАНИЕ СОЛОМОНА

Áîà Ááð Õáñéááé÷

Í áðáÿ Éí éáá Õáðáé í íáñò ááò í ææää þí íá òáðÿ Ñíéíí í íà í ñòé÷ ù í òé Á-æáñò ááí í íá í ðááí ñáéÿ. «Ááðé... ðááó Õáñ áí ó ñáðíòá ðáçúí í íá ÷ ò í áú ñáé ò ù í áðíá Õáñ é ðáçé÷ á ò ù ÷ ò í áí áðí é ÷ ò í çéí; é áí é ò í í íæáò óí ðááÿ ò ù ÿ ò é í í íá ÷ é ñé á í ù í í áðí áí Õáñ éí ? É áé áá Õáñ áí í áú éí Á-áá ÷ ò í Ñíéíí í í í ðí ñéé ÿ ò í á. É ñé áçé áí ó Á-á «Çà ò í, ÷ ò í ò ù í ðí ñéé ÿ ò í á, é í á í ðí ñéé ñáá áí áñò ñò áá, í á í ðí ñéé ñáá áá»

áðáá á ò áí é ò, í í í ðí ñéé ñáá ðáçúí á, ÷ ò í áú óí á ò ù ñáé ò ù, – áí ò Ñ ñáé á þ í í ñé áó Õáñ áí á Áí ò Ñ áá þ ó áá ñáðíòá í óáðí á é ðáçúí í íá, ó áé ÷ ò í í í á í í á ò áá í á áááò í áé áó òáðÿ é áí áñ áí é ò áí é... » (áé. 3).

Соломон унаследовал от своего отца Давида довольно большую империю, простиравшуюся от Средиземного моря на западе до реки Евфрат – на востоке. У него были деловые отношения с Египтом и со всеми державами того времени. Но царь-идеалист, Соломон не стремится к вооруженному захвату новых территорий, он мечтает о благе своего народа, молится о том, чтобы идея монотеизма проникла в умы и сердца всего человечества, чтобы «все народы познали, что Г-сподь есть Б-г и нет кроме Его...» Соломон, в отличие от современных ему правителей, египетских фараонов и царей Вавилона, не строил себе высоких пирамид, не воздвигалobeliskов, расхваливавших его военные успехи. Его имя было Соломон, Шломо по-древнееврейски, от слова «Шалом» (мир). Как сказано в Первой книге Летописей: «...Посему имя ему будет Шломо. И мир и покой дам Израилю во дни его» (22:9). На протяжении всего царствования Соломона Израиль не знал ни единой войны.

В Первой Книге Царей рассказан и такой эпизод. Две блудницы пришли к Соломону, чтобы он их рассудил. Блудницы жили в одном доме, и обе родили детей. Одна из них задушила своего ребенка во время сна и, обнаружив это, тайком обменяла мертвого на живого ребенка своей подруги. Во время суда каждая из женщин утверждала, что живой ребенок – ее, а мертвый – подруги.

Соломон, повторив утверждения каждой из них, велел принести меч. Поскольку свидетелей не было и ни одна из женщин не могла доказать своей правоты, царь, словно речь шла об имуществе, велел рассечь и живого, и мертвого ребенка пополам и отдать каждой женищине по половине живого и мертвого ребенка.

Тут одна из женщин стала умолять царя не делать этого, а отдать живого ребенка ее сопернице. Соперница же была в принципе согласна с царским решением: «Рубите. Пусть ни мне, ни тебе!» Но Соломон велел отдать живого ребенка первой женщине, ибо «она мать его».

В этой истории поразительно не столько мудрое решение Соломона, сколько его преданность принципам правосудия, законности, справедливости.

Блудницы – это низы народа, тем более что по заповеди Торы: «Да не будет блудницы из дочерей израильских» (Второзаконие, 23:18), они были вне закона. Однако свет правосудия Торы должен был проникнуть и в этот мир. Царь Соломон лично вел расследование. Возможно, дело этих блудниц уже слушалось в низших судебных инстанциях, но они не смогли прийти к удовлетворительному решению.

Приговор Соломона – разделить детей пополам – был продиктован мертвой буквой закона. Закон гласит: если суд не в состоянии установить, кому принадлежит имущество, его (имущество) делят поровну между обеими сторонами. Заметим, что блудницы именно так и судились, пытаясь получить живого ребенка, словно речь шла об имуществе. И хотя правда была на стороне одной из женщин, установить, кто из них прав, было практически невозможно.

На помощь пришло «признание». Ибо «признание истца равноценно сотне свидетелей» – гласит закон талмудического права. В данном случае помогли чувства матери живого ребенка. Предложив отдать ребенка своей сопернице, лишь бы он остался жив, она поступила как мать. А вторая женщина, согласившись с суровым решением царя, выдала себя. Таким образом правосудие свершилось, свершилось по Закону. «Тогда, – говорится далее в Священном Писании, – услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя; ибо увидели, что мудрость Бжья в нем, чтобы производить суд». Так царь Соломон внедрял правду, правосудие, справедливость в своем царстве.

Соломон, в отличие от современных ему правителей, стремился к миру и притом не только на подвластных ему территориях. Возьмем такую, на первый взгляд, «мелкую» деталь, о которой говорится в конце 10-й главы Первой Книги Царей: «Коней царю Соломону приводили из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги. Колесница из Египта получаемая была за шестьсот [сиклей] серебра, а конь – за сто пятьдесят. Таким же образом они руками своими доставляли [все это] царям Хеттейским и царям Арамейским». О чем рассказывает здесь Писание? О коммерческих успехах купцов Соломона? Не только об этом.

Египет в древности был главным поставщиком лошадей и колесниц на международном рынке. Как сказано во Второзаконии: «Чтобы он не умножал себе коней и не возвращал народ в Египет для умножения себе коней...» (17:16). Коней в древности использовали для ведения войны. Царство древнего Израиля, расположенное на переходе из Африки в Азию, контролировало мир между народами на всем Ближнем Востоке. И вот что важно напомнить: именно купцы Соломона обладали монополией на вывоз коней из Египта. Они знали, кому, когда и сколько можно продавать коней, чтобы те не были использованы для военных действий. Даже такая маленькая, на первый взгляд, деталь свидетельствует о великих делах праведного монарха.

Í Î Æ Ñ Ò È Ó Ä Å Ð Å Ö È È Á Å Ð Å Æ Ñ È È Ñ Ó Î Å Ù È Ì

Â Ê Ð Å Ì Ë Ä

В Кремлевскую резиденцию Леви Леваев отправился в сопровождении главного раввина Татарстана Ицхока Горелика и председателя казанской еврейской общины Александра Вельдера. На встрече также присутствовали мэр Казани Камиль Исхаков, руководитель аппарата президента РТ Экзам Губайдуллин и директор российского отделения фонда «Ор Авнер» р. Довид Мондшайн.

Президент Татарстана поздравил гостей, а также всех евреев, проживающих в республике и за ее пределами, с праздником Хануки и пожелал им мира и благополучия. Он выразил надежду на то, что долгожданный мир и согласие неизбежно придут и на Священную Землю Израиля, переживающего сегодня непростые времена. Минтимер Шаймиев отметил, что сегодняшний Татарстан служит примером того, как на одной земле могут жить в согласии представители разных народов и религиозных конфессий.

«Мы этим очень дорожим. И впредь намерены беречь эту дружбу, взаимную терпимость и понимание как огромную ценность», – подчеркнул он.

В свою очередь, Леви Леваев отметил, что в Татарстане «все живут мирно, существует взаимопонимание, каждая нация может изучать свои традиции, здесь – полная свобода религий».

Руководитель еврейской общины Александр Вельдер поблагодарил президента за поддержку, которую на протяжении последних семи лет правительство республики оказывает общине, и отметил, что Казань была первым городом в России, где евреям возвратили синагогу.

В ходе встречи обсуждались дальнейшие планы развития казанской еврейской общины. В частности, речь шла о завершении реконструкции здания синагоги, расширении земельного участка при ней, а также о строительстве кошерной благотворительной столовой, которая будет обслуживать не только евреев, но всех нуждающихся, причем тем из них, кто по состоянию здоровья не сможет до нее добраться, обеды будут доставлять на дом.

Стороны затронули вопрос о новом здании для еврейской школы. По замыслу еврейской общины, в этом помещении будут также расположены большая библиотека, спортивные секции. Здесь же откроются многочисленные общинные проекты. Президент Татарстана и мэр Казани намерены оказать необходимое содействие в предоставлении здания, а Леви Леваев выразил готовность поддержать проекты.

Президенту Татарстана была подарена ханукия, и на ней он собственноручно зажег свечи.

Леви Леваев отметил, что еврейский праздник Хануки совпадает с мусульманским праздником Ураза Байрам, и это, по его мнению, еще раз подчеркивает духовную близость представителей всех конфессий.

«Даже самый маленький свет способен победить большую тьму», – сказал в завершении встречи главный раввин Татарстана Ицхак Горелик.

Встреча в Казанском кремле длилась значительно дольше, чем было запланировано протоколом.

Из кремля гости направились в синагогу, где состоялся прием в честь Леви Леваева. Высокий гость осмотрел здание синагоги, познакомился с членами общины, побывал в «Хеседе Моше» и высоко оценил результаты его деятельности. Затем все поднялись в офис молодежного еврейского центра «Афифон», где гостям была представлена видеопрезентация «Афифон – это образ жизни!»

Леви Леваев встретился с членами совета казанской еврейской общины, которые поблагодарили его за огромный вклад в развитие еврейской жизни в странах бывшего Советского Союза. Во встрече принимал участие председатель ижевской общины «Маген Давид» Яков Мальцев.

Вечером в молельном зале состоялась торжественная церемония зажигания ханукальных свечей. Церемонию открыли дети, посещающие детский сад «Ор Авнер – Ган Хабад». Ребята исполнили традиционные ханукальные песни в современной аранжировке.

Свечи на праздничной ханукие, по просьбе раввина Ицхока Горелика, зажег Леви Леваев. Затем он выступил перед собравшимися. Гость подчеркнул, что приятно удивлен и обрадован высоким уровнем духовной жизни казанской общины. И наиболее важным среди ее достижений, по мнению г-на Леваева, является традиционное еврейское образование детей. Он вспомнил историю дарования Торы, подчеркнув, что гарантиями сохранения учения Книги Книг Всевышний избрал детей, участие которых в праздничной церемонии – яркое тому подтверждение.

В завершение вечера Леви Леваев пожелал казанцам доброй и светлой Хануки.

Ñá éíó

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Праздник Хануки имеет особое значение в еврейском календаре. Восстание Маккавеев во II веке до новой эры – один из ключевых эпизодов героического прошлого еврейского народа. Ведь по существу шаги к свободе начались с победы небольшого отряда под командованием Авраама Иври над несметными полчищами непрошенных гостей, вторгшихся в Ханаан. Ханука посвящена действительному историческому событию, пусть очень древнему, но все же вполне реальному. Ханука – символ сопротивления, «войны немногих против многочисленных». Что поделаешь, евреям всегда приходилось оставаться в меньшинстве перед лицом враждебной экспансии...

Само слово «Ханука» означает «ритуал освящения нового дома». И вот на что стоит обратить особое внимание: в этом году в зажигании ханукальных светильников принимали участие не одни только евреи. Символично то, что в нашем праздновании участвовали представители власти, бизнесмены, деятели культуры. Они приходили в гости, чтобы вместе порадоваться чуду света в нашем доме, который мы освещаем сегодня после десятилетий большевистского варварства.

–С каждым годом праздник Хануки в России становится все более популярным и любимым, – сказал главный раввин Хабаровска Яков Снетков. – Чем же он привлекает людей? Я думаю, в первую очередь своим глубоким философским смыслом. Каждый день мы зажигаем еще по одной свече. Мы приносим свет, который символизирует добро, хорошие поступки. Каждый день человек должен размышлять о том, что хорошего он может сделать сегодня. К свету иерусалимской меноры мы испытываем особые чувства. Но в эти дни мы можем зажигать ханукальные меноры в каждом доме. И это – одно из чудес, которые Бг сделал для нас: каждый человек может свой дом превратить в маленький храм. Я хочу пожелать, чтобы каждый дом стал домом, из которого исходит свет, тепло и любовь!

В дни празднования Хануки произошло яркое событие в культурной жизни Хабаровска: в Театре драмы был показан красочный шоу-спектакль по произведениям Григория Горина в постановке известного хабаровского актера и режиссера Эдуарда Мосина. Спектакль поставлен специально к празднику Хануки при поддержке Федерации еврейских общин России.

Традиционный праздничный концерт состоялся в переполненном зале Дворца культуры Биробиджана, вмещающем шестьсот человек. Вечер открыл главный раввин Еврейской автономной области Мордехай Шайнер. Это событие трудно переоценить: впервые за семьдесят лет существования области раввин произнес молитву и зажег ханукальные свечи на сцене городского концертного зала. На концерте присутствовали многие официальные лица, и среди них – депутат Государственной думы России Сергей Штогрин, заместитель губернатора области Валерий Гуревич, представители городской думы, известные предприниматели. Жителей Еврейской автономной области с праздником поздравил губернатор Хабаровского края Николай Волков.

И во Владивостоке впервые за многие десятилетия зажегся свет ханукии. Его зажег раввин Менахем-Мендл Раскин, недавно приехавший в Приморье; он пожелал всем евреям города благополучия и здоровья. Еврейская община получила поздравления и от администрации города.

В Магадане к Хануке готовились загодя. В газетах «Магаданская правда» и «Северная надбавка» появилась информация с указанием адреса и телефона еврейской общины. По городскому телевидению прозвучало сообщение о подготовке к празднику, сопровождаемое фрагментами израильского фильма о восстании Маккавеев, а на городском радио прошла получасовая передача «Венок еврейских мелодий к празднику Хануки».

Мэр города Николай Борисович Карпенко приехал на праздник вместе со своим первым заместителем Владимиром Петровичем Печеным. Николай Карпенко зажег ханукию, поздравил с праздником магаданских евреев и передал памятный адрес. Репортаж о праздновании Хануки несколько раз транслировался в программе новостей городского телеканала.

Отметили праздник и в пятидесяти километрах от Магадана, в небольшом поселке Ола, где живут несколько еврейских семей. Из-за сложностей с транспортом олские евреи не смогли приехать в Магадан. Но в последний ханукальный день они все же собрались на одной из квартир, а приехавшие к ним в гости члены магаданской общины помогли им достойно, в соответствии с нашими национальными традициями весело отметить этот праздник.

Мы начали наш праздничный обзор с «восточной окраины» страны, где свет ханукальных светильников всегда загорался на несколько часов раньше, чем в столице. А что было на западе?

Еще совсем недавно такое просто невозможно было себе представить: на праздновании Хануки, взявшись за руки, дружно отплясывали под зажигательную «Хава-нагилу»

армяне и татары, русские и немцы, поляки и грузины. И конечно, евреи. На празднике во Дворце культуры моряков Калининграда прозвучало немало теплых слов от представителей различных национальных обществ Калининградской области, пришедших в гости на еврейский праздник. Главный раввин Калининграда и Калининградской области Давид Шведик зажег ханукию. Поздравить с праздником калининградскую общину специально приехали глава представительства Израиля в Петербурге Шмуэл Полищук, представитель посольства Израиля в Москве Эхуд Бальсар и консул Польской Республики Анджей Сбуцки. Среди приглашенных гостей были и представители Балтийского казачества, немецкой автономии, грузинской общины.

Еврейская молодежь Петрозаводска собралась на ханукальный вечер, организованный обществом «Шалом» и местным отделением Еврейского агентства в России. В благотворительном центре «Хесед Агамим» прошел праздник для подопечных, которые по состоянию здоровья не выходят из дома: всех их привезли на автомашинах. А в большом общинном празднике приняли участие представители всех еврейских организаций города.

Во дворе Большой хоральной синагоги Петербурга, несмотря на двадцатиградусный мороз, собралось много народу. Главный раввин города М.-М. Певзнер зажег большую ханукию. Собравшихся поздравили с праздником председатель петербургской еврейской религиозной общины М.Д. Грубарг, глава представительства государства Израиль в Петербурге Шмуэл Полищук, директор северо-западного отделения Еврейского агентства в России Алекс Каневский, раввин Цви Пинский.

В помещении синагоги отпраздновали Хануку члены молодежного общества «Бейт-Хабад».

Веселые праздники также прошли и в еврейских общеобразовательных школах № 224 и «Бейт Сефер Менахем», в детских садах «Ган Менахем» и «Ган Хая Мушка». А завершил ханукальную неделю уникальный концерт: в Большой хоральной синагоге ансамбль «Musica Petropolitana» исполнил синагогальную музыку барокко...

Ежедневно от здания синагоги отъезжали машины с закрепленными на них ханукальными светильниками, чтобы совершать свой путь по городу, напоминая всем о Божественном чуде.

На праздничной встрече, проходившей в концертном зале школы искусств им. Татьяны Николаевой, с поздравлениями еврейской общине Брянска выступил советник губернатора по делам религий Алексей Тришин.

– Это не только ваш праздник, это наш общий праздник, – сказал Алексей Федорович. – Все мы граждане одного государства, жители одной земли. И поэтому болью отзывается в сердце каждый теракт на любой земле. У нас сегодня общий враг – международный терроризм. Иудаизм – традиционная, официально признанная религия, которая помогла сохранить язык и национальные традиции еврейского народа.

Собравшихся также приветствовали раввин Брянска Ицхок Ройтман, руководитель благотворительного общинного центра «Хесед Тиква» Ирина Черняк, председатель Брянской иудейской общины Николай Ривкинд.

Впервые на праздновании Хануки в этом древнем русском городе присутствовали журналисты областной независимой прессы и информационных агентств. Была организована пресс-конференция с участием руководителей всех еврейских организаций и советника губернатора по делам религий Алексея Тришина.

Празднование Хануки прошло также в других еврейских общинах Брянской области – в Клинцах, Новозыбкове,

Унече и Сураже.

Ханукальный вечер еврейской общины Курска собрал 180 человек. В праздничной церемонии принял участие раввин Центрального региона Зеев Вагнер.

А на вечере еврейской общины Иванова собралось около трехсот человек. В торжественном зажигании ханукии принял участие вице-губернатор Ивановской области Н. Бровцын. Репортаж о празднике транслировался по телевидению и радио. А «Ивановская газета» опубликовала не только рассказ о Хануке, но и приветствие главного раввина России Берла Лазара губернатору области и мэру города.

Празднование Хануки в Костроме совпало с Фестивалем еврейской книги, к которому был приурочен концерт с участием ансамбля «Гораль Эхад».

В канун Хануки все евреи Нижнего Новгорода получили по почте праздничное обращение главного раввина Нижегородской области Шимона Бергмана. Торжественное зажигание ханукального светильника прошло в центре города. Молодежный праздник включил в свою орбиту и веселые состязания – «ханукиаду», и бал при свечах, и боулинг, и кошерный бар с пончиками. А в Нижегородской синагоге состоялся концерт с участием известного московского еврейского шоумена Евгения Валевича.

Общинный ханукальный праздник в Волгограде прошел в детско-юношеском центре. Здесь была проведена веселая беспроигрышная лотерея для дошкольников и детская игровая

программа; родители же с удовольствием послушали еврейские мелодии в исполнении ансамбля «Руах». Ученики школы «Ор Авнер» пополнили ряды волонтеров благотворительного фонда «Хесед Хаим», взяв ханукальное шефство над евреями – ветеранами Великой Отечественной войны. И наконец, в завершение веселой ханукальной недели Еврейский общинный центр осуществил новый проект – «Интеллектуальное казино», где все приглашенные в этот вечер бизнесмены получили возможность блеснуть своим интеллектом.

А члены молодежного клуба «Яхад» Астрахани в ходе праздничного вечера во Дворце культуры собрали средства, на которые были приобретены продукты и канцтовары, переданные затем в школу-интернат для детей-инвалидов.

В Сочи отметили Хануку в помещении Зимнего театра, перед которым была установлена большая ханукия. В церемонии зажигания первой свечи принял участие заместитель главы администрации города г-н Сушенцов. А накануне праздника председатель еврейской общины И.Б. Шварцбург и раввин Ари Эделькопф посетили мэра Сочи Л.А. Мостового, поздравили его с праздником и подарили ханукальный светильник.

Большой праздничный концерт, собравший около трех тысяч человек, прошел в Государственном цирке Екатеринбурга. В зажигании ханукальных свечей принял участие губернатор Свердловской области Э.Э. Россель. Ведущий праздника заслуженный артист России А. Бродский огласил поздравления от полномочного представителя президента России в Уральском федеральном округе П.М. Латышева и от главы администрации Екатеринбурга А.М. Чернецкого. В числе гостей праздника были многие официальные лица: заместитель председателя правительства Свердловской области С.И. Спектор, министр здравоохранения правительства области М.С. Складар, руководитель администрации губернатора Свердловской области А.Г. Тарасов, директор департамента информации губернатора Свердловской области А.Ю. Левин, генеральный консул Чешской Республики в Екатеринбурге Петр Синкула, депутат Екатеринбургской городской думы Я.Л. Габинский и другие.

В концерте приняли участие несколько творческих коллективов: образцовый оркестр штаба Приволжско-Уральского военного округа с программой еврейских песен, московский еврейский ансамбль «Мицва», хор мальчиков «Пирхей Русия» и танцевальный ансамбль девочек при еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер», а также артисты цирка.

Праздничные мероприятия прошли и в екатеринбургской синагоге, и в еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер». А в молодежном ханукальном празднике участвовали около пятисот человек.

Отметили Хануку и евреи Свердловской области, которые живут в городах Серове, Ревде, Верхней Пышме.

Еврейская община Нижнего Тагила праздновала Хануку в городском Театре кукол. В концерте приняли участие ансамбль еврейской песни «Мейдл», вокальная группа и ансамбль скрипачей – учащихся музыкального училища, танцевальный коллектив «Родничок» Дворца культуры «Юбилейный».

На ханукальный праздник в Каменске-Уральском собрались около 180 членов общины и гостей. Приветствие главного раввина России Берла Лазара и главы города Каменск-Уральский В.В. Якимова зачитал председатель еврейской общины В.М. Чухман.

На праздничном вечере в Полевском, проходившем в зале Дворца культуры, было зачитано приветствие главы города А.П. Третьякова. Еврейскую общину поздравили также почетные гости и в их числе руководители мусульманской общины этого города.

А в Новоуральске празднование состоялось в Доме культуры Уральского электрохимического комбината. В зажигании праздничных свечей приняли участие ветераны войны и труда, кавалеры орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени Вольф Шоелович Горницкий и начальник городского отдела культуры Александр Николаевич Колмогоров.

В один из ханукальных дней члены общины Кургана были приглашены раввином челябинской общины Меиром Киришем: их позвали к соседям – отпраздновать Хануку в синагоге

Челябинска. Гости ознакомились со священными реликвиями, посетили синагогальную библиотеку. Праздник продолжился во Дворце культуры железнодорожников, где раввин М.Кириш зажег ханукальные свечи.

В синагоге Красноярска вознесли торжественную молитву в честь первого дня Хануки. Большая ханукия была зажжена на оживленной городской магистрали перед зданием синагоги. Вот уже пятый год Красноярская еврейская религиозная община устанавливает своеобразную скульптурную композицию на ханукальную тему... из льда. Перед началом праздничного концерта в малом зале Филармонии ведущий вечера зачитал поздравления главного раввина России Берла Лазара и губернатора Красноярского края А.Н. Хлопонина. С приветствиями к собравшимся обратились: председатель совета КЕНКА Н. Рашковский, председатель комитета по связям с общественными, религиозными организациями и политическими партиями краевой администрации М.Г. Денисов, координатор отделения «Джойнта» по Сибири и Дальнему Востоку Б. Дамари,

ХАНУКИЯ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Президент Эстонии Арнольд Рюйтель встретился с раввином Шмуэлем Котом в своей резиденции – дворце Кадриорг. Президент оказал гостю теплый и радушный прием, проявил интерес к празднику Хануки, к его истории и традициям, а затем принял участие в зажжении седьмой ханукальной свечи. В непринужденной обстановке раввин Ш.Кот поведал президенту об истории ханукального чуда и объяснил смысл заповеди зажигания ханукальных свечей. Он рассказал о том, как в центре Таллина прошла торжественная церемония зажигания второй свечи и о состоявшемся после этого концерте. В этом концерте приняли участие кантор Борух Финкельштейн, учащиеся таллинской еврейской школы и их родители. На церемонии присутствовали около тысячи человек, встретивших выступление артистов бурными аплодисментами и с удовольствием отведавших специально приготовленные латкес. Президент республики А. Рюйтель с благодарностью принял подаренную ему раввином ханукию и, в свою очередь, подарил раввину Ш. Коту свою книгу «Возрождение будущего» с автографом.

Ė. Āřėāīā

КАЗАЧИЙ АТАМАН В ГОСТЯХ У РАВВИНА

Во встрече с атаманом Балтийского казачества Геннадием Медведевым, состоявшейся по его инициативе, приняли участие главный раввин Калининграда Довид Шведик, руководитель местного отделения ЕАР Игорь Стариков, а также активист еврейской общины Яков Суховольский. Участники встречи говорили о необходимости общими усилиями бороться с различными проявлениями экстремизма и национализма.

Атаман Медведев заверил присутствующих, что намерен всеми возможными силами пресекать любые проявления антисемитизма. Он рассказал собеседникам о своей встрече с губернатором области В. Егоровым, на которой шла речь об усилении борьбы с теми, кто разжигает национальную рознь.

Встреча атамана и раввина закончилась дружеским обедом. В ходе его Геннадий Васильевич поделился своими личными весьма приятными впечатлениями от недавней поездки в Израиль. В заключение обеда раввин Довид Шведик пригласил атамана Балтийского казачества на празднование Хануки. Геннадий Васильевич с благодарностью принял это приглашение и, в свою очередь, пригласил раввина на праздник казаков Калининграда.

Ā. Dīī āīfā

КАК ПРЕЖДЕ, В СТРОЮ

Председателю Новозыбковской еврейской общины Владимиру Борисовичу Резникову исполнилось семьдесят лет. Он родился в Новозыбкове, в годы войны мальчишкой был эвакуирован в Саратовскую область. Затем их многочисленная семья – мать с тремя детьми и бабушкой-инвалидом – переехала в город Алатырь Чувашской АССР. Отец воевал на фронтах Великой Отечественной, награжден медалями. Сразу же после освобождения Новозыбкова Резниковы вернулись на родину. И только тут узнали, что они – из тех немногих местных евреев, кому удалось уцелеть в пламени Холокоста.

Владимир начинал рабочим-строгальщиком, окончил техникум, а последние восемнадцать лет работал ведущим экономистом на заводе «Индуктор». Владимир Борисович был среди тех, кто в 1993 году создавал новозыбковскую еврейскую общину. Он же и возглавляет ее с января 1999 года.

Ō. Dėāēēīā

×ĀĪ ĪĒĪĪ

Тринадцатилетний Ян Непомнящий, ученик 8 класса гимназии №1 Брянска, стал чемпионом мира по шахматам в своей возрастной категории.

Чемпионат мира среди юношей проходил в Греции, в городе Ираклионе на острове Крит. В чемпионате участвовали 120 юных шахматистов из 82 стран. Ян Непомнящий показал лучший результат, набрав девять очков из одиннадцати возможных (восемь выигранных при двух ничьих и одном поражении). До своего очередного триумфа Ян трижды побеждал на первенствах Европы; последний раз это было в октябре 2002 года в испанском городе Пеньискола. Юного шахматиста тренирует Валентин Семенович Евдокименко.

Семья Непомнящих – потомственные педагоги. Дед Яна, Борис Иосифович Непомнящий, был одним из лучших преподавателей словесности города, писал стихи.

Преподавал он в той же гимназии № 1, где теперь трудятся его дети: мама Яна, Лилия Борисовна Непомнящая, – она преподаватель математики, педагог-новатор. Здесь же учит детей и дядя чемпиона, Игорь Борисович Непомнящий, – он учитель словесности, поэт и литературовед.

Как ни прискорбно, но, к сожалению, всякий раз перед международными соревнованиями семья Непомнящих и тренеры Яна сбиваются с ног в поисках средств на дорогу. Посильную помощь оказывали чемпиону раввин Ицхак Ройтман, Общинно-благотворительный центр «Хесед Тиква» с участием немецких спонсоров. В последнее время спонсорскую поддержку юному мастеру оказал «Альфа-банк», выделивший ему денежный грант и компьютер.

О. В.

Помогите достроить общинный центр

Мы обращаемся через авторитетный и популярный журнал «Лехаим» к еврейской общественности России, Совету Федерации еврейских общин России, Благотворительному фонду «Джойнт», к бизнесменам-евреям России и мира с просьбой оказать финансовую помощь в богоугодном деле – завершении строительства религиозно-культурного центра в Красноярске.

С осени 2002 года стройка законсервирована, поскольку исчерпаны все финансовые ресурсы, которых хватило на освоение лишь половины сметной стоимости строительства.

В Красноярске проживает более 3,5 тысяч евреев, но мы имеем лишь крохотное здание синагоги, которая не может вместить всех желающих обратиться к Б-гу. И мы совсем лишены помещений, где можно было бы проводить образовательные, культурные и другие программы, организовать кошерную столовую, оборудовать необходимые офисы и библиотеку...

Особо следует сказать о том, что к зданию планируется пристроить микву. А отсутствие хотя бы одной-единственной миквы на весь необъятный наш край лишает раввина возможности дать разрешение на проведение Хупы. Это обстоятельство, без сомнения, является серьезным изъяном в жизни местной общины.

Мы бесконечно благодарны ФЕОР, «Джойнту», индивидуальным спонсорам и многим организациям, на средства которых выполнена проектная документация и большой объем общестроительных работ. Мы понимаем, что с таким вопросом мы не вправе обращаться в государственные инстанции, и поэтому нам остается только обратиться к общественности.

Особо следует отметить, что консервация объекта в условиях сибирского климата разрушает уже сделанное, отдаляя тем самым завершение работ даже при получении финансирования.

Во всем сибирском регионе пока только в Красноярске строится еврейский религиозно-культурный центр такого масштаба. И тем важнее, обращаясь в завтрашний день еврейской жизни, завершить строительство.

*×éáí ù ááðáñéíé
íáúéí ù Èðáñ òðñéá*

ÑÎÐÓÁÍ È×ÁÑÒÁÎ Î ÐÎÁÎÈÆÆÈÒÑß

Делегация Донецкой областной еврейской общины в составе главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого, председателя правления ГОАО «Макуглекок», председателя правления благотворительного фонда «Хесед-Цдака», члена попечительского совета Давида Айзиковича Егудина и председателя правления АКБ «Капитал», члена попечительского совета Михаила Леонидовича Эпеля нанесла дружественный визит новому председателю Донецкой областной администрации.

Встреча прошла в теплой обстановке. Анатолий Михайлович Близнюк радушно встретил гостей и принял их поздравления в связи с вступлением в должность губернатора. А.М. Близнюк получил от раввина П. Вышецкого в подарок красивую ханукию и пожелание, чтобы ее Б-жественный свет освещал жизнь и приносил добро на протяжении всего года.

Анатолий Близнюк поблагодарил гостей. Губернатор поинтересовался жизнью и деятельностью общины, возрождением еврейских традиций. Раввин Пинхас Вышецкий рассказал о программах, которые осуществляет еврейская община. А Давид Айзикович Егудин ознакомил нового губернатора с работой благотворительного фонда «Хесед-Цдака».

Анатолий Михайлович высоко оценил общинные программы, о которых шла речь на встрече. В частности, он отметил работу общеобразовательной еврейской школы №99, благотворительного фонда «Хесед-Цдака», программ «Обеды на колесах», «Теплый дом для

школьника», деятельность ешивы «Гомхей-Тмимим», которая готовит молодых духовных лидеров – специалистов по еврейским традициям.

Раввин Пинхас Вышецкий заверил нового руководителя области во всемерной поддержке его деятельности со стороны Донецкой областной еврейской общины. В свою очередь, новый губернатор подчеркнул, что будет рад продолжению сотрудничества с еврейской общиной. Он выразил надежду, что эта плодотворная встреча не будет последней.

É. Bóíááá

*Í táñòè ÔÁÏÐ
í íáá ò íáèèà Èðèí à Ðáçáí áá*

Ì àéùéíèùí Òááàéíá

«Ì àò àíéá- òòíyòùíéá-íí é íéá-ó ñ Èçðàèéáì »

Àéðàèóòò Áííí èdííá òðèíòéáí ñéíá ííííéùíòáá à Èáðùíáééí à Ì àéùéíèùí Òááàéíáá Òàèééíá á àí ðáéá í èí òáòááí ááá í òíéçí áí òò ðáíòí òp ðá-ù á ííáááðé èó Èçðàèéý í á í èòéíáí ñçááíííí yíòíííééí í òááéíééí áíçáááéýáí íé èí íðáíéçáòéé.

Ìí áííòòíáé è íí í áíòííí ó òáéááéááí èp, è í á ðááéí.

Èíòááí íí ááí ò «Èáòáéí á» ááíííááé ñí. Òááàéíáí à Èáðùíáééí à

Недавно создан Конгресс русских евреев в поддержку Израиля. Наши совместные усилия помогли что-то изменить к лучшему?

– У меня осталось большое впечатление от митинга в Таллине и от подписанного его участниками письма в поддержку Израиля. За минувшее время на земле Израиля стало относительно спокойнее. Хотя, думаю, Израиль этого ожидал после успешного проведения операции «Защитная стена». Поскольку операция серьезно разрушила террористическую сеть, у террористов ушел месяц на ее восстановление. Но вот недавно мы вновь стали свидетелями взрыва и бандитского нападения. Последний взрыв в Тель-Авиве осуществлен людьми Арафата из организации Фатх. И это еще раз доказывает, что даже если сам Арафат декларирует стремление вернуться к переговорам, его подчиненные действуют вопреки заявлениям своего «лидера». Либо он не контролирует ситуацию, и его окружение с ним больше не считается, либо он ведет двойную игру.

Как бы там ни было, эти взрывы доказывают еще раз, что руководство Палестинской Автономии намерено продолжать террористическую войну против граждан Израиля. Надеюсь, что Израиль не оставит эти теракты без ответа. Что касается нас, то наше Всемирное христианское посольство в Иерусалиме продолжает вести кампанию в поддержку Израиля по всему миру, в столицах всех стран, чтобы привлечь внимание общественности к тому, что происходит в Израиле. Ведь Израиль никогда не напал на арабов. Мы объясняем людям во всем мире, что против Израиля ведется самая настоящая война, война, в которой все средства хороши. Когда безоружных людей, в том числе стариков и младенцев расстреливают из автоматов в их собственных постелях, на улицах, у синагог, взрывают в домах, на праздниках и днях рождения, в автобусах, в кафе – это отнюдь не спонтанные действия отчаявшихся людей. Нет, это – тщательно подготовленные убийства! Эта бесчестная война, называемая интифадой, ведется уже два года.

Некрасивую роль в этой войне играет международная пресса, освещающая ее с позиций так называемого равенства. Международные СМИ всячески пытаются доказать, что обе стороны делают одни и те же вещи. Однако это – абсолютная ложь! Стратегия и тактика этой войны были разработаны арабами много лет назад, инициаторами ее являются арабы из радикальных исламских группировок.

Если бы палестинский террор прекратился, война бы давно закончилась, потому что Израиль никогда бы не стал мстить. Ведь бывшим премьер-министром Израиля Эхудом Бараком Арафату было предложено 95 процентов территорий, определенных договорами в Осло, включая Восточный Иерусалим, а также Иудею и Самарию, называемые Западным берегом. Совсем недавно Эхуд Барак признался: он, дескать, только сейчас понял, что натворил, и осознал, что Арафат никогда и не собирался заключать мир с Израилем.

Два года интифады, сотни убитых

и искалеченных! Как Израиль мог довериться палестинцам? Правильно сказал об Арафате президент Буш, когда назвал его обанкротившимся политиком, принесшим горе не только Израилю, но и своим подданным. Чем больше Арафат получал от Израиля, тем агрессивнее он становился.

Мы развернули огромную кампанию на страницах христианской печати, в интернете. Все наши представительства, во всех городах – в Хельсинки, Тампере, Осло, Лондоне, Йоханнесбурге, во многих городах США работают во имя победы Израиля на полях масс-медиа.

– Слышать такое – огромная моральная поддержка, которая так нужна нашему народу.

Но все же меня нередко охватывает отчаяние. В тот день, когда боевики заминировали дорогу перед религиозным поселением Эммануэль и выбежавших из автобуса они хладнокровно расстреливали, CNN в репортаже назвала агрессором Израиль. На той встрече в Таллине одна женщина сказала мне: «Не осуждаю мусульман – они такие, как есть. Но не понимаю христиан, их оправдывающих»...

– Когда мы пользуемся такими понятиями, как «христианский мир», и вопрошаем, как он допускает это, мы забываем, что имеем дело с постхристианской Европой. С той, что более не является христианской. Разве Англия – христианская страна, если только два процента населения посещает церковь? Так как же можно говорить о христианской Англии? Мы говорим о пост-христианском Западном мире. Если мы будем пытаться смотреть на западных политиков и на западное общество как на христиан, то ничего не поймем.

Существуют международные интересы, заставляющие западных политиков заискивать перед арабами. Нефть и другие стратегические интересы, сталкивающиеся в этом регионе, и определяют путь, по которому живущие здесь народы вынуждены идти. Откроем такие газеты, как местная «Джерузалем Пост» или даже «Вашингтон Пост», постоянно реферирующие эти темы, и вы поймете, что нефть и есть то

оружие, которое заставляет так называемый христианский мир закрывать глаза на действительность. Ведь если помните, то и Америка до 11 сентября пыталась доказывать, что терроризм на Ближнем Востоке совсем не то, что терроризм в Афганистане. Теперь, после 11 сентября это, к счастью, изменилось. А Израиль – крошечное государство, приносимое в жертву во имя глобальных интересов. И это мы должны принимать во внимание.

Что касается CNN, то, право же, не стоит переоценивать его популярность. На нем свет клином не сошелся. Недавно я посетил Соединенные Штаты и должен сказать, что CNN стремительно проиграла конкурирующей новостной фирме Fox. Я тоже по этому каналу смотрю американские новости: они очень консервативны, сбалансированы, и сами американцы все больше предпочитают смотреть именно эти новости. Новый канал завоевывает ведущие позиции. Особенно после скандального поведения Теда Тернера. Так что не реагируйте так болезненно на CNN!

– Видишь на экране исламских лидеров, и создается впечатление, будто у них есть идеалы. И будто бы их они ни за что не променяют на микроволновые печи и порносайты, как заявил какой-то шейх. «Уходите с нашей земли» – требуют они. А израильтяне в ответ только просят прекратить террор. В чем же фундамент иудео-христианской культуры?

– Ислам – завоевательная религия. Единственная в мире, которая освящает и свою собственную хулу. Грубая сила есть способ увековечить свое могущество. Что такое джихад? Исторически – не что иное, как убийство неверного. Правда, в последнее время ислам предпринимает попытки дать другое определение джихаду. Но даже «Исламская энциклопедия» определяет его как экспансию ислама военными средствами. Что же касается этого региона, Израиля, то Иерусалим вообще не упоминается в Коране: никогда он не был важным городом для мусульман, никогда не имел значения для ислама.

И если мы хотим понять причину ярости, которую они испытывают к Израилю, то суть ее в том, что когда-то, в результате военных захватов, эта земля попала в сферу исламского влияния и стала землей дар-эль-салям – неотчуждаемой территорией ислама. И вот теперь они чувствуют себя униженными и оскорбленными, потому что земля Израиля возвращена ее законному владельцу. То, что, по мнению ислама, просто не имело права произойти, произошло. День создания государства Израиль отмечается исламским миром, как день...

– Катастрофы?

– Совершенно верно. Израиль вернулся в историю, и когда он в 1948 году объявил о восстановлении своего государства, исламский мир объявил о великой катастрофе.

Но это возвращение в историю и есть тот фундамент, о котором мы говорили. Эта земля обетована Израилю Б-гом, и отдавать ее нельзя ни при каких обстоятельствах. Это конфликт теологический, и он не будет разрешен до тех пор, пока не уйдут с арены радикальные фундаменталисты и не будет выведена новая порода палестинских лидеров. Лидеров, которые не воспитаны в традициях такого крайне агрессивного ислама, каким он выступает ныне. Повторяю, эта земля не имеет для ислама теологического значения, и это важно понять.

– Исламские экстремисты отнюдь не скрывают своих планов уничтожения Израиля. И я воспринимаю как трагедию непрекращающиеся попытки вполне разумных людей, в том числе израильтян, сотрудничать с теми, кто намерен их уничтожить. Это, по-моему, свидетельствует о деморализации?

– Что действительно печально и казалось диким для многих членов Всемирного христианского посольства в Иерусалиме, это – «мирный процесс», начатый с 90-х годов ушедшего века: Мадридская конференция и соглашения, подписанные в Осло. Мы били тревогу, предупреждали: это приведет к войне.

И не могли понять: как сесть за стол мирных переговоров с теми, кто на всех возможных уровнях, и особенно на теологическом, декларировал, что хочет уничтожить Израиль?! Было безумием думать, что с ними можно заключить хоть какой-то вариант мирного договора. Обращаться с ними так, словно они западные люди, было безумием. О чем можно договариваться со своим злейшим врагом? Думаю, Израиль совершил ошибку. Было много политиков, ратававших за этот «мирный» процесс. Это было более чем наивно.

– Возможно, это объясняется тем, что на Израиль оказывалось давление...

– Что бы там ни было, это было наивно. И опасно. Иногда я думаю, что эти политики были искренними. Что ж, тогда они были искренне заблуждающимися.

Но если вернуться к последней интифаде, то является фактом, что израильское общество однозначно отказалось от курса, проводимого в жизнь Бараком. И выдвинуло такого лидера, как Ариэль Шарон. Это показывает, что люди прозрели и увидели: даже самые лучшие намерения в отношении палестинцев ведут к разрушению Израиля. Что намерены делать мы, христианское посольство в Иерусалиме?

Писать об этом повсюду. Я был в Норвегии, и мы запланировали в январе 2003 года провести широкую кампанию по разъяснению истинной сути «мирного» процесса Осло. Пригласим людей, которые расскажут огромному количеству народа, как все это начиналось и к чему привело. Мы не должны недооценивать силу печатного слова, должны все время писать об этом: я и сейчас, до вашего прихода, работал над статьей для американского журнала. Но самое главное, мы не должны забывать о том, что есть Б-г Израиля. Мы не имеем права терять веру в Б-га Израиля: ведь это Он привел свой народ домой.

И даже если народ Израиля переживает трудности, мы должны верить в то, что говорят еврейские пророки. Это обетованная земля народа Израиля. Мы не имеем права поддаваться отчаянию. Говорю «мы», потому что в этой справедливой борьбе наш долг – стоять плечом к плечу с народом Израиля. Народ Израиля не был оставлен и не будет оставлен. Так сказано в Библии. И я в это верю.

– Спасибо за поддержку. А руководители Израиля знают о вашей благородной деятельности?

– Да, после интервью я поведу вас в комнату, которую мы называем комнатой премьер-министров. И там вы увидите фотографии всех премьеров Израиля, выступавших здесь с речами. Всемирное христианское посольство объединяет 15 миллионов человек по всему свету, наши представительства имеются в сорока странах мира. Мы тесно сотрудничаем с министерством иностранных дел Израиля, а в тех странах, где он не имеет посольств, мы представляем его интересы. Когда я был в Америке, прежний посол Израиля уже уехал, а новый еще не прибыл, и мы готовили его прием. В сентябре, на празднование еврейского Нового года нас всегда приглашает на прием президент Израиля. Так что нас в Израиле знают.

*Áíññó áñéà
Èðéíá Ñòáéññ áó*

Í àò «Áðéé», – Áðéýüü Øaðíí

Áéæííí àð Áíðíí áüü

Øáííðíí ðéé í íá íá áüü íí íéòüü íí-áí ó áí Áéæííí àð Áðáí íáí, ðííááí íéé àò ðááá Ááðí áí éé á Èçðáééá íí áííðíííí éóéüüóðüü, íðéæáííéé íáí íí æáííéé íá íáíí áí áíðá íí éáééí-òí íáí áóééí áííáðáéíí. Á-í Áðáí íáð íííáííí í é ááç æéóáí óá áííðéé íí-ðüííéé, éþáéé íáííæááòüü ðíííééíééá æéííéáíí ðííéá ááéá é ííçáíéýé íáçíááòüü íááý Øaðíé. Íí æéé á í-áííí íéðíí ííí áíí ééá íí íáííí á Ðáí àð Ááíá é ááðæáéíý ííáíí çáíðííí, íí íðíáíí áí íáý áíí áðéíííéðáòé-áííééé æáííéé íáðáéðíáéá ííóíéá é íáíí áííéé ááçéííéçáíííü. Í íéíáíéé áííáðáéé ðíáéá íðéçáííééé áíá-áòéáíéá :áéííáéé, ííéó-éáááíí éçüíéáíí íá áíííéóáíééá óáé :òí íáí íí Íéííéé íðéééííí í íáéééçááòüü áíí íáíéé áíéáíáá ðáííííí, :òí íáíí ááðæáòüü íá ááðííáéíííí ðííáíé é íá íáííéáæéòüü áéééó á íðááç ðééá

Дело было на исходе Ливанской войны, и после нескольких светских любезностей все перешли на обсуждение израильской прессы, которая единодушно осуждала правительство за войну и в то же время за то, что правительство ведет ее неэффективно. Тут выяснилось, что хотя генерал приехал в Израиль в составе дипломатической миссии, его главный интерес как профессионального военного состоит как раз в изучении подробностей операций Шарона в этой войне. Он сообщил нам, что операции Ариэля Шарона изучают во всех военных академиях мира и двух мнений относительно них быть не может. Привыкшие к непрерывной развенчивающей ругани нашей прессы, мы переспросили:

– Вы имеете в виду его операцию в войну Судного дня 1973 года?

– Нет, – сказал он, – именно Ливанскую войну, потому что операция войны Судного дня давно уже вошла в учебники... Воистину, нет пророка в своем отечестве!

Оригинальность Шарона много раз сослужила ему плохую службу. Его нестандартные решения всегда казались рискованными. Его идеи на грани между гениальным и сомнительным пугали заурядных людей. Но те же заурядные люди, напуганные неконтролируемым развитием событий, всегда призывали его в минуту отчаяния.

Ариэль, «Арик» – у всех популярных личностей в Израиле есть уменьшительные клички – Шарон родился в 1928 году в семье мошавников, фермеров-кооператоров российского происхождения. Он и сейчас с некоторым напряжением может говорить по-русски. С 14 лет он стал членом тогда еще подпольной Хаганы – будущей Армии Обороны Израиля. Участвовал в Войне за независимость, а после нее служил в военной разведке. В 1952 году оставил армию, чтобы учиться в университете.

Нескончаемые рейды террористов на территорию Израиля заставили правительство срочно искать способы защиты. Шарона как опытного командира призывают организовать израильский спецназ – «подразделение 101», функции которого – борьба с палестинским террором. А дело это – не для слабонервных, и поэтому уже тогда Шарон приобрел паническое уважение арабов и репутацию неисправимого ястреба среди журналистов. К следующей войне – Синайской кампании 1956 года – он командует бригадой парашютистов и совершает в тыл противника прорыв – беспримерный! – на 250 километров. И затем отправляется учиться в престижную английскую военную академию. А в 1966 году все-таки заканчивает юридический факультет Иерусалимского университета.

Во время Шестидневной войны 1967 года Шарон командует бронетанковой дивизией, прорвавшей главную египетскую линию обороны и первой пробившейся к Суэцкому каналу. В 1971 году он инициировал и реализовал операцию в Газе по уничтожению террористической инфраструктуры, на добрый десяток лет приостановившую активность

ФАТХа...

Его выперли в отставку из армии как раз накануне войны Судного дня – в 1973 году. Он успел уже обосноваться и развести дынную плантацию на своей ферме в пустыне Негев.

...И тут его призвали обратно, поскольку обнаружилась катастрофическая ситуация на Египетском фронте. Ему удалось повернуть весь ход событий, форсировав Суэцкий канал, но он тут же получил от командующего осторожный приказ остановиться. На этот приказ он через связного ответил ивритским ругательством, которое в переводе на русский язык звучит, извините, несколько грубовато, зато по-солдатски: «Пусть он подавится своими собственными яйцами». И продолжал завершать окружение Египетской армии.

Вся страна знала, что именно Арик победил в этой войне. Но истеблишмент не прощает строптивых, и его так и не допустили стать главой Генерального штаба. Одним словом, как пел Высоцкий, он всегда был «самый лучший, но опальный стрелок».

После этой войны (пятой в его жизни) Шарон, вместо того чтобы «жить в тоске и в гусарстве», ушел в оппозиционную политику. Именно благодаря ему сложился израильский союз правых сил «Ликуд», впервые победивший социал-демократическую партию «Авода» на выборах 1977 года. Будучи депутатом кнессета и министром в нескольких правительствах, он разработал и осуществил широкую программу создания новых поселений внутри и снаружи «зеленой черты» – линии границы Израиля до 1967 года. За

семь лет пребывания Шарона в правительстве «Ликуда» было создано 250 новых населенных пунктов в районах, представляющих стратегическую важность.

В июне 1982 года, когда началась Ливанская война, Шарон был министром обороны. Настоящая история этой войны еще не написана, и многое в ней, наверное, надолго останется неизвестным. Война началась в ответ на систематический обстрел из «катюш» северных районов Израиля палестинскими соединениями, угнездившимися в Ливане. Но реальный смысл этой войны не может быть понят без дополнительных сведений о ее участниках. В Ливане уже много лет шла гражданская война между христианами и мусульманами. Палестинские боевики, пришедшие из Иордании, резко нарушили баланс, встав на сторону мусульман. Сирия оккупировала бо́льшую часть страны под предлогом защиты ее населения.

***Áĩŷ ñò ðáí à çí àèà, ÷ ò í èí áí í í Áðèé í í áááèé à yò í é áĩ é í á
Í í è ñò ááèè è í á í ò í á í ò ð ð ï ï ò è á í ò, è áá ò á è í á á ï í ò ð è è è
ñ ò à ò ï á á á á é Á á í á ð è ï ï í á ï ò à á á
Í á í è í ñ é í á ï, è á è í á è Á ï ñ ò è è è, í í á ï á á á á ï è «ñ á í ï é è ò: è è è, í í
í í á è ï ï ï é ñ ò ð á é í é».***

В этой войне Израиль впервые приобрел настоящего арабского союзника. Башир Джмайель, возглавлявший христианских фалангистов, решительно предпочел Израиль сирийской оккупации и палестинскому беспределу. Для Израиля вступление в войну и нейтрализация палестинцев означали не только возможность обезопасить свою северную границу, но и долгожданную надежду заключить мир с Ливаном и прорвать кольцо враждебного окружения.

В том и состоял рискованный план Шарона. Харизматический смельчак Башир был ему под стать, и они быстро поняли друг друга. Фактически Израилю пришлось воевать с Сирией, покровительствовавшей палестинцам. В ходе боев была выведена из строя приблизительно треть военно-воздушных сил Сирии и половина ее ракетного потенциала. В августе война была почти кончена, христианское население восторженно приветствовало израильских солдат, Башир Джмайель был избран президентом Ливана и подписал мирное соглашение с Израилем...

Тут-то и произошла катастрофа: Башир Джмайель и десятки его соратников трагически погибли 14 сентября 1982 года от взрыва громадной бомбы, подложенной террористами в штаб-квартиру Христианской фаланги в Бейруте. А через день пылающие мстостью фалангисты ворвались в лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила в Западном Бейруте и перерезали сотни мусульман-палестинцев, включая стариков, женщин и детей.

Хотя израильская армия не была причастна к этому преступлению, договоренность о сотрудничестве между Израилем и Христианской фалангой бросала свою зловещую тень, и возмущению израильской общественности не было предела. Находящаяся в оппозиции партия «Авода» потребовала отставки премьер-министра и учреждения комиссии по расследованию. Демонстрация протеста в центре Тель-Авива собрала 400000 человек. Вместо Башира Джмайеля президентом Ливана стал его покладистый брат Амин: он-то и примирился с сирийской оккупацией, и отменил договоренность с Израилем. Ливанская война разом превратилась из военной победы в дипломатическое поражение, а Шарон из блестящего стратега – в козла отпущения.

Комиссия по расследованию признала лишь косвенную ответственность Израиля и, в частности, Шарона к трагедии в Бейруте. Но он был смещен с поста министра обороны, и его роль в Ливанской войне стала постоянно ассоциироваться с этим эпизодом. Левая печать не забывает напоминать об этом обывателю при каждом случае и сегодня. Но обыватель хорошо помнит также и то, что почти десять лет после той войны на севере Израиля стало возможным спокойно спать по ночам, не ожидая воя сирен тревоги.

Когда в 90-х началась массовая репатриация евреев из СССР, правительство потеряло голову, не зная, как их разместить. И именно Ариэль Шарон был назначен министром строительства: он сумел за два года вчетверо увеличить объем строительства и решить проблему. Конечно, он при этом основательно ущемил интересы бюрократического истеблишмента и пригретых им строительных подрядчиков, что увеличило число его врагов в обоих политических лагерях. Газеты охотно подхватили идею, что Шарон «как всегда» построил «не то», «не там» и «не так». Но тем не менее квартиры подешевели, и миллион новых граждан Израиля разместились на нашем пятачке – вопреки мрачным прогнозам и заклинаниям! Словом, Ариэль Шарон всегда воспринимался избирателями со смешанными чувствами – страха и восхищения.

Неожиданность его прихода к власти в 2001 году и громадный перевес на выборах, полученный им, говорят о чем-то таком, что еще никем внятно не сформулировано. Я не уверен, что у меня хватит умения и проницательности объяснить это «что-то» в короткой заметке. Как-то в начале 80-х, когда наш университетский коллега, гениальный физик и будущий министр науки профессор Юваль Нееман был увлечен созданием крайне правой партии Тхия («Возрождение»), я откровенно спросил его:

– Что тебя (в Израиле все на «ты») связывает с этими крайними, нетерпимыми людьми? Ведь ты же совершенный либерал.

Он мне ответил так:

– Во всех странах нормальный политический спектр состоит из центра, а также правого и левого крыла. Левое крыло стремится к изменениям, а правое старается сохранить то, что есть. Евреи, съехавшиеся в Израиль, почти все происходят из левого крыла своих стран и не представляют себе ничего иного. У нас нет нормального спектра. Весь спектр страшно смещен влево. Наши граждане не привыкли думать о вопросах существования. Для этого в странах диаспоры всегда хватало консервативных партий.

– Но ведь тебя вовсе нельзя назвать консерватором, – продолжал я выяснять его позицию. – Ты типичный интеллигент, для которого свобода – главная ценность.

Юваль продолжил спор:

– Это правда, но в нашей стране именно свобода нуждается в защите. Евреям из России или США никогда не приходилось задумываться, как сохранить порядок, а только о том, «как его переделать». Однако вне упорядоченных демократических правил не может быть свободы. Плюрализм западного общества возможен лишь потому, что он хорошо уравновешен их устойчивым, консервативным бытом. У нас нет ничего подобного. Сколько ни толкай нашу политику вправо, мы все еще будем далеко влево от нормы. Младшее поколение израильтян уже привыкло, что у нас есть государство, и им невдомек, насколько хрупко его существование. А я еще помню время, когда государства не было, и существование наше висело на волоске. Я знаю, насколько оно непрочное и как сильно зависит от всякой случайности...

Спустя десять лет после этого разговора уже ясно обозначилось, что все-таки зачаток правого крыла у нас есть. «Русская» группа со своим специфическим опытом сыграла заметную роль в этом сдвиге.

С тех пор борьба между правыми и левыми достигала порой такого накала, что, казалось, могла перерасти в гражданскую войну. Противники в соответствии со своими идейными мотивировками готовы были уничтожить друг друга, и мне часто хотелось спросить: а где же центр – ну то есть «болото»? Все, вроде, борются за свободу и справедливость, но должен же кто-нибудь представлять обывателя, желающего жить независимо от того, справедливо это или нет. Ведь устойчивость общества, его существование и благосостояние поддерживаются золотой серединой. Как ни ругай середину, а без нее ни вода из крана не потечет, ни хлеб в магазине не появится. Казалось, в нашей стране нет центра. Одни лишь идеологи-правдолюбцы.

В 1999 году пришел к власти Эхуд Барак. И начал свои переговоры с Ясиром Арафатом. Кто с этим шагом был согласен, кто нет, но все-таки была перспектива: ведь переговоры-то о мире! Ну допустим, не тот будет мир, что мы ожидали, заберут у нас что-нибудь, зато Шимон Перес предлагал нам в море строить острова и таким образом расширяться. Тоже ведь блестящая идея?! А также в области «компьюта» мы впереди планеты всей... И, главное, мир!

Потом стали просачиваться слухи, будто бы Барак слишком много отдает. Плохо, конечно. Но левые подбадривали – зато мир! И вдруг выяснилось, что нет и мира. Не просто – сейчас нет, а нет его и в программе на будущее. Израиль опять вернулся к уровню 1947 года. Арафат еще подумает, посмотрит на наше поведение и решит, признать наше существование или нет!.. Но тогда правомерен вопрос: что же мы тут делали полвека и три года? Ведь нас почти убедили, будто бы мир зависит только от нас. Вот мы еще что-нибудь уступим, и будет мир. Неважно, если границы немного неровные или там дороги простреливаются, – мы же к миру готовимся, не к войне. Те из нас, которые передовые, будут палестинцам помогать, а те, что им не доверяют, убедятся со временем... Но нет – те взрывают автобусы, не глядя, кто едет: сторонники ли мира или сионистские фанатики. И по обывательским квартирам прямо палят – что же это такое? Сейчас Барак им покажет!

Но он что-то не показывал, а продолжал уступать все больше и больше. И Арафат больше уже не обещал конца интифады. А доблестные его соратники, один другого круче, прямо с экрана объясняли, что мы для них все на одно лицо и прогрессивные наши убеждения нас не спасут. Тут уж закрадывался страх и предательская мысль: дескать, если им и Иерусалим уступить, то тогда уж они, пожалуй, еще быстрее до нас до всех доберутся. Кто же нас спасет? Разве что Шарон?

Неожиданно в сознании гражданина выплыла из прошлого и захватила воображение фигура спасителя отечества. Человека, который возьмет на себя непосильную для обывателя ответственность. Брал ведь уже много раз. И поведет. И прикажет. И не испугается.

...Все благородное негодование, годами обрушиваемое на Шарона израильской журналистикой, опало как шелуха перед страхом обывателя. Выяснилась поразительная невосприимчивость народа к журналистике и равнодушие к пропаганде. Вдруг открылось, что инстинкт самосохранения отнюдь не отмер и в Израиле. Просто он заглушен был до времени: вольготной жизнью, умилением перед собственной справедливостью и разнообразием возможностей.

Генерал де Голль, генерал Жуков, генерал Шарон. Такая роль не случайно выпадает генералам. И чаще всего – именно строптивым генералам.

За полвека вырос и у нас средний класс. Идеология идеологией, справедливость справедливостью, а «коль дело-то до петли доходит», появился у израильтян и трезвый взгляд. Как обнаружился и здоровый консерватизм. Аполитичное «болото» вспучилось и вручило Ариэлю Шарону свою судьбу. Выдержит ли он это в свои 75 лет?

Î ĀĒŃĀB Î ĀĒŪ×ĒĒĀ ĒÇ ĀĀŌŪ

ĀĒĀĒĒĒ ĒŌ Î ĪĴĀĪĴĒĒĒ

Ā ĩ ānŏ:ĒĀ ĒĀĴŃĪ Ī ĪĪ-ŌĒĒŌĒĪĪ ĄĀĒĪĪ ĒĀĪ āĪ āŏ-Ī ĪĪĒŪĒĒĒ ĪĒĀĒŌĒ Ą ĄĄĄĒĒĒĒ ĪŃĪ ŪĪ ā 1926 ĄĀŌŌ ĄĪĒĒĒĪ ĩ ĄĒŪ:ĒĒ ŌĪ ĒĒ-ĪĀĀ Ē ŌĪŪ Ō ĄĄŪ āĪ Ē Ō ĀĀĒĒĀ Ē ŃŌĄŪ ĀĪĒĒĒ ĄĒĀ ĄŪĒĒ ĪŃĪ Ī ĪĒŌĀ Ē āĪ-Ū ĪĒĀĀ, ā ĪŃŌŪŪ ŌŌĒ ĄĀĀ Ō ŌĪ ĒĒĀ ĪĪĪĒĒĀĪŪ Ē Ī ĒĀĀŪĪ ĪŃŌŌĄĪĒĀ — ĀĒŌĒ. ĀĪ ĪĒŌŪĄĄĒĒĪĪ ĪĄĄĀĪŌŌĀ Ē ā ĪĄĒĪĪ ĪŪĪĀ ĀĀĒĒĀ ĪŌĄĀĪĪ ĪĒĒĀĪ Ē ĴĀĒĒĪ ĄĒĒŪĪ ĄĒŌĀĒĒĒĒ ĒĴĀĒŌĒĒ, ā ĄĪĒĒŌĀĒĒ ŃŌĄŪ ĄĄĄĒĒĒĒ ĒĀĪ-ĒŌŪĪ ĄĒĪ-ĪŪĪ ŌĪĄĄŌĪ. ŃŌĪĄĀĄĒĒĒ āĪĄĄĒĒĒĒĪĪĄĄĄĒĒĒĒ, ā ĄĀĪ ĪĄĒŪĄĒĒĒĒĪ ŌĄĒĒĒĪ Ē ĪĄĄĄĀ ŌŌĒĒĒĪ, āĪĒŪŌŪĴ -ĄŃŌŪĪ ĄĄĪĪ āĪĒ ĪŌĄĀĒĒĒ ā Ī ĪĒĒŌĀĀ ĀĪĒŌĄĀ ĪŃĒĒĀ ĄĪĒĀĪĒĒĪ ŌĪ ĒĒĀ ĪŃĪ ŪĪ ĪĄĄĄĄĒĒĒ ĪĄĪĄĄĒĒĒŌ — ā ĄĪŌĄĪĒĒ ĀĄĄ, ĄĄĒĪŪĪĒĒĒ ŌĀĪŌŌ ĀĒĪĪĒĒĒĒĒĒ ĪĒĒĀĒŌĒ. ĀĄĪĒĒŌŪ ĪĄĒĒĒĒĪĪĪ Ī ĄŃŌĪ ĪŌĒĒĒĒĒĒĒĒĒĒĒĒĒ ĄĪŌ.

Дело в том, что у бабушки были родственники в Америке, которые иногда присылали помощь в виде нескольких долларов. Это не давало покоя местным гепеушникам. Они по ночам врываются в дом и переворачивали все вверх дном в поисках долларов, золота и драгоценностей. Ничего не найдя, непрошеные гости впадали в ярость, а сопровождавший их местный активист Бенце Альтман кричал: «Мы найдем спрятанное добро, вышлем вас в Сибирь, а детей перевоспитаем в детдоме!»

В Баре мальчик поступил в украинскую школу (еврейская была уже закрыта). В соответствии с принятой тогда традицией он взял имя Семен, под которым и значился всю жизнь в документах. Брат Мойше стал Мишей, а сестры Эйга и Гитл – Инной и Геней. Учился Семен хорошо, благо способностями Б-г не обидел. И, как водится, подросток влюбился в одноклассницу, из-за Семиной стеснительности так никогда и не узнавшей о его чувствах. Утешением были книги. Если попадались интересные, особенно о путешествиях и приключениях, мог не отрываясь читать до трех-четырех утра при керосиновой лампе.

Весной 1941 года, оканчивая восьмой класс, Сема вступил в комсомол, чем очень гордился: как и его сверстники, он свято верил в грядущую светлую жизнь и в лучшего друга детей товарища Сталина.

Летом 1941 года по многим признакам, главным образом по движению войск через Бар на запад, население со смутной тревогой ждало роковых событий. И все же, несмотря на ожидание, весть о войне застала врасплох. В воскресенье 22 июня в Баре, как обычно, был большой базар. Толкаясь у прилавков, Сема обратил внимание на то, что люди на базаре двинулись к столбу, на котором висел репродуктор. Передавали выступление Молотова... Война! Бегом домой. Потрясенные родные сокрушались: что будет с нами, с Мишей, учившимся во Львове, с Инной, гостившей у родственников в Запорожье? Пройдут годы, и станет известно, что Инне удалось эвакуироваться, но Миша так и пропал без вести.

А в конце июня над городом появились немецкие самолеты. Прямо над сквером, где находился Сема, низко летел бомбардировщик с крестами на крыльях и фюзеляже. Сема бросился бежать. Вдруг сзади его схватил военный и с криком «Шпион, шпион!» стал дубасить рукояткой револьвера по голове. К счастью, в горсовете, где находилась военная комендатура и куда под дулом личного оружия армейский «Пинкертон» привел Сему, подтвердили, что он ученик местной школы, а не фашистский агент.

Бар находился в стороне от направления главного удара немцев, которые стремительно наступали на Киев, и поэтому линия фронта приближалась к городку не так быстро. Жители слышали отдаленные орудийные раскаты, потом все стихло. А 16 июля немцы без боя вошли в городок. Это были загорелые парни в серых мундирах с закатанными рукавами. Смеясь, они изловили двух евреев, запрягли в мотоцикл и заставили возить по улицам...

В Баре появились военная комендатура, полевая жандармерия и местная власть – городская управа во главе с бывшим школьным учителем рисования, когда-то тихим и незаметным человечком. Местные полицаи ходили в гражданской одежде и на левом рукаве носили белую повязку с надписью по-немецки: «Шуцман». Евреев заставили на спине и груди носить желтые лоскуты. Их пока не убивали, но стали гонять на принудительные работы. Забирали все – от денег до мебели и постельного белья. Питались ограбленные евреи тем, что обменивали оставшееся имущество у крестьян на продукты, чтобы не умереть с голоду. Сердобольные местные жители тайком совали евреям что-нибудь съестное... В обращение ввели окупационные марки и ... советские рубли – десять рублей за одну марку. Рациональные немцы быстро запустили находившиеся в городе заводы, оставили в неприкосновенности колхозы, отбирая для нужд рейха весь урожай. Евреи облагались поборами, была введена трудовая повинность – все осуществлялось через созданные в каждом городе еврейские советы – юденраты. Во главе юденрата Бара стоял бывший слесарь по прозвищу Петлюра.

К осени бывший Барский район разделили на две части. Северная часть с городом вошла в окружной гебитскомиссариат Бар в составе рейхскомиссариата Украины и управлялась немцами. Южная часть, по правую сторону реки Ров, протекающей через Бар, вошла в состав Транснистрии – так называли территорию, управляемую румынами. Они в конце 1941 года депортировали из Бессарабии и Буковины евреев, многие из которых погибли от голода и холода в суровую зиму 1941 – 1942 годов. Жестоко уничтожали евреев Одессы. Однако после поражения немцев под Москвой и Сталинградом румыны в той части Винницкой области, что входила в Транснистрию, массовых расстрелов евреев не производили.

Пережили зиму с большим трудом. А летом 1942-го Семен попал на работу в колхоз. Немецкие войска стояли у Сталинграда, будущее казалось безнадежным. В управляемой немцами округе Бар оставался единственным островком, где евреев еще не уничтожали. Но в середине августа стало понятно, что грядет нечто страшное. Об этом предупреждали те полицаи, в которых еще оставалось что-то человеческое, и люди из управы. Они говорили: в городе появилась зондеркоманда и прибыли целые отряды чужих полицаев.

Районы компактного проживания евреев 19 августа оцепили полицаи, а живших в других районах евреев отконвоировали на стадион. Последовала команда выходить с вещами и строиться в колонны. Больных людей и беспомощных стариков поддерживали родные. Сема пытался было забиться в щель между домами, но представил себе, что, может быть, навсегда расстается с родными. И не выдержал – снова присоединился к матери, отцу и младшей сестренке. Колонну погнали на стадион, по периметру оцепленный полицаями. В центр стадиона вышел местный начальник полиции, некто Андрусев. Его после войны будут открыто судить в тех местах, где он злодействовал. И приговорят к смертной казни. На вопрос судьи: участвовал ли в расстрелах он лично, «гуманист» Андрусев ответит, будто только добивал раненых, чтобы не мучились.

Андрусев, шеф жандармерии и трое немцев в фуражках с кокардами «мертвая голова» проводили «селекцию». Офицер, видимо старший группы, стэком сортировал евреев, указывая, кому на какую сторону стать. Через какое-то время образовались две группы. В одной – нестарые и трудоспособные, в нее попали Семен с отцом, жена покойного брата матери тетя Майка с дочерьми Цилей и Полей. Из второй группы – малолетних, стариков и нетрудоспособных удалось перебежать в первую 12-летней сестренке Семена Гитл, она была рослой девочкой.

Вторую группу (в ней находились мама Семы, соседи и многие ученики местной школы, в том числе обаятельный и способный Яша Коднер из Семиного класса) под усиленным конвоем полицаев повели на расстрел. Ямы возле села Гармаки были выкопаны заранее. Расстреливали немцы по наработанной схеме. Обреченных людей – несколько тысяч – заставляли раздеться и подойти к краю ямы, затем следовала автоматная очередь. Детей бросали в ямы живыми, а иногда для разнообразия разбивали им головки о кузов автомобиля...

Рабочую колонну привели в заранее приготовленное и окруженное колючей проволокой гетто. К вечеру того же дня в ворота въехали грузовики. Выгнали людей из домов, и тех, кто помоложе, полицаи посадили в машины. Попал туда и Семен вместе с двоюродными сестрами. Все шло так стремительно, что никто не успел даже попрощаться с родными.

Несколько сот отобранных евреев привезли в бывшую школу села Якушинцы Литинского района Винницкой области, примерно в семидесяти километрах от Бара. Школа была огорожена несколькими рядами колючей проволоки, в воротах стояли часовые. Здесь немцы организовали лагерь для работающих на строительстве и ремонте шоссе, по слухам, ведущего к украинской ставке Гитлера. На второй день обитателей лагеря построили в колонны и погнали на работу. Конвоировали их литовцы в зеленой форме, отчаянно лютые, по малейшему поводу бившие идущих палками по голове. Иногда забивали насмерть. Часть заключенных таскала на носилках песок, часть дробила в щебень камни. Кормили баландой два раза в день. Для исхудавших от голода узников огромным соблазном был находившийся недалеко от лагеря яблоневый сад. Год выдался урожайный, вокруг деревьев валялись спелые плоды. Как-то вечером Семен увидел, что в одном месте проволока достаточно высоко поднята над землей. Когда стемнело, он подлез под проволокой и оказался за пределами лагеря. Ощущение зыбкой и тревожной свободы на миг вскружило голову. Первой мыслью было – бежать подальше от этого страшного места. Но... в лагере оставались сестры. Преодолев естественный порыв, Семен проник в сад и набрал полную рубашку яблок. Назад вернулся тем же путем. Потом он много раз использовал этот лаз.

И все же Сема сбежал. Сбежал дерзко. Помогла внешность. Не похожий на еврея подросток спокойно мог раствориться в массе местных хлопчиков, тем более что по-украински говорил чисто. Взять с собой сестер было невозможно, их типично еврейские лица гарантировали стопроцентный провал побега. Семен честно сказал им об этом. И добавил: «Одно ваше слово – и я останусь». Но сестры одобрили план брата.

До сих пор Семен Давидович не может ответить на простой вопрос: почему он не воспользовался тогда привычным лазом, а пошел на откровенный риск? Когда после работы мальчик оказался в лагере, он как бы невзначай приблизился к воротам. Их охранял часовой: несколько шагов от одного опорного столба до другого, поворот, несколько шагов обратно. Когда часовой в очередной раз повернулся, Сема проскочил в ворота и со скучающим видом стал смотреть на лагерь с другой стороны забора. Часовой скользнул по нему безразличным взглядом: мало ли мальчишек вертится на дороге? А ведь обернись он чуть раньше, жизнь Семена повисла бы на волоске... Наконец Семен повернулся спиной к лагерю и, преодолевая соблазн побегать, неспешно начал удаляться.

Семен решил вернуться в Бар и, если гетто еще не уничтожено, проникнуть туда, посоветоваться с отцом, как быть дальше. Шел вдоль железной дороги, не подходя к путям ближе, чем на километр-два, чтобы не наткнуться на патрулей. В села не совался, но когда от голода становилось невмоготу, заходил в крайнюю хату, что победней (богатая могла принадлежать полицаяу или старосте), и

просил поест. Говорил, что сбежал из эшелона, в котором увозили в Германию. По виду и разговору селяне признавали Сему за украинца, а что одежда рваная, так ведь знали, что на чужбину одевались похуже.

Через несколько дней Семен Додик пришел в Бар. Гетто было на другой стороне городка, и он до наступления вечера отсиживался в лесочке. А потом проник в гетто и попал в объятия родных. Рассказал отцу, что хочет раздобыть подводу и привезти сюда из лагеря сестер. «Не надо, – печально ответил отец, – со дня на день ожидается последняя акция». Слово «расстрел» по молчаливому уговору здесь не произносили. Потом отец добавил: «На день в гетто не оставайся. Иди в колхоз, где тебе приходилось работать».

Несколько дней Семен проработал в колхозе. Пока от сочувствовавших евреям работников немецкой администрации не стало известно, что «акция» назначена на 15 октября.

Утром накануне Семен прощался с родными особенно долго. Свидятся ли они еще? Где-то в глубине души теплилась слабая надежда – вдруг пронесет? Бежать из гетто всем вместе было невозможно – любое скопление евреев вне рабочей команды вызывало подозрение. Семен решил в гетто не возвращаться. Ночь переждал в подвале вместе с товарищем Фимой Тарло, а утром увидел на улице вооруженных полицейав и с ужасом понял: началось. Подростку чудом удалось пробраться к одинокой скирде соломы, что находилась между сахарным заводом и селом Ивановцы. Он глубоко зарылся в скирду и вскоре услышал пулеметные или автоматные очереди и пронзительные предсмертные крики жертв. Оставшихся евреев расстреливали в каких-нибудь пятистах метрах от Семиной скирды.

Ближе к вечеру к скирде за соломой подъехала подвода. Семен слышал, как один мужчина сказал другому: «Бьют всех – и ликариив, и ковалиив» («Убивают всех – и врачей, и кузнецов»). Гетто ликвидировали полностью. Перед мысленным взором мальчика вставали страшные картины последних минут его родных...

Когда Семен вылез из скирды, был ясный, чуть морозный вечер, а, может быть, ночь. Вдали проплыли и начали удаляться огоньки, видимо, прошел пограничный патруль. Стараясь не шуметь и прислушиваясь к каждому шороху, Семен перешел речку Ров вброд. Обошел станцию Бар и по проселку направился в еврейское местечко Поповцы. Проселок был безлюден, но мальчик на всякий случай шел параллельно дороге, по полям и лесам. Позже в местечке появились и другие беглецы из Бара. В Поповцах жило много родственников барских евреев, расстрел которых поверг в ужас жителей местечка. Одна добрая женщина как могла накормила Семена и уложила спать на полу подвала, подстелив пальто... Так 16-летний юноша остался один на свете, без родных, без дома и средств к существованию...

Однажды глубокой осенью 1942 года один из осевших в Поповцах беглецов из Бара предложил Семену пробраться ночью в барское гетто и достать из тайника спрятанные им драгоценности: «Разделим пополам, будет на что кормиться». Постоянно голодному юноше, который перебивался случайными заработками, предложение показалось заманчивым. Крадучись, он перешел речку в обратном направлении и снова оказался в Баре. Около часа ночи Семен подобрался к гетто, подлез под проволочное ограждение и вскоре оказался в указанном доме. В тайнике под порогом было пусто... Вдруг снаружи раздались шаги. Оказалось, полиция все еще патрулирует гетто! Семен быстро забрался на чердак, а когда шаги стихли, запели петухи, наступало утро, и выходить из гетто было опасно. В легкой промокшей одежде, скованной морозом, Сема просидел в забвении до позднего вечера. Когда в городе погасли последние огни, выбрался из гетто и решил зайти к польке Стасе. Жила она недалеко от гетто, и тетя Майка оставила когда-то ей на хранение часть вещей. Семен тихо подошел к дому Стаси, постучал в окно и попросил отдать хотя бы теплую одежду. «Ничего у меня нет, – ответила Стася, – убирайся отсюда, пока не поздно».

Силы оставили парня. Он перешел обратно в Транснистрию и в ближайшем селе Голодки постучался в крайнюю хату, попросил пустить хоть на часок погреться. Впустили. Кто такой – не спросили: мало ли горемык ходит нынче по округе? «Может, и мой где-то так же бродит», – вздыхала хозяйка. И, посмотрев на Семины ноги, сказала: «Сними ботинки». Ног Семен не чувствовал. Хозяйка приложила к пальцам намоченный тертый горох. Отошли только некоторые пальцы. А с больших и средних слезла кожа, начались адские боли. Угостив Сему чем могли, хозяева попросили его уйти. Юноша с трудом надел ботинки и кое-как поковылял в Поповцы. От обуви пришлось отказаться. Подросток обмотал ноги тряпками и обратился к местному врачу-беженцу. Тот дал Семену риванол и велел, растворив лекарство в теплой воде, смачивать пальцы. Как Семе удалось избежать сепсиса – одному Б-гу известно. К концу длительного лечения фаланга большого пальца одной ноги отвалилась, на другой – палец деформировался. До сих пор у Семена Давидовича повышенная чувствительность обеих ног к холоду.

В конце декабря в десяти километрах от Поповцев, в местечке Копайгород по указанию румынских властей собирали группу рабочих для заготовки леса. Добровольцам местная община давала немного оккупационных марок и старую, но теплую одежду. Это стало спасением для Семена. Ему надоело нищенствовать, и он, несмотря на больные ноги, пошел в Копайгород, попрощавшись со всеми, кто помогал ему в особенно трудную пору. Десять километров до Копайгорода шел целых пять часов...

В городе бригаду, состоявшую в основном из таких же избежавших расстрела бедаг, направили в село Матийков Барского района. Поселили всех в пустующей хате, принадлежавшей старушке-украинке – бабе Федоре. Работа на лесозаготовках продолжалась до конца января 1943 года, но бездомным

заготовителям идти было некуда, и они так и продолжали жить у бабы Федоры... На небольшие деньги, которые им выдали, накупили ниток, иголок, булавок и предлагали их местным жителям в обмен на еду. Некоторые сердобольные брали ненужные им товары, чтобы хоть как-то поддержать несчастных торговцев. Фактически это было слегка замаскированное нищенство. Иногда «купцов» кормили обедом, иногда объедками или приготовленным скотине кормом. Они всё принимали с благодарностью. Ноги у Семена заживали медленно. Едва передвигавшийся на обмотанных тряпками ногах, он вызывал у местных жителей особенную жалость. Даже в ужасное время оккупации многие сохранили благородство.

По вечерам в хате говорили о политике, потом пели. На всю жизнь запомнилась Семене рожденная в гетто песня на идише – ее немудреные слова способны выжать слезы из самой заскорузлой души. Вот перевод только части этой песни-мольбы, песни-реквиема.

*Í óíí:-áí ó íí:-áí ó íáñ óáé ááþò?
 Ááá Í ò:-á ò áí á í eéííáðáéá?
 Á-íí íáü, áçæýí é ñ í ááá í á í áñ ááðáá,
 Áçæýí é è í íáñ è ó í è:-ò í áé áþ ù é é í áñ í ü
 Í í ááü, Á-íí íáü, ñ í áñ óé á
 áñ ò á ò í:-í í...
 Ááðáé éðé:-á ò í á áðáá é ááðáá ðá:-éé
 Náí áí áí ü í í áá ò ü ý í :
 «Áí çü é ò á í áñ :-áðá ðá:-éü
 Í ü óí ò éí áü ó ü ñ ááí é,
 Í ü áááí áí áí eü ò áí áá ó ü ý é í ò í:-é í é
 óé ááá,
 Èè ó ü áü é çááé á ò ü í áí áð é í é
 íí áð è...»*

В хате села Матийков Семен и его товарищи прожили около года, вплоть до зимы 1943 – 1944 годов. Летом 1943-го было полегче. В связи с наступлением советских войск у людей, находившихся в оккупации, появилась надежда. Разумеется, кроме немецких пособников. Чувствуя приближающуюся расплату, они уже не столь ревностно исполняли свои палаческие обязанности. Узники подрабатывали на сельских огородах. Благодаря теплу ноги у Семена заживали быстрее, и вскоре он уже мог надевать ботинки. Заработанные поденным трудом овощи, в основном картошку, Семен носил в местечко Поповцы и продавал, а на вырученные деньги покупал товары для крестьян: все те же иголки, нитки и булавки. Этот нехитрый «гешефт» помогал прокормиться.

Однажды Сему, идущего из Поповцев, остановил румынский патруль, на нескольких санях перегородивший дорогу. Его спросили:

– Кто такой? Откуда?

– Я рабочий еврейской команды, – ответил Семен. – Нас послали румынские власти на лесоразработки. Живем в Матийкове.

Патруль не поверил:

– Нам ничего неизвестно о такой команде. Думаем, это команда не заготовителей леса, а партизан. Садись в сани, выясним на месте.

Когда непрошеные гости подъехали к дому, где Семен жил с товарищами, все были в сборе. Семин рассказ подтвердили, но это не произвело на румын никакого впечатления. Всех, кто был в доме, привезли в село Мытки и посадили в холодный подвал жандармерии. На другой день румыны, подивившись, что евреи упорствуют и не выдают партизан, сказали: все будут скоро расстреляны. Так нелепо погибать, когда уже появилась надежда на освобождение, было особенно обидно. Ночь прошла в холоде и страхе.

Утром узники попросились в туалет. Начальник поста разрешил выводить пленников поочередно, группами по трое. Шедший первым Семен завернул за угол тюрьмы, на несколько секунд стал невидимым для конвоира и что было сил побежал за стену туалета. Когда конвоир понял, что в туалете Семена нет, юноша был уже далеко. Через три часа он был уже в Копайгороде, разыскал председателя общины и рассказал, что произошло. Начальник румынских жандармов был известным в округе мздоимцем. И когда получил взятку, распорядился отпустить задержанных, которых сам же направлял на работу в Матийков. Чудом спасшиеся евреи чуть не задушили в объятиях своего спасителя Сему... Оставаться в Матийкове жандармский начальник не советовал: «Кругом партизаны. В случае чего я вас уже не отобью».

В очередной раз вырвавшийся из объятий смерти Семен снова оказался без жилья и средств к существованию. Несколько дней он и товарищ ночевали в помещении копайгородской общины, питаюсь за ее счет. Скоро в общину пришло требование румын – послать несколько десятков евреев в рабочий лагерь: там кормят и дают жилье. Община предложила ехать в этот лагерь, и Семен вместе с товарищем, которого звали Рахмил, согласились, предпочтя еще раз рискнуть, чем жить на иждивении нищей общины. Однако на сборном пункте в Могилев-Подольске, где формировался эшелон, Семен пожалел, что приехал. Оказалось,

что это – концентрационный лагерь «Печора», к тому же с усиленной охраной. Теперь о побеге, казалось, нечего было и думать...

Вскоре узников погрузили в товарные вагоны и повезли в неизвестность. Несмотря на зимнюю пору в вагоне было тесно и душно. В единственное открытое окошко едва можно было просунуться. Часа через три поезд остановился на станции. Похоже, это была Жмеринка. У дверей вагона вышагивал часовой. Несколько шагов в одну сторону, несколько шагов в другую. Семен вспомнил, как бежал из рабочего лагеря в Якушинцах и решил повторить этот чрезвычайно рискованный трюк. Он посчитал, что до поворота часового проходит семь-восемь секунд. Если с помощью Рахмила и соседей подтянуть ноги к окошку, то за это время можно прыгнуть на пути и спрятаться под вагоном. Решимость выполнить свой план взяла верх над страхом. Как только часовой отвернулся от окна, Сема схватился руками за оконный проем и спустился на землю. На Семино счастье, мимо проходила бригада местных железнодорожников, которая все видела. Кто-то подхватил юношу под руки: «Не бойся, браток». Отвели Семена подальше от поезда: «А теперь тикай отсюда, да побыстрее!»

Оказавшись в относительной безопасности, Сема огляделся. Невдалеке стоял человек с нашитыми на груди и спине желтыми тряпками. «А ид?». «Йо, йо», – ответил человек. Из разговора с ним выяснилось, что это действительно Жмеринка. И что все евреи согнаны в местное гетто. И еще Сема узнал, как незаметно, не попадаясь на глаза полицаям и немцам, пройти туда. В гетто местные еврейские полицейские спросили у Семена, кто он такой, и посоветовали обратиться к председателю общины доктору Гершману, бессарабскому еврею.

Доктор Гершман считал себя великим психологом и знатоком человеческих душ. Сема после грязного вагона и голодной диеты выглядел ужасно и очень походил на беспризорника Мустафу из довоенного фильма «Путевка в жизнь». Гершман дружелюбно расспросил Семена, и тот, ничего не скрывая, рассказал про трагедию в Баре, про лагерь Якушинцы, про Матийков, о побегах из жандармерии в Мытках и из поезда в Жмеринке. Доктор спросил: «Сколько тебе лет, где ты учился до войны?» Сема ответил и не утаил, что был отличником. На что «великий психолог» сказал: «Ты все врешь. С таким идиотским лицом невозможно быть отличником». После приговора «местечкового Ламброзо» Семену ничего не оставалось, как уйти из гетто...

Голодный Семен, ориентируясь на железную дорогу, уже в темноте вышел к станции Бар. Обошел стороной вокзальные постройки и отправился знакомой дорожкой за восемь километров в село Матийков к домику бабы Федоры. Было около десяти вечера, когда Семен тихо постучал в знакомое окно. В доме загорелась керосиновая лампа, в окне показалось лицо Федоры: «А, Сэмэн! Прийшов-таки. Заходь». Семен рассказал о своих злоключениях и добавил: «Баба Федора, мне негде жить. Нельзя ли у вас продержаться хотя бы до весны?» – «Что ж, – просто ответила Федора, – живы у мэнэ. Мисця хватыть и картохля е».

Так в конце декабря 1943 года Семен снова оказался в Матийкове, в мазанке бабы Федоры. Днем старался не показываться на людях, злые языки могли донести на него местному старосте. Питались в основном картошкой, но иногда родственники бабы Федоры приносили немного кукурузной муки или крупы. И тогда на столе появлялась удивительно вкусная дымящаяся мамалыга.

Наступил февраль, а с ним и надежды на скорое освобождение. По слухам, которые приносила баба Федора, бои шли западнее Киева, возле городов Фастов и Казатин, всего в ста двадцати километрах от Бара. И вот настал день, когда баба Федора, зайдя в хату, лукаво сказала: «Сэмэну, а Сэмэну, а на двори бильшовыкы». У Семена захолонуло сердце. Вот оно, спасение – ишие*, которого не суждено было дожидаться его родным, школьным друзьям, талантливому Яше Коднеру и еще тысячам уничтоженных евреев. На улице – партизаны. Семен, которого столько времени травили как зайца, все годы оккупации мечтал попасть к ним. попрощавшись с бабой Федорой и от всей души поблагодарив, юноша пошел в сторону слободки Матийковской. На подходе к селу Семена остановил окрик: «Стой, кто идет?!» Из-за ивовых кустов выскочили два партизана. Семен рассказал о себе и добавил: «Возьмите меня в отряд, у меня к фашистам большой счет».

Сему отвели к комиссару, которому он подробно рассказал о своих мытарствах. Во время долгой беседы комиссар не удержался от непростительной бестактности:

– Почему многие твои соплеменники трусливо шли на расстрел, как стадо баранов?

Семен подумал: «Этими “баранами” были главным образом женщины, старики и дети. Большинство мужчин-евреев сражались на фронте». Но вслух этого не сказал, боясь, что его не примут в отряд.

Позднее и ему стали известны факты, когда в партизаны не хотели принимать евреев, оставляя их на произвол оккупантов. Забегая вперед, отметим, что на себе Сема антисемитизма в отряде не чувствовал, но много раз слышал разговоры о евреях, которые стреляют в Ташкенте из кривого ружья.

*** ишие – избавление, спасение (идиш).**

Комиссар, – а им оказался политрук Красной Армии Федоров, – сказал Семену, что тот попал в партизанский отряд имени народного героя Украины Кармелюка, командует отрядом майор Шевляков. И что соединение (кавбригада) имени Ленина, в котором оказался Семен, совершает рейд по Винницкой области, чтобы не позволить отступающему противнику угонять людей, грабить оставшееся имущество, угонять скот. После беседы Федоров привел его в хату, где располагался штаб отряда, и Семена Додика определили в конный взвод лихого командира Забаштанского. Семе дали французскую винтовку времен первой мировой войны, три патрона к ней и лошадку с подушкой вместо седла. А на словах добавили: «Лучшее оружие и экипировку добудешь в боях сам». Лошадка бегала неплохо, но первое время подушка все время сбивалась набок, однако потом Семен привык к своему коню.

Рейды по городам и селам Винницкой области были глубокими, порой до полусотни километров. Совершали их в основном по ночам, а днем оставались в захваченных населенных пунктах, занимали круговую оборону. И наступало возмездие гитлеровских прислужников из числа местных жителей.

Одна из немецких частей пыталась прорваться через расположение партизанского отряда. И однажды днем Семен взвод подняли по тревоге и направили на помощь охранению, которое дралось с врагом. Семен и командир отделения Вася залегли и открыли огонь по двигавшимся перебежками немцам, которые отвечали автоматными очередями. Вскоре Семен почувствовал тупой удар в левое плечо. Понял, что ранен. Не успел толком осмыслить происшедшее, как услышал рядом тяжелый вздох. Повернулся и увидел Васю: тот вытянулся и закатил глаза. Из головы текла струйка крови. Подползла санинструктор Леля, сказала: «Семка, Васи больше нет». Увидела кровь на его куртке, разрешила рукав, перевязала: «Счастливый ты. Кость, кажется, не задета. Полежи немного, скоро заберу тебя».

Подросли другие взводы, и немцы были разбиты. На сани медпункта положили убитого Васю и Семена. Ему показалось неправильным лежать рядом с убитым товарищем, но Леля встать запретила: «Ты потерял много крови, можешь упасть». Когда приехали в расположение взвода, подошедшие ребята хвалили Сему за смелость в первом бою, хотя сам он отнесся к происшедшему буднично: «Лежал, отстреливался...» В партизанской справке Семена Додика об этом эпизоде есть такие слова: «... во время боя в селе Носиковке... проявил себя храбрым, смелым, будучи раненым, продолжал вести бой».

Вместе с местным плотником бойцы соорудили гроб и похоронили Васю на сельском кладбище. После погребения произвели салют из винтовок, и партизаны отряда прошли мимо могилы торжественным маршем. А Семену в наследство от командира отделения досталась трехлинейка с полным набором патронов. Она хорошо послужила новому хозяину во время следующих ночных рейдов. Додик стоял в засадах, участвовал в нападениях на колонны отступавших румын. Они были так напуганы, что нередко без боя сдавались в плен или разбегались.

В марте 1944-го после очередного рейда партизаны оказались на освобожденной советскими войсками земле. Ждали приказа – перейти линию фронта и действовать в немецком тылу. Однако такого приказа не последовало. Партизанское соединение передислоцировали в Винницу, где его распустили, а подлежащих по возрасту призыву – тех, кто был не моложе 1925 года рождения, – призвали в действующую армию. Более молодых распустили по домам. Среди них оказался и Семен Додик. Его одели в длинную итальянскую шинель серо-зеленого цвета, выдали короткие немецкие сапоги. Под шинелью на Семе были венгерская куртка и галифе, на голове – папаха с красной лентой наискосок.

По партизанской справке Семен на попутной военной машине добрался до Бара. На месте бывшего дома Додиков оказались руины. Сема зашел в гетто, все еще окруженное колючей проволокой, и долго стоял в комнате, ставшей последним пристанищем его родным...

На улице Семен встретил своего давнего друга Фиму Тарло, с которым прятался в подвале в ночь на 15 октября 1942 года перед уничтожением барских евреев. Его дом сохранился, и он предложил Семе жить у него. Оба юноши вскоре подлежали призыву в армию и стали на учет в военкомате. В мае 1944 года Семена Додика призвали в Красную Армию, и он был направлен в учебную часть, а затем – в Польшу, проходил службу в артиллерийском подразделении, участвовал в боях на знаменитом Сандомирском плацдарме, где наши войска прорвали вражеский фронт. Конец войны застал Додика в немецком городе Волау. Весной 45-го его направили на краткосрочные курсы младших лейтенантов-артиллеристов, которые он окончил уже после Победы.

Дальнейшая биография Семена Додика похожа на судьбы многих фронтовиков. Он успешно сдал экстерном экзамены за среднюю школу, окончил Всесоюзный заочный политехнический институт по специальности «Радиотехника», стал инженером. И в 1956 году перешел на работу в научно-исследовательский институт, поступил в заочную аспирантуру. А в 1962 году защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал свою первую научную работу. Со временем Семен Додик стал видным специалистом в своей области, по его книгам учились студенты и дипломированные инженеры. Обнаруженная еще в молодые годы тяга к путешествиям реализовалась в более чем сорока походах – горных, водных на байдарках и лыжных в условиях Заполярья. Семен Давидович изъездил всю страну – от Карпат до Камчатки и от Воркуты до Кавказа.

Сейчас Семен Давидович пенсионер, у него дети, много внуков. Большой любитель природы, он в 1999 году опубликовал книгу «Грибы российских лесов». Несмотря на перенесенную тяжелую болезнь

Додик сотрудничает в центре «Холокост», часто выступает перед людьми, рассказывая, что пришлось пережить мальчику из гетто города Бар Семе Додику. Рассказывает о расстрелянных талантливых еврейских подростках, об убитом соученике Яше Коднере... Свои выступления Семен Давидович обычно заканчивает размышлениями о том, сколько научных открытий, сколько прекрасных книг похоронены нацистами в многочисленных Бабьих Ярах...

Судьба Семена Давидовича Додика – это не только хроника трагических событий, но и предостережение нынешнему поколению, вновь оказавшемуся перед угрозой нацизма. Ведь не встречающие серьезного сопротивления властей и потому наглежащие с каждым днем бритоголовые подонки так разительно похожи на полицаев, с которыми приходилось сталкиваться еврейскому мальчику...

ÒÌÁÁÀ ÍÍ ÌÍÌÈÌ ÀËÁÑÁ

Ááí ááèèò Ñàðí íá

Чтение главной запретной книги Эренбурга – «Необычайные похождения Хулио Хуренито» – я все откладывал. Боялся, что рядом с Замятиным, Булгаковым и другими открывшимися мне запертыми в спецхран гигантами Эренбург проиграет, и я, чего доброго, так разочаруюсь в нем, что пропадет желание писать о нем книгу.

Но «Хуренито» не разочаровал меня. Мало сказать – не разочаровал! Проглотив его залпом, я вдруг с изумлением обнаружил, что эта книга, о которой современники писали слегка пренебрежительно (рецензии и многочисленные критические отклики на «Хуренито» я прочел раньше, чем раскрыл сам роман), вдруг заслонила для меня и Булгакова, и Замятина, и любимых мною Ильфа и Петрова, став на какое-то время – а может быть, даже и навсегда – одной из главных книг моей жизни.

В то время, о котором я рассказываю, я бы, наверно, постеснялся в этом признаться: ведь было тогда у меня так много этих самых «главных книг», сформировавших и надолго определивших мои художественные вкусы. Из современных прозаиков первым был безусловно Хемингуэй. («Прощай, оружие!» и «Фиесту» я прочел еще во время войны, в эвакуации, и эти книги меня ошеломили.) Ошеломила и прочитанная уже в студенческие годы проза Пастернака – прежде всего «Детство Люверс».

На фоне этих любовей и привязанностей моя любовь к «Хулио Хуренито» представлялась мне такой простительной слабостью. Вроде такой же захватывающей, но в то же время слегка стыдной любви к Вертинскому, которого я обожал, но никогда – даже мысленно – не поставил бы этого своего любимца в один ряд с настоящими, «серьезными» моими любовями – Маяковским, Блоком, Пастернаком. Как никогда – даже наедине с собой – не поставил бы искренне (до сих пор) любимых мною «Трех мушкетеров» рядом с «Мертвыми душами» и «Героем нашего времени». Хотя – почему бы и нет? Не стыдилась же Цветаева своей любви к «второсортному» Ростану!

Нет, литературой «второго сорта» эренбургский «Хуренито» мне никогда не казался. Но подспудная мысль (скорее ощущение), что любовь к этой книге отнюдь не свидетельствует о безукоризненности моего художественного вкуса, мешала мне признаться (даже себе) в серьезности этой моей любви. Какую-то роль – и, наверно, немалую – тут безусловно сыграли те самые критические отклики современников, которые, как уже было сказано, я прочел еще до того, как раскрыл сам роман. Вот – чтобы было ясно, о чем идет речь, – один из них:

«Массовым производством западных романов занят в настоящее время Илья Эренбург. Его роман “Необычайные похождения Хулио Хуренито” имел необычайный успех.

Читатель несколько приустал от невероятного количества кровопролитий, совершающихся во всех повестях и рассказах, от героев, которые думают, думают. Эренбург ослабил нагрузку “серьезности”, в кровопролитиях у него потекла не кровь, а фельетонные чернила, а из героев он выпотрошил психологию... С этими невесомыми героями читатель катился за Эренбургом с места на место и между главами отдыхал на газетной соли... Результат всего этого получился несколько неожиданный: у экстракта “Хулио Хуренито” оказался знакомый вкус – он отдавал “Тарзаном”».

(Юрий Тынянов. Литературное сегодня. «Русский современник». 1924, №1.)

Были, конечно, и положительные, хвалебные отклики. Больше всех нашел для «Хуренито» добрых слов Евгений Замятин. Свой отзыв о нем он заключил утверждением, что «роман значителен и в русской литературе оригинален». Но даже и он счел нужным влить в эту бочку меда столовую ложку дегтя.

«Есть чей-то рассказ про одну молодую мать. Она так любила своего будущего ребенка, так хотела поскорее увидеть его, что, не дождавшись девяти месяцев, – родила через шесть. Это случилось и с Эренбургом...

Рядом с превосходными, франсовскими главами – абортированные, фельетонные...»

(Евгений Замятин. Новая русская проза. «Русское искусство». 1923, № 1.)

Авторитет Тынянова, а в особенности только что открытого мною Замятина был для меня тогда непреерекаем. Тем не менее, всем этим критическим откликам я, с грехом пополам, быть может, еще и мог бы что-нибудь противопоставить. Но совсем dokonала меня тогда же попавшаяся мне на глаза эпиграмма Эмиля Кроткого:

*Íí, ááíííí ìííéááíí áé áááí úó,
Í ááí áíéé í á í òíó ñòéé -
Áíéúòáð - äéý äéóí úó, Óðáí ñ -
äéý áááí úó
È Ýðáí áóðá - äéý ííò äéíí úó*

Смех, как известно, убивает. Признать себя одним из «глупых» или «бедных» мне, понятно, не хотелось. Оставалось причислить себя к «остальным», для которых Эренбург был не Вольтером и не Франсом, а ВСЕГО ЛИШЬ Эренбургом.

А совсем недавно, листая только что вышедшую в свет книгу «Писатели России. Автобиографии современников», я наткнулся на автобиографию доброго своего приятеля, замечательного эссеиста и блистательного поэта-переводчика Андрея Сергеева, и вот что я там прочел.

«Восьми лет меня потрясло “Облако в штанах”, чуть позже – полный Гоголь. Ярче, чем Гоголь и Маяковский по-русски, казалось, и писать невозможно.

Грязноватость, серость, бесформенность окружающей действительности преследовала и мучила меня изо дня в день. Случайно попавшийся “Хулио Хуренито” сообщил, что в мире существует совсем другая жизнь – с яркими красками, выразительными формами, большими поступками. Гоголь, Маяковский, “Хулио Хуренито” были тотальным противоядием против советской литературы».

Вот молодец! – с восхищением и некоторой даже завистью подумал я. – Не побоялся поставить «Хуренито» рядом с Маяковским и Гоголем! Я бы, наверно, так не смог. Подумал, что при встрече непременно надо будет поговорить с Андреем на эту тему. Встречались мы не часто (больше – по телефону), а тут как раз договорились встретиться, даже назначили день. Но накануне этого самого дня Андрей погиб под налетевшей на него машиной. Так и не поговорили.

Я, впрочем, очень хорошо представляю себе, каким был бы этот разговор: ведь мы до того часто и много беседовали на литературные темы, и вкусы Андрея я знал хорошо. Не могу сказать, чтобы они так уж совпадали с моими. Он был страстным поклонником Бродского. Я – нет. Он с презрением отзывался о главном романе высоко ценимого мною Василия Семеновича Гроссмана. Да что там Гроссман! О самом Толстом, о Льве Николаевиче, о «Войне и мире» и «Анне Карениной» он говорил, вздыхая:

– Не для меня писано!

Да, мы редко с ним сходились в оценках любимых писателей и книг. А вот по поводу «Хуренито», оказывается, сошлись. Совпали. Совпадение это искренне меня обрадовало. Хотя, если бы несостоявшаяся наша встреча состоялась и разговор на эту тему у нас возник, – и тут, наверно, не избежать было бы нам большого спора. Ведь судя по приведенному мною отрывку из его автобиографической заметки, «Хуренито» восхитил Андрея в юности (как и Маяковский с Гоголем) «яркими красками, выразительными формами». То есть – эстетически.

Меня этот эренбургский роман ошеломил другим.

Яркие краски и выразительные формы тоже, конечно, сыграли свою роль. Но об этом я тогда не думал. Основное чувство, испытываемое мною, когда я читал «Хулио Хуренито», было чувство освобождения. Освобождения от всех табу, всех догм, всех запретов. Как передать это упоительное ощущение свободы! Ощущение было такое, словно меня долго держали на привязи, водили на коротком поводке и вдруг – расстегнули ошейник и пустили на волю.

Нечто подобное я испытал в шестнадцать лет, читая статьи Писарева о Пушкине. Самое интересное, пожалуй, тут было то, что на моем отношении к Пушкину это никак не отразилось. Ни единой, даже самой микроскопической царапинки не оставил Писарев на бронзе пушкинского памятника. Бронза эта ничуть не потускнела. Не могу сказать, что, читая эти статьи, я соглашался с критиком. Но и желания спорить с ним, защитить Пушкина от его наскоков тоже не возникало. Совершенно неинтересно мне было, есть ли в этих его нападках хоть крупинка истины. Наслаждение я получал не от мыслей Писарева, которыми можно было восторгаться или возмущаться, а от той свободы, с какой он глядел на Пушкина – не снизу вверх, как подобает взирать на памятник, а словно бы даже сверху вниз, то зло вышучивая его, то снисходительно похлопывая по плечу. (Тут надо еще принять во внимание то обстоятельство, что Пушкин, как у нас тогда говорили, с 1937 года стал членом Политбюро.)

Вот что-то в этом роде – только стократ сильнее – я испытал, читая эренбургского «Хуренито». Стократ сильнее прежде всего хотя бы потому, что тут восхитительное, пьянящее чувство свободы, испытываемое мною, дала мне книга, написанная не когда-то там, в XIX веке, а в наше, советское время, уже после революции. И написана она была живым, действующим писателем, моим современником. Это была, быть может, единственная советская книга, в которой начисто отсутствовал тот «особый запах тюремных библиотек, который исходил от советской словесности». (Выражение В. Набокова.)

Этот запах тюремных библиотек, исходящий от всей тогдашней печатной продукции, был неистребим. Им были отравлены даже талантливые и честные книги, чудом прорывавшиеся сквозь все мыслимые и немыслимые цензурные и редакторские заслоны. Их было не так уж мало, этих честных и талантливых книг. Но, проникая в печать, они словно бы вываривались в общем котле советской пропаганды и тоже приобретали этот неуловимый запах, отличавший их от подлинно свободных сочинений, как отличается белье, полученное из прачечной, от выстиранного в речной воде и высушенного солнцем и ветром на вольном воздухе.

Не могу сказать, чтобы это чувство свободы раньше, до прочтения эренбургского «Хуренито», мне было знакомо только по Писареву. «Глотком свободы» могла оказаться одна какая-нибудь фраза – вот, например, попавшаяся мне на глаза в одном из ранних изданий «Золотого теленка» и навсегда оставшаяся в памяти реплика, разумеется, вымаранная из всех последующих изданий: «Ну и наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс!» Или несколько строк из первого издания «Повести о рыжем Мотеле» Иосифа Уткина (тоже, конечно, отсутствующих в последующих изданиях этой поэмы):

*Á î:áááè
Épæ
Áóàpò,
Áóàpò è æì óò:
- Í î:áì ó
Í á ááàpò
Nááà
óó?
Náááóó í î:áì ó í á ááàpò?*

*Áèæì í,
Áúáàòú
Éáí ú áì ó
Òðááí í çáí ýò úúý ÷ áí?*

*Òàéçp áú æèçí ú- Éáí èí ó
Óíðíçp,
Éàé ó í áí?*

Реплики, фразы, стихотворные строки, подобные этим, восхищали меня совсем не потому, что отвечали тогдашним моим политическим взглядам или настроениям. Ничего похожего!

К «этим бандитам» Марксу и Энгельсу я тогда относился в высшей степени почтительно. Да и к Ленину тоже.

Один мой сверстник (Гена Файбусович – в литературе Борис Хазанов), рассказывая о пережитом им в 15 лет кризисе веры, вспоминал:

«Каждый день я открывал что-нибудь новое; каждый день падал какой-нибудь очередной глиняный идол. Так повалились одна за другой “первая в мире страна”, “власть трудящихся”, “дружба народов”, “закон, по которому мы все равны”, рухнул, разбившись вдребезги, и сам великий вождь и учитель. И только Ленин оставался незыблемым, словно был сделан не из глины, а из алебаstra. Ему предстояла другая судьба: он разрушался постепенно... Я рассуждал о том, что если бы Ленин был жив, то был бы наверняка объявлен врагом народа и расстрелян, вроде того, как у Достоевского Великий инквизитор обирается сжечь Христа, действуя от его имени».

Нечто подобное пережил и я тоже. Не поручусь, конечно, что в то время, о котором я рассказываю (мне было тогда уже за двадцать), Ленин продолжал казаться мне «сделанным из алебаstra». Но многие иллюзии насчет него у меня еще сохранялись. И строки Уткина («Такую бы жизнь Ленину хорошую, как у нас...») пленили меня совсем не «антиленинской» своей направленностью (которой в них, кстати сказать, и не было). Пленили тем, что это был глоток того самого «ворованного воздуха», о котором говорил Мандельштам. Именно тем, что этот воздух был ворованным.

Годы спустя, уже в новую, другую эпоху у поэта Михаила Львовского выплеснулось из души такое коротенькое стихотворение:

*Nài íáí - óíèúèíð ì èðò í íá.
Çáí ðáò è, èçáàé óéàç
Í í áíò í ðæ áíò áíò ì í íá
Nài íááýò áéúú íò úí áíí
Óýí àò è áéáá - í óò í é, ðæ ááí é,
Í ò èáçáí í íá áéí á
Nèí áí í è í áí í á Í èóáæ ááú,
Óí ò ú è á ðí è áý í í á
Í á ó è ú ú ò ðí á á í ú á ÷ ó á ò á á
× á ò í ì í ðé á é ú ì í, í í çé ú.
Nài í á í ú è è, è è ò ð è í è ú ò á á
Í ò í á ò è è ç í í á í í è ú!*

В 70-е, когда были написаны эти стихи, уже торжествовала «самодеятельность масс»: самогон свободного, неподцензурного слова (Окуджава, Высоцкий, Галич) хоть и доставался нам все еще из-под полы, но уже можно было получить не короткий обжигающий глоток, а целый литр этого запретного зелья. Однако и литр – это всего только литр. А «Хулио Хуренито» был для меня – как целая цистерна, до краев наполненная этим чистейшим, неразбавленным, крепчайшим самогоном. Пей – не хочу!

Если от одной строчки Уткина, в которой имя Ленина поминалось без должного пиетета, у меня кружилась голова – вообразите, какую магнитную бурю произвело в этой моей бедной голове откровенно издевательское эренбургское изображение Ленина.

Ошеломляло уже само название главы, в которой описывалась встреча Хулио Хуренито с Лениным: «Великий Инквизитор без легенды».

Великим Инквизителем в тогдашнем моем понимании был не Ленин, а Сталин. Ленина же я (точь-в-точь, как мой сверстник Гена Файбусович) представлял себе скорее Христом, которого, не умри он так рано, Великий Инквизитор превратил бы в лагерную пыль. Но главным было не это. Главным был тон. Если бы тон этого описания был злобным по отношению к Ленину, это вряд ли меня бы особенно поразило. Я ведь знал, что у Ленина тьма тьмущая искренне ненавидящих его врагов. Одним врагом меньше, одним больше! Но то-то и дело, что тон эренбургского описания фигуры вождя мирового пролетариата вовсе не был враждебным. Напротив, он был вполне дружелюбным,

этот тон. Но при этом... Впрочем, судите сами:

«Когда мы уже шли по пустынному завьюженному Кремлю к “капитану”, я почувствовал, что боюсь. Не то, чтоб я верил очаровательным легендам досужих жен бывших товарищей прокуроров, кои изображали большевистских главарей чем-то средним между Джеком-Потрошителем и апокалиптической саранчой. Нет, я просто боялся людей, которые что-то могут сделать не только с собой, но и с другими. Этот страх я испытывал всегда, даже мальчиком, тщательно обходя добряка-городового, дремавшего в башне на углу Пречистенки. В последние же годы, увидав ряд своих приятелей, собутыльников, однокашников – в роли министров, комиссаров и прочих “могущих”, я понял, что страх мой вызывается не лицами, но чем-то посторонним, точнее: шапкой Мономаха, портфелем, крохотным мандатиком. Кто знает, что он, собственно, захочет, но во всяком случае (это уж безусловно), захотев – сможет. Словом, я заявил Учителю, что к важному коммунисту не пойду, потому что сильно боюсь его, а лучше похожу у ворот, подожду, он же мне после все расскажет. Это уже было в подъезде, и Учитель вместо ответа отечески вскинул меня на лестницу.

Войдя в кабинет, я только успел заметить чьи-то глаза, насмешливые и умные, понял, что надо бежать, но вместо этого кинулся за стоявшую в углу тумбу с бюстом Энгельса и, ею прикрытый, сидя на корточках, зяб и томился: “Сейчас меня найдут. Какой позор!..” Я не боялся ни пушек, ни пулеметов, ни Шмидта, ни сородичей Айши и вдруг испугался добродушного дяди, который пять лет тому назад был в Париже моим соседом и пил “боки” в излюбленном мною кафе... И все же я не мог преодолеть страха. Все время, пока они беседовали, я просидел в углу, раз от попавшей в нос пылинки чихнув и вызвав недоуменный взгляд “самого” и пренебрежительное: “Это со мной товарищ один, не обращайтесь внимания” – Учителя...»

Эта комическая мизансцена сразу окрашивает в юмористические тона весь ход беседы Великого Провокатора с Главным Коммунистом. Но даже и не будь этой предваряющей беседу комической мизансцены, великий вождь мирового пролетариата в ходе этой беседы все равно предстал бы перед нами фигурой вполне комической. Но в то же время и страшной.

«– Что вы думаете, – начал Хуренито, – о бездеятельности, разгильдяйстве и дикой расточительности сил, царящих в Советской республике? У вас на очереди посевная кампания, Донбасс, продажит, наконец электрификация. А на что идут силы? Поэты пишут стихи о мюридах и о черепахах Эпира, художники рисуют бороды и полоскательницы, филологи ковыряют свои корни, математики от них в этом не отстают. В театре – мистерии Клоделя. Почему не закрыты все театры, не упразднены поэзия, философия и прочее лодырничество?..

– Обо всем этом, – ответил миролюбиво коммунист, – поговорите лучше с Анатолием Васильевичем. Искусство – его слабость, я же в нем ничего не смыслю и перечисленными вами ремеслами совершенно не интересуюсь. Мне кажется гораздо более занимательным писать декреты о национализации мелкого скота, пробуждающие от сна миллионы, нежели читать стихи Пушкина, от которых я сам честно засыпаю. Я с детских лет ничего не читал и не читаю, кроме работ по моей специальности. Я не гляжу на картины, мне интереснее смотреть на диаграммы. Я никогда не хожу в театр, вот только в прошлом году пришлось “по долгу службы” с “гостями республики”, и это было еще снотворнее гимназического Пушкина. Чтобы перейти к коммунизму, нужно сосредоточить все силы, все помыслы, всю волю, всю жизнь на одном – на экономике. Засеянная десятина, построенный паровоз, партия мануфактуры – вот путь к нему, а следовательно, и цель нашей жизни...»

Выслушав это искреннее, чистосердечное признание, Великий Провокатор делает свой следующий провокаторский ход:

«– Позвольте теперь задать вам второй вопрос. Как можете вы терпеть левых эсеров, выступающих на митингах, идеалистов, продолжающих, пусть тихо, в семейном кругу поносить исторический материализм, наконец просто миллионы людей, которые до сих пор верят не в торжество коммунизма, а хотя бы в целительные способности святителя Пантелеймона?

– Это опять не по моей части. За разъяснениями обратитесь к товарищу... (от острого приступа страха я прослушал имя). Мне кажется, что людей безвредных, даже если они заблуждаются, обижать не следует. Конечно, правы мы. Конечно, они ошибаются, одни из них глупцы, другие предатели. Первых мы просветим, научим, вторых – устраним...

– Сегодня в “Известиях” опубликован список расстрелянных...

Коммунист прервал Учителя возгласом:

– Это ужасно! Но что делать! Приходится!

Я не видал его лица, но по голосу понял, что он действительно удручен казнями, что слова его не дипломатическая отговорка, а искренняя жалость человека, вероятно, очень добродушного, никогда никого не обижавшего.

Он продолжал:

– Мы ведем человечество к лучшему будущему. Одни, которым это невыгодно, всячески мешают нам. Прячась за кусты, они стреляют в нас, взрывают дорогу, отодвигают желанный привал. Мы должны их устранять, убивая одного для спасения тысячи. Другие упираются, не понимая, что их же счастье впереди, боясь тяжелого перехода, цепляются за жалкую тень вчерашнего шалаша. Мы гоним их вперед, гоним в рай железными бичами. Дезертира-красноармейца надо расстрелять для того, чтобы дети его, расстрелянного, познали бы всю сладость грядущей коммуны!..

Он вскочил, забегал по кабинету, заговорил уже без усмешки, быстро, отчаянно выкашливая слова:

– Зачем вы мне об этом говорите? Я сам знаю! Думаете – легко? Вам легко – глядеть! Им легко – повиноваться! Здесь – тяжесть, здесь – мука! Конечно, исторический процесс, неизбежность и прочее. Но кто-нибудь должен был познать, начать, встать во главе... Я под образами валяться не буду, замаливать грехи, руки отмывать не стану. Просто говорю – тяжело. Но так надо, слышите, иначе нельзя!..

Высунувшись, я увидел, как Учитель подбежал к нему и поцеловал его высокий, крутой лоб. Очумев от неожиданности и ужаса, я бросился бежать. Опомился я только у кремлевских ворот, где часовой остановил меня и Хуренито, требуя пропуска».

Если раньше нам могло показаться, что страх, который обуял «Эренбурга» (не автора, а одного из персонажей эренбургского романа) и заставил его спрятаться за тумбу с бюстом Энгельса, был ни на чем не основан, то теперь, после этого заключительного монолога Главного Коммуниста, мы убедились, что боялся он его не зря. И то обстоятельство, что «Великим Инквизитором» оказался тот самый добродушный дядя, неподалеку от которого он, бывало, сживал в парижском кафе, и то, что, судя по всему, он и в самом деле был искренне удручен той палаческой ролью, которую пришлось взять на себя ему, добродушнейшему и никогда никого не обижавшему человеку, – все это не имеет решительно никакого значения. Страх, который сразу внушил ему этот мягкий, никогда никого не обижавший человек, как выяснилось, был обоснован. И не зря в конце эпизода дрожащего от страха «Эренбурга» охватывает уже не этот комический, казалось бы, ни на чем не основанный страх, а самый что ни на есть настоящий, совсем не комический ужас.

Ну а что касается поцелуя, который Хуренито запечатлел на высоком, крутом лбу кремлевского мечтателя и который мог быть воспринят как знак если не одобрения, то по крайней мере сочувствия его человеческой драме, то и он, этот поцелуй, в финале главы о Великом Инквизиторе вне легенды получает совсем иное, вполне ироническое истолкование:

«– Учитель, зачем вы его поцеловали? От благоговения или из жалости?»

– Нет. Я всегда уважаю традиции страны. Коммунисты тоже, как я заметил, весьма традиционны в своих обычаях. Выслушав его, я вспомнил однородные прецеденты в сочинениях вашего Достоевского и, соблюдая этикет, отдал за многих и многих этот обрядный поцелуй».

Стараясь восстановить тогдашнее свое впечатление от эренбургского «Хулио Хуренито», я пересказал (обильно цитируя) далеко не самую яркую его главу. Вряд ли надо объяснять, почему я выбрал именно ее. Но с тем же успехом мог бы с этой целью выбрать любую другую. Велик был соблазн даже пройтись – бегло, конечно, – по всему роману. Но этого я, разумеется, делать не буду. Прочитую еще только одну – совсем короткую – реплику Хулио Хуренито, подытожившую его впечатления о Советской России.

«– Один поэт написал книгу “Лошадь, как лошадь”. Если продолжать – можно сделать “Государство, как государство”... Французы написали на стенах тюрем: “Свобода – Равенство – Братство”. Здесь на десятитысячных ассигнациях, которыми набивают себе карманы спекулянты и подрядчики, революционный клич: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Я не могу глядеть на этот нелетающий аэроплан! Скучно!»

Афористическая меткость иронического сравнения итогов Октября с итогами великой революции французов меня восхитила. Но я тут же перевернул этот афоризм. Даже запомнил и цитировал, делаясь своим восхищением с друзьями, вот в таком, перевернутом виде:

– Французы написали на деньгах «Свобода – Равенство – Братство», а наши на тюрьмах – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Такой вариант представлялся мне настолько более точным, что я даже считал, что Эренбург просто-напросто оговорился: ведь буржуазная революция французов не только сохранила, но даже утвердила власть денег, и именно на деньгах написанные слова о равенстве и братстве гляделись откровенной издевкой над теми, кто таскал из огня каштаны для торжествующих буржуев. А наша, «пролетарская» революция свой пролетарский лозунг начертала совсем не на деньгах. Деньги в молодой

советской республике как раз потеряли свою власть – торжествовали закрытые распределители и лозунг: «Пиво отпускается только членам профсоюза». Зато тюрьмы...

Не может быть, чтобы Эренбург не понимал, что именно на тюрьмах победители-большевики написали «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да, конечно же, он это понимал. В этом я убедился, прочитав (тогда же и там же, в «спецхране») короткий его рассказ «Любопытное происшествие». На рассказ этот я наткнулся случайно. Хотя... Нет, все-таки не случайно. На этот эренбургский рассказ меня навел не кто-нибудь, а сам Сталин.

Классический, как тогда говорилось, труд товарища Сталина «Об основах ленинизма», штудировать который вменялось в обязанность всему населению страны от академика до дворника, завершился критикой распространенной в партийной среде болезни «революционного сочинительства», «революционного планотворчества». И рассуждение вождя на эту тему включало в себя такой пассаж:

«Один из русских писателей, Илья Эренбург, изобразил в рассказе “Ускомчел”

(Усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью “большевика”, который задался целью набросать схему идеально усовершенствованного человека и... “утоп” в этой “работе”. В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно схватывает болезнь – это несомненно».

Прочитав это, я был приятно удивлен тем, что Сталин уже тогда («классический труд» был написан в 1924 году) читал и заметил Эренбурга. В моих глазах это говорило не столько в пользу Эренбурга, сколько в пользу Сталина, который, как оказалось, был человеком читающим, успевающим при всей своей занятости следить за новинками художественной литературы. Говорили, правда, что этот классический сталинский труд то ли написал, то ли помогал Сталину писать Бухарин. В этом случае ссылка на Эренбурга была неудивительна: Бухарин был товарищем Эренбурга по гимназии и интерес его к писаниям одноклассника был более понятен.

Как бы то ни было, тот факт, что сам Сталин в положительном смысле сослался на какой-то эренбургский рассказ, для меня как для автора книги, которую я собирался писать, был большим козырем. И рассказ этот мне, конечно, необходимо было прочесть. Отыскался он в маленькой книжечке Эренбурга «Неправдоподобные истории», вышедшей в Берлине в 1921 году. Было в ней всего-навсего семь сравнительно коротких рассказов. Отмеченный Сталиным «Ускомчел» стоял в сборнике последним, и он, по правде сказать, большого впечатления на меня не произвел. А предпоследним был вот этот самый – «Любопытное происшествие». С подзаголовком в скобочках: «Рассказ обывателя».

Любопытное происшествие (оно же – неправдоподобная история), ставшее сюжетом этого небольшого рассказа, случилось в провинциальном городе, названия которого автор нам не сообщает. Город, судя по описанию его быта и нравов, был захолустный, но не такой уж маленький – мимоходом автор упоминает, что губернский. А началось это любопытное происшествие с того, что в одночасье «среди бела дня пропал председатель исполкома, товарищ Терехин, или еще “товарищ Валентин”, как называли его по старой памяти местные коммунисты, а иногда для форса и “сочи”, то есть – сочувствующие».

«Имя звучное, романтическое, – опять же мимоходом роняет по этому поводу автор, – но лишь для высоких политических сфер, ибо зовут на самом деле Терехина Иваном Ильичем».

Был этот Иван Ильич, – сообщается нам далее, – «человеком мечтательным, и не займись он еще в гимназические годы политикой, вышел бы из него уездный статистик, который посреди села, глядя на чушку и слюнтя-мальчишку, стравливающего сучек, прозревает душу природы и, приехав домой, читает на сон страничку о пантеизме Спинозы и в своей кухарке Луше чует Дульцинею плюс Вечная Женственность Соловьева».

Но вышло так, что судьба Ивана Ильича сложилась иначе.

«... В пятом классе прочел Терехин брошюрку “Пауки и мухи”, возмущился нехорошим устройством мира и отважно решил все переделать заново. Сначала таскал “литературу”, потом был произведен в пропагандисты и восьми рабочим с кирпичного завода “Глашки”, прерывавшим его нудными вопросами: “Вот как насчет землицы?”, читал об историческом материализме, особенно цитируя “Анти-Дюринга”. Вскоре он попал в тюрьму и потом уж из семи лет до революции четыре с половиной года провел за решеткой. В тюрьмах он читал умные книжки, делал конспекты и до одурения спорил с меньшевиками, защищая “отрезки” против муниципализации».

Надо сказать, что революционное прошлое «товарища Валентина» (и в процитированном отрывке, и далее) описано автором с большим знанием дела. Ничего удивительного в этом нет. Автор ведь и сам в гимназические годы увлекся политикой и тоже, наверно, сперва таскал «литературу», а потом был произведен в пропагандисты. Тоже, небось, читал брошюру Вильгельма Либкнехта «Пауки и мухи» и цитировал «Анти-Дюринга». И тоже – почти совсем мальчишкой – сидел в одиночной камере Бутырской тюрьмы, о чем потом вспоминал в таких трогательных стихах:

*Èàè ñòò-íí àíàèíí-èà
àà-àð àèèííúé,
À éíèè íàò.
Íí ýì ùè-èíà,
È ì íáññí íàòòàòúéàò.*

*B, «I àdñeùáç» í ài ààÿ,
 Èíæóñíèèòì è ñòáà
 Í í íòààèáí úé àé òðàì ààÿ
 Í ài ñi èíàò í íá
 ×òí àñòùí ñòíæáí èà, è á í àðàùéá
 Í àø àñi,
 È èíòáñi íèíèì, è áóééé,
 È í ài à çà ñòíèíi.
 Òàì í í á í àðàùíæ è á àñòèíé,
 Àòíÿø à í í áàò í áàá..
 Èàé í èàèàòù òí-àòíÿ. Í í ÿ
 í óæ-èí à
 È ì í á ñàì í áàòàòù èàò...*

О своем полудетском революционном прошлом Эренбург не только в этом стихотворении 12-го года, но и в более поздние времена вспоминал с умилением.

«Я хорошо помню светловолосую девушку с крутым лбом. Ее звали Егоровой. Она ввела меня в большевистскую организацию. Сначала я таскал “литературу”. Потом стал “организатором”. Я работал в Замоскворецком районе. Мы проводили забастовку на фабрике Сладкова; я собирал среди студентов деньги и выступал на рабочих собраниях. Я скрывал от товарищей, что мне шестнадцать лет...

Я помню Макара, Варю, Тимофея, Егора-моргуна. Однажды на собрание пришел человек с усталыми ласковыми глазами. Его звали Иннокентием; он был членом Цека. Он внимательно разговаривал с каждым из нас. Одному товарищу он сказал: “Вы плохо выглядите, надо отдохнуть”... Это было для меня коротким прозрением: на одну минуту я увидел то, что сейчас стало азбукой жизни.

Я подружился со столяром-краснодеревцем Василием Ивановичем Чадушкиным, с механиком Тимофеем Ивановичем Ильюшиным. У них я учился веселью. Они жили плохо, работали тяжело, и все же они шутили. Революция для меня была освобождением от условностей, от лжи, от смерти. Для них революция была кровным делом, работой, радостью. Я еще помнил о сухой морали Базарова; а им уже снились сады советской Москвы».

Так видел он свое революционное прошлое из 1936 года, когда писал «Книгу для взрослых», откуда я взял этот отрывок. Но революционное прошлое «товарища Валентина» он описал без всякой лирики, с жесткой, я бы даже сказал, издевательской иронией.

«Ютился он на ночевках, а обедал, и то в самых дрянных харчевнях, лишь когда ему об этом напоминали: “Да, да, конечно, вы правы, питаться совершенно необходимо”. Женщин совсем не знал, хотел как-то сойтись с какой-нибудь для идейной близости и совместной борьбы рука об руку, но запомнил или времени не хватило.

Когда началась революция, сидел он далеко в Сибири...

В октябрьские дни, во время короткой перестрелки с кучкой офицеров, Терехин был серьезно ранен и полгода провалялся в госпитале. Потом поехал в Москву, писал до потери последних сил резолюции с пунктами, но был комитетом партии мобилизован для “работы на местах” и этой зимой вернулся к нам уже в качестве председателя исполкома».

И вот, находясь уже в этой высокой должности председателя исполкома, в один прекрасный день он вдруг пропал. Исчез, словно растворился в воздухе. Происшествие было из ряда вон выходящее, и вызвало оно, естественно, среди всего городского начальства большой переполох. Были подняты на ноги все «Чеки», сколько их там было в этом губернском городе. Ведь это только невежественные простофили думают, что Чека – одна. А на самом деле: «Чеки много, и вся она разная. Есть у нас представители Вечека, есть Губчека, есть Ортчека, есть Уточека (ее любители буколики “уточкой” обозвали), есть и совсем особая, “ОО”, такая страшная, что даже наш заведующий секцией, на что важный, и в комячейке состоит, лошадьми пользуется, и тот, когда заговоришь с ним об “ОО” этой, ерзать начинает».

Вот все эти разнообразные «Чеки» и забегали, засуетились, стали предпринимать в поисках пропавшего председателя исполкома самые чрезвычайные меры. Первым делом, конечно, распорядились арестовать заложников из среды буржуазии, духовенства и левых эсеров. К слову сказать, эта мера, как тут же выяснилось, была совсем не чрезвычайной, а самой что ни на есть будничной, для городских обывателей давно уже привычной.

«Взяли помощника присяжного поверенного Тугенштейна, из коюста, по привычке – его всегда брали, обходилось дело тихо, почти любовно, и Тугенштейн на ночной звонок (даже телеграфистами не приходилось прикидываться) выходил сразу одетый, с подушкой под мышкой».

Не могу удержаться, чтобы не отметить тут, что в 1921 году, то есть за семь лет до «Двенадцати стульев», этим своим помощником присяжного поверенного Тугенштейном, привычно выходящим навстречу чекистам с подушкой под мышкой, Эренбург предвосхитил ильфипетровского Кислярского с его знаменитой допровской корзинкой. Да и в некоторых других заложниках, взятых по случаю загадочного исчезновения «товарища Валентина», тоже смутно угадываются прообразы персонажей Ильфа и Петрова, вовлеченных Остапом Бендером в наскоро создаваемый им мифический «Союз меча и орала».

«Взяли еще лавочника Митрофана Саввича Романова, торговавшего прежде москательным товаром, а теперь “кустарными изделиями”, то есть половыми щетками, бисером и кислой капустой. Романова губила его явно неудобная фамилия, просил он разрешения именоваться впредь Краснолобовым, но ему было отказано, ввиду паразитического происхождения. Эти два были от буржуазии. От духовенства взяли одного протодьякона, да и тот идти не хотел, жаловался на паралич, валялся в ногах и цеплялся за дьячиху, завывавшую: “прощай, Иона, супруг мой любезный!” Труднее всего было с эсерами – хоть город у нас порядочный, губернский, но эсеров в нем не осталось совсем, вывели давно. Весной семнадцатого на каждой тумбе эсер торчал, а теперь, как ни ищи, все равно не выкопать. Одних пристрелили при мятежах различных, другие сбежали, третьи коммунистами заделались. Имелся, правда, бывший студентик Пиликин, летом семнадцатого года устраивавший в училище живые картины с сопроводительными речами приезжего эсера. Его можно прихватить, да на беду он этой зимой сидел уже два раза как правый эсер, а теперь предписано ущемить левых».

Но это все – предыстория. Сама же история – впереди.

Заложников взяли. Но делу это, конечно, ничуть не помогло. Исчезнувший председатель исполкома – как сквозь землю провалился. А случилось с ним вот что. В тот памятный для жителей города день, когда стало известно о его исчезновении, проходил он мимо тюрьмы и вдруг остановился, охваченный ностальгическими воспоминаниями: здесь, в этом сыром, стареньком остроге, прошли его юношеские годы. Взглянув на часы и убедившись, что до начала трудового дня еще довольно много времени, он решительно постучался в тюремные ворота. Сделав вид, что явился по долгу службы обследовать, как содержатся заключенные, он прошелся по всем тюремным камерам. Сперва заглянул в камеру уголовников, где взору его представилась хорошо ему знакомая, хотя и порядком уже подзабытая картина:

«Посреди сидел рыжий детина, в одних портках, медленно, деловито похрустывая вошками, густо изукрашенными нежным серебристым бисером его волосатую грудь. Позади двое, очень юрких, скорей всего форточники, содружно плевались, истошно напевая: “Мы из Вязьмы два громилы и в тюрьме недавно были...” Еще ругался кто-то так, как ругаться могут только люди свободные, то есть громоздя на бабу прабабу. Хоть картина эта Терехину, прошедшему через Бутырки, Лукьяновку, Самарскую и многие иные места, была знакома, он удивился, ибо давно уже о тюрьмах думал не по воспоминаниям, а по статье в “Вестнике Наркомюста”, очень хорошей статье, с мастерскими игрушек, концертами и даже древонасаждением.

– Вы, товарищи, довольны ли Советской властью? – спросил от растерянности Терехин, сам понимая, что глупый вопрос, никчемный, лучше бы записать злоупотребления и в Рабкрин сегодня послать... Прямого ответа не последовало, только детина, не выпуская из-под пальца очередной жертвы, громко, раздельно сказал:

– Власть!

Но в укор ли, в хвалу ли, или просто, чтоб сказать слово, так никто и не понял. Зато форточник, прошмыгнув вперед, пропел тоненько:

– Товарищ, разрешите папиросочку попросить, – и, сжимая добычу: – “Ява”-с. Первый деликатес!

От всех этих впечатлений у Терехина на душе стало муторно. Он постучал в дверь, оказавшуюся почему-то запертой, объявил, что инспекторский осмотр тюрьмы окончил, и вежливо попросил, чтобы его отсюда выпустили. Но в ответ услышал:

– Ты что, сукин внук, буйствовать?.. “Кончил!” Вот я те кончу, живо харю разужору.

Оказалось, что старший сторож Емельич, хорошо знавший Терехина еще по старым, дореволюционным его отсидкам, куда-то смылся. А заменявший его младший сторож знать не знал и ведать не ведал ни о каком инспекторском осмотре.

“Ужасно обидно, весь день пропадет, в два исполком”, – подумал Терехин. Ну да к вечеру этот Емельич вернется на смену, или в городе хватятся. Пока что надо ждать. И поглядывая на мокрый коридорчик, где и присесть негде было, Терехин, скорей по привычке, поплелся в политическую, вошел, не здороваясь ни с кем, и мрачно сел на краешек нар».

В камере политических его, естественно, приняли за новенького. И стали знакомиться, объясняя, кто и за что тут сидит. Один, оказывается, отказался встать в общественном саду при исполнении «Интернационала» («Статья 129-я» – автоматически мысленно отметил Терехин.) Другой нелицеприятно высказался вслух о Ленине. (И снова в голове у Терехина промелькнуло: «Оскорбление величества... статья 103-я...»)

И потянулись мысли по этой дорожке – у писаря веснушчатого нашли прокламацию «возрожденцев» каких-то, за хранение, значит, статья легкая, 132-я... Так вошел Терехин в этот быт привычный, что даже задумался – по какой же он сам статье сидит? Но от этих вздорных раздумий был отвлечен ласковым возгласом:

– Товарищ Валентин, вы-то какими судьбами? Неужто раскрамольничались?

Рядом стоял давнишний приятель,

спорщик неумный товарищ Игорь (или Исаак Львович Зильберман), закоренелый меньшевик, сживавший не раз вместе с Терехиным. Нескромно обрадовался Терехин, но и смутился, сам не зная почему, очень хотелось ему ответить, что он тоже плотно засел, по солидной статье, 102-й, что ли, но соврать не мог и виновато пробормотал:

– Я по недосмотру.

Сразу стали поминать старое – годы «объединенной», как на предсъездовских дискуссиях грызлись дружески (Терехин с Урала большущий мандат раздобыл, а Зильберман промышлял все больше печатниками), как бегали по проходным дворам, устраивали в чайных «явки», глотали папиросные бумажки с адресами («связи»), как в Лукьяновке их обоих избил до крови надзиратель, а потом швырнул в карцер, где по ночам шныряли жирнущие крысы и залезали в ухо мерзкие мокрицы, как мечтали они оба – скоро, скоро кончится все это, будет по-иному, как, толком не расскажешь, даже понять – не поймешь, но совсем по-иному.

Повспоминав былые годы, товарищ Валентин и товарищ Игорь как-то враз замолчали. Но молчали недолго, а тут же, по старой памяти, вступили в острую политическую дискуссию. В дискуссии этой поминалась «учредилка» и разные ошибочные большевистские декреты. Опытный спорщик Зильберман не забыл даже помянуть пакостника Емельича, который, как ни в чем не бывало, по-прежнему шмыгает по миру со своей огромной парашей. Само собой, все эти его аргументы и доводы сводились к классической формуле: «Мы предупреждали».

Все это, конечно, была обычная меньшевистская чушь, и в теории Терехину ничего не стоило бы, как бывало, в прежние времена «крепкими ядрами диалектики разбить все эффектные пирамиды соглашателей». Но бытие, как известно, определяет сознание, и сознание Терехина, незаметно для него самого, стало арестантским. Политическая дискуссия быстро иссякла. Войдя в привычный родной быт, Иван Ильич стал расспрашивать: как сидится? По каким дням передачи? Дают ли теперь книги из библиотеки, кроме замусоленного «Патерика»?..

«С толком, входя в суть даже детали мельчайшей, отвечал на вопросы Зильберман: все по-прежнему, даже “Патерик” изъять позабыли, ни зверств каких-нибудь романтических, ни древонасаждений, тихо, мирно, тюрьма как тюрьма».

Вечер подошел. Уголовные притащили парашу и чан с кипятком... Попили, залегли, голова к ногам в ряд... Пошло сначала тонкое, редкое посасывание, потом густой, ровный, как бы спевшихся, храп. Только Терехин не спал, и виной сему были не облепившие его вши, не крепкий парашин дух, но совершенно ему несвойственные, неприличные даже мысли. Речи товарища Игоря его не поколебали, что же меньшевику делать, если не причитать “а мы предупреждали”? Нет, не в этом дело, не в программах, не в тактике, не в резолюциях! Терехин тшился разрешить непосильный вопрос, в самую утробу залезть, допытаться, как же это так все устроено, помимо царей, большевиков и меньшевиков, что был Емельич, есть, и, видно, вовеки веков будет... Что это за паскудная болезнь, взрежешь только нарыв на голове, выскочит где-нибудь пониже».

Так и не сумев найти ответ на эти проклятые вопросы, товарищ Валентин вдруг испытал острую зависть к товарищу Игорю, подумав, что при таком положении дел лучше (честнее, да и душевно комфортнее) сидеть в тюрьме, чем быть жандармом или – еще того хуже – начальником над жандармами.

В общем, наутро, когда пропавший Емельич наконец объявился и досадное недоразумение должно было разрешиться самым благополучнейшим образом (никто даже ничего и не узнал об этом глупом его приключении), Терехин твердо объявил трясущемуся от страха старшему сторожу, что на волю не пойдет, а останется здесь, в этой вот самой камере.

И оставался там, пока не явились товарищи из «ОО» (Особый Отдел, надо полагать), не взяли его крепко под руки, не усадили в крытый автомобиль и не увезли, объяснив любопытным, что товарищ Валентин переутомился от работы последних месяцев: четыре кампании, а тут еще эти выборы на съезд... В общем, надо ему отдохнуть месяцок другой в хорошем санатории.

«Недели две только и было разговоров в городе, в учреждениях, в очередях, на всяком крылечке, что о пропаже диковинной... Сколько легенд развели!..»

Терехин, оказывается, хотел себя диктатором объявить и “порядок подлинный” завести. Сбежал он и теперь с повстанцами идет наш город осаждать. Все это, разумеется, чистейший вздор. Сидит Терехин в лечебнице бывшей Фекельштейна, сидит тихонько, бежать никуда не пытается, только каждое утро, проснувшись, высовывается из окошка и кричит на петуший манер: “Ниспровергаю!”»

Такой вот рассказ написал – и опубликовал – писатель Илья Эренбург в 1921 году.

До того как я прочел этот его рассказ (ну и «Хулио Хуренито», конечно), я время от времени задумывался: а почему, собственно, некоторые книги Эренбурга были изъяты из «открытого хранения» и оказались здесь, в спецхране? Про книги других авторов, которые я там читал, у меня таких вопросов не возникало. Как правило, это были книги либо эмигрантов (Цветаева, Ходасевич, Замятин), либо «врагов народа» (Воронский, Радек, Бухарин). Но Эренбург не был ни врагом народа, ни эмигрантом, ни даже отщепенцем (как, например, Булгаков). Он был орденоносцем, лауреатом сталинских премий, депутатом Верховного Совета. Почему же вдруг его книги оказались здесь, в тюрьме, за семью замками?

Поначалу объяснение нашлось тоже совсем простое. Вот, например, «Виза времени». Такая книга была у меня дома: я купил ее в букинистическом. Правда – с выданным предисловием. В спецхране же она была целехонькая. С предисловием, автором которого оказался Ф. Раскольников. Вот этот самый Раскольников и был, наверно, «врагом народа», и именно из-за него эренбургская «Виза времени» попала в спецхран.

Насчет Раскольникова это мое предположение потом подтвердилось. Но оно объясняло далеко не все. Вот, например, к книге Эренбурга «А все-таки она вертится» никаких предисловий не было. Правда, она вышла в издательстве «Геликон», в Берлине. Может быть, в спецхран отправляли все книги, изданные за границей? Да, наверно. Хотя там же, в спецхране, почему-то оказалась и изданная в Москве его книга «Лето 1925 года». В конце концов я перестал ломать себе голову над этими загадками, решив, что спецхрановская наука «имеет много гитик», и таинственные правила, которыми руководствуются спецхранщики, мне все равно не постичь.

Но когда, прочитав «Хулио Хуренито», «Неправдоподобные истории» и некоторые другие книги раннего Эренбурга, я вспомнил эти мои недавние недоумения, они показались мне просто смешными. Тут уж было все ясно. Передо мной был просто другой писатель, совсем не тот, которого я знал раньше. И книгам этого другого, неведомого мне прежде Эренбурга, здесь, в спецхране было самое место. Главное отличие этого – «спецхрановского» – Эренбурга от того, чьи книги можно было получить в залах «открытого хранения», заключалось в том, что этот ранний, молодой Эренбург, оказывается, уже тогда, в 1921 году – ВСЁ ПОНИМАЛ.

А потом что же? Перестал понимать?

Разве так бывает?

Поначалу кажется, будто второстепенный герой Маркус – значительное лицо лишь в глазах маленького Мацерата, ибо он – хозяин жестяных барабанов, без которых малышу жизнь не в жизнь. Но вот выясняется, что тихий еврей влюблен в мать Оскара, причем настолько, что даже окрестился на случай, если она захочет покинуть с ним город перед вторжением немцев. В том, что войска войдут в Вольный город Данциг, Маркус не сомневается. Стоя на коленях, сжимая в руках обе руки матушки Оскара и плача при том, он заклинает: «Поедем с вами в Лондон, фрау Агнес, у меня есть там свои люди, и есть документы, если только пожелаете уехать, а если вы не хотите с Маркусом, потому что его презираете, ну тогда презирайте... И Оскара мы тоже возьмем в Лондон, пусть как принц там живет, как принц!» Агнес не примет предложения не потому, что презирает Маркуса, а из-за того, что душой и телом принадлежит другому. Не мужу, Мацерату, нет, а возлюбленному своему, Яну Бронски. Маркус знает об этой многолетней связи, как знает о ней маленький Оскар. Оба принимают этот союз как данность. Преданная безответная любовь Маркуса к красавице Агнес придает ему нечто от Деточкина Достоевского или от несчастного Желткова из «Гранатового браслета».

Так бы и остался этот невзрачный и грустный, не включенный в любовный треугольник еврей забавной фигурой, если бы не события, которые для него завершились одним ноябрьским днем 1938 года. Но до этого дня ему довелось пережить смерть Агнес. Он идет на кладбище проводить ее в последний путь, но его оттирают от гроба и грубо изгоняют. Оскар, заметивший, как выпроваживали Маркуса, бежит за ним.

«Оскархен! – удивился Маркус. – Скажи на милость, что они хотят от Маркуса? Чего он им такого сделал, почему они так делают?»

Я не знал, что сделал Маркус, я взял его за потную руку, провел его через чугунные распахнутые ворота, и оба мы, хранитель моих барабанов и я, возможно – его барабанщик, натолкнулись на Лео Дурачка, который подобно нам верил в существованиерая».

Поскольку любая деталь у художника значима, обратите внимание на эту троицу за кладбищенскими воротами. В какую компанию включен на равных еврей Сигизмунд Маркус? В компанию городского юродивого и маленького шута – именно так воспринимают Оскара многие. И дурачок Лео, и карлик Оскар – не такие как все, они – изгои. Еврей Маркус – тоже изгой. Но вспомните традицию! Юродивые – своего рода святые, выступающие подчас как пророки: пушкинского Николку из «Бориса Годунова» все помнят. Шуты в средневековье пользовались при дворах привилегией – пусть в закамуфлированной форме, но говорить правду властителю. И в свете традиции образ Маркуса вырастает. Это уже не только маленький, обиженный и униженный человек, достойный жалости. Он предстает в ореоле особой святости. И Грасс недвусмысленно дает понять, кому он отдает предпочтение, на чьей стороне его маленький барабанщик.

Первым в немецкой литературе Грасс рассказал о так называемой «хрустальной ночи». В этот день по всей Германии и в Вольном городе Данциге горели синагоги. Писатель показал реакцию немецких обывателей на происходящее и резко осудил ее. Лавочник Мацерат отправился на трамвае поглазеть на зрелище, прихватив сынишку. «Перед дымящимися развалинами люди в форме и в штатском сносили в кучу священные предметы и диковинные ткани. Потом кучу подожгли, и лавочник, воспользовавшись случаем, отогрел свои пальцы и свои чувства над общедоступным огнем» (курсив мой. – Г.И.) Его сынишка тем временем поспешил к магазину игрушек, ибо судьба любимых бело-красных барабанов внушала ему опасения.

Тут вступают в действие особые художественные законы Грасса, по которым заурядный торговец игрушками превращается в персонаж сказочный, на что прямо указывает характерный зачин: «Давным-давно жил да был продавец игрушек, звали его Сигизмунд Маркус...» Однако законы жанра перестают действовать, когда в сказочный мир вламываются поджигатели в коричневой форме штурмовиков. Сказка избегает детализации, а Грасс приводит впечатляющие, несмотря на их грубый прозаизм, детали: «Обмакнув кисточки в краску, они уже успели готическим шрифтом написать поперек витрины “еврейская свинья”, потом, возможно, недовольные своим почерком, выбили стекло витрины каблуками своих сапог, после чего о прозвище, которым они наградили Маркуса, можно было лишь догадываться. Пренебрегая дверью, они проникли в лавку через разбитую витрину и там на свой лад начали забавляться игрушками. ...Некоторые спустили штаны и навалили коричневые колобашки, в которых можно было увидеть непереваренный горох, на парусники, обезьян, играющих на скрипке, и на барабаны».

Хозяин лавки сумел уклониться от встречи с погромщиками, от их ярости. Он сидел у себя в конторке, недоступный для оскорблений. «Перед ним на письменном столе стоял стакан, который нестерпимая жажда заставила его выпить до дна именно в ту минуту, когда вскрикнувшая всеми осколками витрина его лавки вызвала сухость во рту». Маркус предвидел этот визит, он к нему подготовился.

Если самоубийство счесть за благо в свете еврейского исторического опыта той поры, то законы сказочного жанра сработали до конца: добро, если не победило зло, то не далось ему в руки. Быстрая смерть лучше поругания и длительных мук, а другого выбора у еврея Маркуса не было. Он ускользнул от мучителей в смерть. Естественно напрашивается вопрос: если смерть становится единственным выходом для человека, то какова жизнь? Сказка перерастает в трагедию.

Сказки, где рассказчик выступает как очевидец, заканчиваются одинаково: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало». А наш маленький свидетель, нахлебавшись горечи на чужом

пиру, завершает свою сказку иначе: «Давным-давно жил торговец игрушками по имени Маркус, и он унес с собой все игрушки из этого мира». Со смертью Маркуса мир детства осиротел, опустел.

Покинув разгромленную лавку и мертвого волшебника (в глазах ребенка Маркус был хозяином волшебного царства игрушек), Оскар замечает на соседнем углу женщин из Армии Спасения, распевających псалмы и раздающих прохожим душеспасительные брошюры, взывающие к Вере, Надежде, Любви. После всего, что он увидел в лавке, сцена эта кажется ему нестерпимо фальшивой и лицемерной. Все христианские добродетели просто девальвировались в его глазах. Грасс обвиняет церковь в молчаливом пособничестве злодейству, хотя слова обвинения не произнесены. Он использует другие приемы.

Стремление Грасса к обобщениям и символизации соседствует в книге с трансформацией и переосмыслением привычных образов. История Маркуса становится как бы увертюрой к трагической истории еврейства, к Холокосту. Вроде бы автор не касается этой трагедии. Но он говорит о том, что сказочный Дед Мороз, в которого верил легковерный народ, на поверку оказался газовщиком. Поначалу он не отделяет себя от народа: «Я верил, что это пахнет орехами и миндалем, а на деле пахло газом». Газ, газовые камеры... Аллюзия из недавнего прошлого настолько прозрачна, что в комментариях не нуждается. Обмануться можно единожды. Но если «вера в Деда Мороза оборачивается верой в газовщика», то жить по такой вере преступно. Грасс создает гротескный образ своих соотечественников, избравших ныне, после войны, позицию страуса. Не забывайте, роман создавался в годы, когда о преступлениях нацизма помалкивали, чтобы немцы, не дай Б-г, не впали в депрессию под тяжестью вины. Даже термина «Холокост» в те годы еще не существовало. Грасс первым ударил в жестяной барабан памяти.

Глава с выразительным евангельским названием «Вера, надежда, любовь» начинается сказочным зачином: «Давным-давно жил да был один музыкант по имени Мейн, и он умел дивно играть на трубе». Далее мы узнаем, что в 1936 году Мейн вступил в конные части штурмовиков. Он не щадил сил в «хрустальную ночь», поджигая синагогу и поутру очищая заранее помеченные лавки. Пути Мейна и Маркуса пересеклись, пусть даже музыкант не громил лавку игрушек, но это он изгонял Маркуса с кладбища. Мейн – обобщенный образ рядового нациста, исполнителя. Как же он чувствует себя сегодня, в послевоенной Германии? Автор не уклоняется от ответа. Глава заканчивается недвусмысленно: «Давным-давно жил музыкант по имени Мейн, и если он не умер, то жив и по сей день и опять дивно играет на трубе». Сказочки бывают разные...

Что касается господина Файнгольда, этого полубезумного еврея из Галиции, который появляется в доме Мацератов в Данциге после того, как там побывали солдаты маршала Рокоссовского, то своими жестами и повадками он напоминает Оскару торговца игрушками, Сигизмунда Маркуса. Но живет этот человек совсем в ином мире. В Треблинке, где в газовнях погибла его жена Люба и шестеро детей, которых он то и дело призывает, с которыми беседует, все еще не в силах осознать, что их больше нет, он исполнял работу дезинфектора. «Мариус Файнгольд обрызгивал лизолом дороги в лагере, бараки, душевые, печи крематориев, узлы одежды, ожидающих, которые еще не приняли душ, лежащих, которые уже побывали в душе, все, что выходило из печей, все, что должно было попасть в печь».

Гюнтер Грасс не видел Треблинки. Но возможно, ему был знаком очерк Василия Гроссмана, который одним из первых оказался на месте событий. Очерк был напечатан в конце 1944 года в «Знамени». Это первое в мире детальное описание лагеря уничтожения.

«Весь процесс работы треблинского конвейера сводился к тому, что зверь отнимал у человека последовательно все, чем пользовался он от века по святому закону жизни. Сперва у человека отнимали свободу, дом, родину и везли на безымянный лесной пустырь. Потом у человека отнимали на вокзальной площади его вещи, письма, фотографии его близких. Затем за лагерной оградой у него отнимали мать, жену, ребенка. Потом у голого человека забирали документы, бросали их в костер: у человека отнято имя. Его вгоняли в коридор с низким каменным потолком – у него отняты небо, звезды, ветер, солнце».

Разумеется, Грасс не мог прочесть очерка Гроссмана в советском журнале, но он попал в «Черную книгу», набор которой на русском языке был в 1948 году уничтожен. Однако книга вышла в США на английском языке, и тысячи ее экземпляров, направленные на Нюрнбергский процесс, стали достоянием журналистов, там присутствовавших. Книга оказалась доступной заинтересованным лицам. Не исключено, что Грасс листал ее.

«Дневник улитки» (1972) отделяют от «Жестяного барабана» тринадцать лет. Годы эти были важны не только для мужания Грасса, но и для Запада в целом. В начале 60-х годов писатель включился в политическую борьбу и активно «барабанил» в пользу СПД и своего друга Вилли Брандта, немало способствуя их успеху. Появление национал-демократической партии, неонацистской по взглядам и составу руководства, настолько взволновало Грасса, что он отправил новому бундесканцлеру Курту Кизингеру публичное послание, в котором спрашивал: «Как молодежи в нашей стране найти аргументы против партии, умершей два десятилетия назад и воскресающей в виде НДПГ, если ваше бремя должности канцлера отягощено по-прежнему столь значительным грузом вашего прошлого?» Юрист Кизингер с 1933 по 1945 год состоял членом нацистской партии, что не помешало ему стать премьер-министром земли Баден-Вюртемберг, а затем получить высшую власть в стране. Беспокойство Грасса было вполне уместно. Ведь вторая половина 60-х – время студенческих бунтов в Европе. Восстав против отцов-конформистов,

молодежь потребовала правды о преступном нацистском прошлом, не подозревая, насколько страшной она окажется. Вот тогда-то и заговорили о Холокосте.

Эта правда стала мощным толчком для возрождения еврейского национального самосознания. Еврейство было разобщенным. Правда о Холокосте на значительный период объединила и сплотила всех. А у немцев она пробудила чувство вины, которая сейчас, по прошествии времени, начала тяготить их. Причем, тяготить настолько, что писатель Мартин Вальзер, требовавший в 60-е годы расчета с прошлым во имя будущего Германии, на исходе века обвинил евреев в «инструментализации» Холокоста.

Тогда же, в конце 60-х – начале

70-х многие молодые немцы, желая искупить вину отцов, ехали в Израиль работать в кибуцах, помогать строить еврейское государство. Мне довелось здесь в Кельне познакомиться с некоторыми из них. Именно на волне этих новых настроений президентом ФРГ в 1969 году смог стать социал-демократ д-р Хайнеман, который победил перевесом в шесть (!) голосов при пяти воздержавшихся.

Вдумайтесь в эти цифры! Грасс обеспокоен таким раскладом сил. По разумению писателя, война с наследием нацизма, с его пережитками должна быть продолжена. Но можно ли ожидать быстрой победы? В раздумьях над этим вопросом рождается книга «Дневник улитки». Доведется ли ему увидеть реальные перемены в сознании соотечественников? Или несколько поколений должны смениться, чтобы такие перемены наступили?

Вопросы, вопросы, вопросы... Из них и растет книга. В ней несколько сюжетных линий, ряд временных пластов. Рассказ об участии автора в предвыборной борьбе «прослоен» эпизодами из прошлого. Речь идет об уничтожении еврейской общины в родном городе Грасса Данциге. Обе истории он рассказывает своим детям параллельно. Воспоминания о гонимых евреях – не просто фон, они вторгаются в современность и звучат как предостережение. История ведь имеет обыкновение повторяться. «Нельзя допустить повторения преступного прошлого!» – эта мысль одушевляет книгу. Другой не менее важный вывод: уничтожая евреев, нацисты растлили душу народа, повязали немцев кровавой поручкой. Все в мире взаимосвязано. События минувшего эхом отзываются в настоящем.

Откровенно публицистические размышления о нашем переходном времени ведут Грасса вглубь истории, в эпоху Лютера и Дюрера: она тоже была временем перехода – от средневековья к буржуазному миропорядку. Вглядываясь в гравюру по меди Дюрера «Меланхолия» (1514), Грасс находит ее удивительно современной. Он приходит к заключению, что Меланхолия есть выражение нового явления – застоя в прогрессе. Не нужно рассматривать ее как явление исключительно негативное. Подчас она необходима.

Правда о Холокосте

на значительный период объединила и сплотила всех. А у немцев она пробудила чувство вины, которая сейчас, по прошествии времени, начала тяготить их. Причем, тяготить настолько, что писатель Мартин Вальзер, требовавший

в 60-е годы расчета с прошлым во имя будущего Германии, на исходе века обвинил евреев в «инструментализации» Холокоста.

Дюрер видел пределы своего времени, видел, как нарождается новое, пока еще аморфное, его угнетали слабость и бессилие человеческой мысли. И Дюрер, и гуманисты, сознавая свою беспомощность, нашли прибежище в скрытной Меланхолии. «Застой в прогрессе. Колебания и сомнения перед новым шагом. Мысли о мыслях, пока в осадок не выпадет лишь сомнение. Познание, порождающее отвращение. Все это верно и для нашего времени».

В наши дни, когда Меланхолия разлита во всем, Грасс обнадеживает читателя открытием, к которому пришел: прогресс меряется улиточной мерой. Он понял это, когда в Германии в 1968 году начался процесс переоценки прошлого. Он протекал бурно и принимал подчас неожиданные формы, вплоть до создания ультралевых террористических организаций, державших в страхе и напряжении весь западный мир. И тут завзятый нигилист Грасс неожиданно проявился как моралист. Умиротворяющий дух Гете перевесил в художнике барочное буйство. Выступив против экстремизма и чрезвычайщины, Грасс вступил в нелегкий спор с молодым поколением в защиту реформаторских идей. Тогда и возник в его творчестве (Грасс еще и рисует) образ улитки и парадоксальное убеждение: «Улитка – это прогресс». Не верьте в спасительность скачков-прыжков, в резкие повороты и революции, полагайтесь на улитку: она движется медленно, но неуклонно.

Автор, заявивший о себе: «Я – штатская, ставшая человеком улитка», находит, что евреи, ведущие счет своей истории на тысячелетия, родственны улиткам. «За рассеянными по свету евреями признается право на Меланхолию как на нечто врожденное или – со времени разрушения Иерусалима – как на их роковое предназначение». Их присутствие в книге Грасса органично.

Рассказ об уничтожении еврейской общины Данцига начинается со статистики. Согласно переписи 1929 года здесь проживали 10448 евреев, при том что в городе было 400 тысяч населения. Начиная с 1930 года, демонстрации и митинги НСРПГ (национал-социалистической рабочей партии Германии) повсеместно проходили под девизом: «Евреи – наше несчастье!»

«Поскольку каждый боится несчастья и хотел бы его избежать, всяк рад услышать имя несчастья, узнать, наконец, в чем причина всего этого вздорожания, безработицы, нехватки жилья».

Поэтому лозунг «Евреи – наше несчастье!» не был привязан к какому-то конкретному городу, лозунг был общегерманский.

«В Клеве, нижнерейнском городке, а также в соседних общинах Калькар, Гох и Удем в 1933 году жили объединенные в синагогальной общине Клеве 352 еврея. Столько несчастья граждане города не хотели терпеть».

Скупое, пунктирно и одновременно саркастично обозначает Грасс вехи антиеврейской деятельности нацистов: вот закрыли газету еврейской общины, вот студенты-евреи вынуждены прервать занятия, преподавателей-евреев увольняют, а то и заключают в лагерь. Но иногда писатель вводит запоминающиеся детали, вроде этой: «В спортивном зале гимназии кронпринца Вильгельма повесился на турнике семнадцатилетний гимназист, после того как его соученики заставили его в уборной (просто так, из баловства) показать свою обрезанную крайнюю плоть».

С марта 1933 года начался бойкот еврейских магазинов. Врачи-евреи были уволены и исключены из общества врачей. Евреи-судебные чиновники без всяких объяснений переведены на низшие должности. Артисты-евреи не допущены на фестиваль в Сопоте. Спортивному обществу Бар-Кохба было отказано в аренде городских спортзалов. Сегодня издано много воспоминаний, по ним, по «Дневнику» Виктора Клемперера можно проследить, как день за днем урезали права евреев, пока не появились расистские нюрнбергские законы в 1935 году, а пятью годами позже не началось систематическое уничтожение людей. Дотошные исследователи подсчитали, что за первые годы нацизма было издано 1937 законов, указов, директив, циркуляров, инструкций, предписаний и распоряжений всякого рода, определивших участь евреев в третьем рейхе. Вот уж поистине: ни дня без строчки!

Автору «Дневника улитки» в 1937 году было десять лет. Он помнит, как в конце октября с данцигского базара прогнали всех торговцев-евреев. «На всех данцигских базарах и торговых улицах разгул насилия принял общенародный размах» – свидетельствует писатель. И герой книги штудиенасессор Герман Отт (он же Скептик) фиксирует внимание на поведении рядовых обывателей. Постоянно покупавший корм для своих улиток у зеленщика Исаака Лабана, учитель страшно удивился, не обнаружив колоритную фигуру бывшего унтер-офицера на привычном месте. Молодая крестьянка, занявшая его прилавок, на вопрос о предшественнике рывкнула: «Какое мне дело до жидов?». Соседние торговки оскалились. На Отта обрушилось всеобщее улюлюканье.

Однажды в Бад-Киссингене немолодая немка, заметив, что я рассматриваю витрину аптеки, на стекле которой сохранилась надпись на иврите – красноречивое свидетельство, что некогда здесь был еврейский бакалейный магазин, заговорила со мной. В ходе нашей беседы она не без гордости заметила, что ее мать покупала у евреев несмотря на всеобщий бойкот. Я тогда не поняла, почему она говорит об этом как чуть ли не о героическом поступке. Но тот, кто прочтет книгу Грасса, согласится: это и впрямь был поступок.

*Èí àà 17 ààéààðÿ
1938 àíàà íàùèíà
í ðèí ÿèà ðàøàí èà í íèéí óòù à ðíà, ì í íàà
íò àðèèè à çàéà èèèèèíí -óàíòà Èò ì íàéí í íí ÿòù
-ò í àù èòí èòù í ðààí í à àùàçá à í àè çàíòò í íòù
ààðèè àíèèéí ù àùèè í ðí ààòù çà ààíòàí í è íèí ààí à è çàí àèù ù à ó-àíò èè,
àèèþ-àÿ èéàààè ù à
Àù ðò-àí í ù ó ààí ààí à àíòò í à óààò èéí.*

Скептик нашел Лабана в переулке, где евреям было разрешено разложить их нехитрый товар, «чтобы видно было, кто из арийских домохозяек все еще покупает у евреев». «Когда штудиенасессор направился со своей покупкой в обратный путь, за ним до самой остановки трамвая движущимся колоколом гремело непрерывное пронзительное “ТЬфу-у!”». И прежде чем он успел войти в прицепной вагон трамвая, одна старая женщина, наверняка любящая бабушка, вытащила из своей фетровой шляпы-кастрюли булавку и воткнула ее раз и еще раз в кочан салата. “ТЬфу на тебя, дьявол!” – крикнула она и вытерла шляпную булавку о рукав».

Перед нами, так сказать, обыкновенный фашизм. Разбудить темные инстинкты не так уж и трудно. Но и среди всеобщей вакханалии нашлись единицы, не уронившие человеческого достоинства. Когда еврейских детей изгнали из школ, в Данциге открылась частная «розенбаумская школа», в которой кроме Скептика работали еще несколько учителей-немцев. Грасс говорит об этом без тени умиления, как о норме. Нашлись люди, которые вели себя нормально: на фоне нормы всякие отступления особенно заметны. Даже если отступления преобладают.

Пусть читателя не удивляет и то, что старшеклассники еврейской школы с одинаковым увлечением разыгрывают пуримшпиль и ставят спектакль по «Песне о Нибелунгах». Дети с восторгом выступают в роли Зигфрида, Кримхильды, Брюнхильды, живут страстями этих знакомых им с детства героев германского эпоса. Персонажи эти уже объявлены нацистами эталонами арийства, к которым еврею не позволено даже приблизиться. Но дети не способны отделить себя от культуры, с которой сроднились не только их отцы, но деды и прадеды. Они выросли немцами иудейского вероисповедания. Немцем ощущает

себя и старый зеленщик Исаак Лабан, который в годы первой мировой войны был ранен под Верденом и получил Железный крест. Член имперского совета фронтовиков-евреев, он после смерти рейхспрезидента Гинденбурга носит траур и произносит патриотические речи, даже когда вяжет лук в связки и моет морковь перед продажей. Потому лишь немногие из немецких евреев приняли всерьез первые антиеврейские демарши штурмовиков. Потому так мучительно решались на отъезд. Все верили, что дурман нацистской пропаганды рассеется. Неслучайно Герман Отт, предчувствуя лихие времена, говорит: «Когда все полетит в тартарары, евреи будут последними истинными немцами».

Если читателю довелось побывать в Израиле и заглянуть в Нагарию и Гиватаим или пройтись по немецкому кварталу в Тель-Авиве, то он конечно сразу отметил типично немецкую архитектуру. И не только палисадники, балкончики, окна, утопающие в цветах, но и ментальность хозяев напомнят вам Германию. Неслучайно израильтяне зовут их «йеки» (прозвище немцев). Потому не нужно удивляться, когда читаешь на памятнике в Бонне: «Гражданам города, погибшим в годы нацизма». Да, они были немецкими гражданами, эти гонимые, а затем уничтоженные евреи. Сейчас в Германии это всячески подчеркивается.

В тот день, когда Скептику дважды прокололи кочан салата, в Данциге еще проживали 7 479 евреев. С августа 1938 года нападения на синагоги и разбитые окна в доме прусской ложи стали повседневностью. По поводу событий 9 ноября 1938 года Скептик в дневнике высказался коротко: «Имперская “Хрустальная ночь” – это вместительная метафора». Метафора сработала. В конце ноября в Данциге оставалось уже менее 4 600 евреев.

Когда 17 декабря 1938 года община приняла решение покинуть город, многие старики в зале лишились чувств. Их можно понять: чтобы купить право на выезд в неизвестность, евреи должны были продать за бесценок синагоги и земельные участки, включая кладбища. Вырученных денег на всех не хватило.

В ночь на 3 марта 1939 года пятьсот данцигских евреев в plombированных вагонах отправились через Бреслау, Вену, Будапешт в портовый городок Рени на Черном море, где они должны были пересесть на корабль. Это судно «Астир» оказалось грузовозом, не приспособленным для перевозки пассажиров. Наспех сбили перегородки между носовой и кормовой частью, отделив таким образом женщин от мужчин. Оставшиеся в Данциге ученики Скептика окрестили судно «Ковчегом улиток». Одиссея его скитаний описана скупо. Главное – этот ковчег достиг берегов Палестины.

Летом того же года удалось отправить в Лондон четыре партии еврейских детей – всего 122 ребенка. И лишь единицы из них смогли впоследствии увидеться со своими родителями. Из оставшихся в городе двух тысяч евреев выжили немногие. Среди них было довольно много польских евреев, застрявших тут еще в 20-е годы, в момент массовой эмиграции в США. Они оказались обречены. По возвращению в Польшу одни попали в Варшавское гетто, другие – в Освенцим.

Через неделю после начала второй мировой войны евреям Данцига было приказано покинуть квартиры и перебраться в еврейскую богадельню. Некоторые покончили с собой. Под гетто был переоборудован большой амбар на окраине. В конце ноября палестинское представительство в Берлине дало разрешение на въезд в Палестину пятидесяти евреям Данцига. Вместе с тысячей чешских, венгерских евреев они добрались до югославской гавани Кладово. Здесь они застряли на девять месяцев, а затем были интернированы в Сабаце. Из полусотни уцелели лишь трое, им удалось добраться до Палестины. Остальных расстреляли немецкие командос, когда захватили лагерь Сабац.

Евреям Данцига 26 августа 1940 года было велено собраться у портовой столовой. Пришли 527 человек. Прежде всего, им предложили сдать все имеющиеся деньги. Затем процессия медленно – большинство люди пожилые! – двинулась к грузовой верфи. Ее сопровождали насмешки, улюлюканье и плевки бывших сограждан. Евреев погрузили в дюжину вагонов, и через сутки они оказались в Братиславе. Там их пересадили на дунайский пароходик «Гелиос». Наконец, 11 сентября по прибытии в порт Гулцея им была дана возможность взойти на борт большого корабля «Атлантик», который взял курс на Палестину и вошел в порт Хайфа 24 ноября. Однако на берег не сошел никто. По решению мандатных властей все должны были перебраться на «Патрию», стоящую на рейде. Ей предстояло принять четыре тысячи эмигрантов-евреев и доставить их в какую-нибудь британскую колонию. Когда посадка шла полным ходом, на борту «Патрии» раздался мощный взрыв. Корабль перевернулся и затонул через пять минут. И 260 человек, среди которых были и данцигские евреи, погибли от взрыва или утонули. Оставшиеся в живых позднее узнали, что бомба была подложена членами сионистской «Хаганы», решившими таким образом воспрепятствовать депортации евреев из Палестины. Лишь тридцати данцигским евреям удалось осесть на Святой Земле Израиля. Остальных выслали на остров Маврикий, где большинство погибло от малярии и тифа.

В январе 1942 года ушел из Данцига в Терезиенштадт последний транспорт с евреями. Значительная часть из них были старики, которые умерли в пути или вскоре после прибытия в этот город. Город, «подаренный фюрером евреям Европы», – именно так представлена история Терезиенштадта в рекламном пропагандистском нацистском фильме, который мне довелось увидеть здесь, в Кельне. Кое-кто закончил свой многострадальный жизненный путь в Маутхаузене...

Когда Данциг освободили, из щелей, подвалов, кладбищенских склепов выбрались на свет Б-жий двадцать выживших евреев. Два десятка – из десяти тысяч...

Рассказывая о тех, кто уцелел, Грасс бегло знакомит с их послевоенными судьбами. Он отыскал всех, кого смог: ведь многих он знал, а с некоторыми и дружил. Живут они и их дети по большей части в Израиле, в своем государстве. И ему, Грассу, не раз доводилось там бывать. Ровно через 33 года после «Хрустальной ночи», 9 ноября 1971 года он читал отрывки из «Дневника» студентам Иерусалимского университета. Молодые бейтаровцы пытались сорвать выступление криками: «Немцы – убийцы!» Грасс мог бы умолчать об этом, обойти острые углы. Однако он не делает этого сознательно. Своим сыновьям он говорит однозначно: «Вы – не убийцы». «Вы неповинны, – продолжает писатель. – И я, достаточно поздно родившийся, тоже считаюсь незапятнанным (семнадцатилетний Грасс был призван в вермахт в 1944 году и вскоре оказался в плену у американцев. – Г.И.). Но только если я хотел бы забыть, а вы не хотели бы знать, как постепенно приходили к тому, к чему пришли, нас могут настичь простые слова: вина и стыд. Их тоже, этих двух неотступных улиток, не остано­вишь».

Эти слова звучат сегодня куда более актуально, чем когда они были сказаны. Сейчас на повестке дня стоит вопрос не о коллективной вине немцев, а о коллективной памяти. Человек, наверное, неспособен к длительному трауру. А здесь, в Германии, срабатывает еще и «торопливая готовность стряхнуть с себя преступления национал-социализма как минутное ослепление, как иррациональное заблуждение, как нечто непостижимое, а потому извинительное». Спор председателя еврейских общин Бубиса, ныне покойного, и немецкого писателя Мартина Вальзера по этому поводу еще у всех на слуху.

Когда Вилли Брандт опустился на колени там, где прежде было варшавское гетто, рядом с ним был и Гюнтер Грасс. Немецкий писатель определяет этот жест как «запоздалое признание нашей неизбывной вины». Но думать, что раскаяние может стать состоянием всего общества, не следует. Раскаяние предполагает знание. А поэтому правду о Холокосте должны знать все. И помнить долгие годы. Гюнтер Грасс – один из тех, кто будоражит память.

Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. А также – «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» Бо́льшую мешанину трудно себе вообразить. Многие из великих предков верой и правдой служили русскому царизму. В лучшем случае, Ленин их не помнил, не признавал родства с ними и никогда не апеллировал к ним. Однако нашлся человек, обнаруживший в этом винегрете нечто пригодное для пропаганды. По крайней мере, на какое-то время. Илья Эренбург находился в сложных отношениях с действительностью. Будь то советская действительность, французская или какая-либо еще. Побывав в начале 30-х годов в Испании и Германии, он убедился: фашизм – грозно наступающая сила, реальная угроза человечеству, культуре.

Но если издержки поисков и метаний оставили след в эренбургских романах, то его публицистика носит целеустремленно антифашистский характер, апеллирует не столько к рассудку, сколько к эмоциям. Овладевая нашими землями, городами и селами, немцы испытывали чувство национального превосходства. Следовательно, надо внушить советским людям: вражеские успехи – мыльный пузырь. Он лопнет от наших ударов. Чем удары будут крепче, тем быстрее наступит победа, и вчерашние кичливые триумфаторы предстанут жалкими недоумками. Фашистская пропаганда убеждает солдат в зеленых шинелях, будто они сверхчеловеки, покорители мира. Перед ними все падут ниц. Черта с два! Такому никогда не бывать!

Эренбурга не занимали социальные, исторические корни нацизма, он не повторял чушь относительно реставрации царского строя. Но настаивал на человеческом ничтожестве немцев, пустив в обиход пренебрежительное «фриц». А когда ударят морозы, Эренбург докажет, что немцам к лицу не военная форма, а бабьи платки и ворованные валенки. Да, они педанты, умеют исполнять приказы. Но это повиновение от душевной недостаточности, мещанского скудоумия.

Весной сорок второго Илья Эренбург наведился в нашу Бригаду. Нас всех собрали в клубе. Эренбург говорил спокойно, уверенно. Не скрывал сомнений относительно сталинского приказа сделать сорок второй год годом окончательного разгрома врага. И пошел с козырной карты. Немцы – педантичные ублюдки. Да, да, все без исключения. Будь то фашисты или антифашисты, среди которых у него есть и лично знакомые.

В состав нашей Бригады входил интернациональный батальон, в нем человек двадцать антифашистов, беглецов из концлагерей. Они поднялись и через притихший зал пошли к выходу. Эренбург молча смотрел им в след. Ушли? – спросил спокойно. – Я продолжаю.

Рядом со мной сидел мой ифлийский друг Семен Гудзенко. Недавно после тяжелого полостного ранения он вернулся в часть. Гудзенко сжал мою руку в локте. «Это уже за пределами... Надо уходить». – «Досидим».

После завершения встречи мы курили во дворе. Нам было не по себе. Шовинизм среди студентов-ифлийцев представлялся немислимым. Но благородный интернационализм явно не срабатывал. Мы не отдавали себе отчет в его поверхностности, иллюзорности, в том, что он игнорирует национальные особенности, культуру, зачастую сводится к ассимиляции. Честно признаюсь: в тот памятный вечер я не подумал, что кому-кому, а Илье Григорьевичу отлично ведомо, что отнюдь не все поголовно немцы – олухи царя небесного, интеллектуально и физически неполноценны. Внушая бойцам Красной Армии свои нехитрые идеи, он заведомо их оболванивал. Как неизбежно оболванивает, обманывает любая ксенофобия, льстя одним и огульно охаявая других. Что до лозунга «За Родину! За Сталина!», то он хорош для атаки. И то не всегда. Мой друг Ваня Маломанов уточнял: «За Родину!» – завсегда – пожалуйста. А насчет этого самого (крутил воображаемые усы): «Воздержусь».

Свои едва ли не ежедневные статьи И. Эренбург называл «фрицами». Читались они взхлеб. Иногда перед строем. Страстные призывы к мести западали в душу. Представить себе популярность автора на передовой немислимо. И немислимо было представить себе далекие последствия этой пропаганды. Но в те часы было не до последствий. Жуков брал жестокостью, не щадя свою живую силу. Эренбург – испепеляющей ненавистью к немцам. Оба руководствовались одним догматом: победа любой ценой. Понимая сейчас (отчасти и раньше) уязвимость, а то и рискованность догмата, я не считаю возможным завышать вину того и другого. А вина за деморализацию армии лежала на Сталине.

Потребно нечеловеческое усилие, чтобы перечитать сталинские доклады и юбилейные приказы времен Отечественной войны. Эренбургские памфлеты читаются легко, но оставляют по себе тяжкое чувство. Думал ли писатель, как могут сказаться на нем самом, на других людях, не попавших в противопоставление «Иван» – «Фриц», его страстные призывы? Не знаю. В ту весну вермахт, несмотря на зимнее поражение, еще не слишком отдалился от Москвы. Впереди – немецкий прорыв к Волге, облегченный неудачной, по вине Сталина, дислокацией наших войск. В продолжение войны И. Эренбург не менял язык, стиль и тональность своих «фрицев». И не терял популярности в полках и дивизиях. Несмотря на официальную статью в «Правде» «Товарищ Эренбург упрощает», в которой главный тогдашний идеолог Г. Александров пытался «поправить» писателя.

В докладе Сталин утверждал: «Гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал

в России при царизме». А назавтра приказывал вдохновиться деяниями наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Война близилась к концу, «фрицам» под эгидой победителей предстояло строить новое государство, новое общество. Огульное презрение к ним делалось неуместным. Но заряд национального высокомерия не подлежал ликвидации. Илья Эренбург знал, что так или иначе подогревает ксенофобию. Особенно в аппарате. А. Щербаков, уже занимавший несколько высоких постов, в 1942 году возглавил Главное политическое управление. И на одном из узких совещаний, после того как повестка дня была исчерпана, полуофициальным тоном выразил пожелание, чтобы «этих» было поменьше в трибуналах, особых отделах, редакциях и т.д. А то, дескать, вызывают нежелательный резонанс в частях.

Отдав армии четыре года войны и восемь послевоенных лет, я лично не сталкивался с антисемитизмом. Разве что в первые месяцы пятьдесят третьего года. После окончания войны и возвращения на родину, служа в Прикарпатском военном округе, всячески добивался демобилизации. Мне отказывали, объясняя: пошли бы навстречу, коли кончил бы три курса вуза, а у меня два; коли имел бы три ранения, а у меня опять-таки два. Поразмыслив, я принялся бомбить рапортами высокие инстанции. После шестнадцатого вызов в Москву. Два полковника, навалившись на одного капитана, обвиняли его в попытке уклониться от службы, дезертировать и т.п. Завершая разнос, сообщили: командование посылает меня на учебу в военно-политическую академию. Я был принят несмотря на «пятый пункт», красовавшийся во всех моих анкетах, несмотря на «пятно» в этих же анкетах (отец жены, объявленный «врагом народа», сгинул в застенках).

При этих своих анкетных изъянах я единственный из потока кончил академию с золотой медалью. Хотя не составляло ни малейшей сложности на последнем госэкзамене (общая тактика, «Стрелковая дивизия в наступлении») найти какую-нибудь зацепку в моем письменном приказе, в графической схеме и, на один балл снизив оценку, лишит медали. Тем паче, что она давала мне серьезные преимущества – право выбора места дальнейшей службы. Кроме того, приказ министра обороны позволял выпускникам академий, имевшим жилплощадь в Москве, продолжать службу в Московском военном округе. Однако именно этих привилегий меня лишили. Я вторично удостоился вызова на Гоголевский бульвар, со мной вроде бы доверительно беседовал какой-то высокий чин. Он разъяснил: судьба страны будет решаться на Дальнем Востоке, там концентрируются большие силы (три военных округа), туда направляют надежные офицерские кадры. Так-то.

Годы учебы в академии совпали с годами героической борьбы против космополитизма, когда газеты публиковали антисемитские статьи. Кроме «Красной звезды» – органа военного ведомства. Я слышал: когда кто-то предложил фельетон, обличающий армейских космополитов, его отказались печатать. Отовсюду доносились вести об изгнании из учреждений и институтов специалистов «неподходящей» национальности. В нашей академии среди преподавателей – вольнонаемных и офицеров – встречались лица той же национальности. Ни одного из них не уволили. Все это наводит на мысль, что при всей своей отвратительности сражение с космополитами не только давало выход шовинизму, расизму, но преследовало и другие цели. Какие же? Не настаивая на обладании конечной истиной, решусь предложить свою версию.

«Холодная война», вспыхнувшая вскоре после победы союзников, вела опять-таки к войне горячей. Вероятный противник был очевиден и очевидно его техническое и экономическое превосходство над нами. Еще в августе 1945 года США, фактически уже одолевшие Японию, сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Цель бомбежек – запугать Советский Союз, побудить его к отказу от агрессивных намерений, особенно очевидных, когда шел послевоенный раздел территорий и сфер влияния в Европе и на Дальнем Востоке. Но Сталин, опьяненный победой, во многом достигнутой вопреки его преступлениям и ошибкам, не собирался отказываться от своих притязаний. Используя выкраденные у американцев планы, в засекреченном Арзамасе-16 спешно изготавливали советскую атомную бомбу. В работах участвовало немало евреев. По гитлеровской схеме (первый вероломный удар на рассвете в воскресенье) была развязана война в Корее. Предвоенное доброжелательство к Гитлеру и нацизму страдало не только аморальностью, но и деморализовало народ, армию. Теперь, после совместной с демократическими странами победы над нацизмом, требовалось не только возбудить нервозность в обществе, но и обнаружить «врага», способного вызвать настороженность, неприязнь. Испокон века такими врагами слыли евреи. На сей раз они особенно подходили, благо в экономике, политике и вооруженных силах США играли видную роль. Но и у нас в армии, в науке и технике, обеспечивающих военную мощь страны, им тоже принадлежало не последнее место. Вчерашний сидяга, «враг народа» Борис Львович Ванников, назначенный в войну наркомом боеприпасов, в 1953 году становится первым заместителем министра среднего машиностроения, ведавшего созданием ядерной техники.

Раздувая антисемитскую истерию, используя подонков типа «писателя» М. Бубеннова, истребляя одних представителей еврейской интеллигенции и привечая других, Сталин завершал свое господство, тяжко оплаченное народами страны. Но ему всего этого казалось недостаточно. Он доживал свой век с надеждами на новое кровопролитие в масштабах ЦК, политбюро, Еврейского антифашистского комитета и – большой войны. Ее планировалось начать на Дальнем Востоке. Кампании космополитизма –

предвестье этой войны. Мой путь к новому месту службы длился около десяти суток. Открывались не только красоты Байкала, но и явная нищета городов и селений. Убожество жизни не мог затмить освещенный прожекторами гигантский профиль Сталина, выбитый на скале.

Проходя по коридору вагона, я, правда, с опозданием заметил: среди моих попутчиков преобладают люди одной национальности. Не только офицеры, но и выпускники вузов, преимущественно строительных. Им надлежало прибыть в Хабаровск, Уссурийск, Владивосток и получить обмундирование, лейтенантские звездочки, назначение. Первый этап моей дальневосточной службы прошел в Спасске-Дальнем. В военном городке в двух-трех километрах от цементного завода, где, как узнаю потом из «Архипелага ГУЛАГа», работали ээки. Высокая концентрация войск уживалась с обычной советской расхлябанностью, отсутствием хлеба в магазинах. Зато на прилавке – какое-то подобие пирогов – булки, начиненные дрянным повидлом. Водка не продавалась, но чистый спирт – хоть залейся.

Едва ли не большинство местных жителей – украинцы, не по доброй воле очутившиеся вдали от родимых мест. Денег на обратную дорогу не хватало. Обнаружилась еще одна особенность здешних гарнизонов – высокий процент евреев в частях, штабах, политорганах. Полковник, начальник гарнизона Спасска-Дальнего носил фамилию, не оставляющую сомнения в его национальности.

Если бы не какие-то события, подробности, всплывающие не сразу, можно было бы счесть, будто начальство на Гоголевском бульваре, уверявшее, что меня посылают туда, где что-то решается, всего лишь блефует. Одна из тайн того времени – строительство тоннеля, соединяющего Сахалин с материком. Остров превращался в непотопляемый авианосец, противостоящий американским авианосцам, бороздящим тихоокеанские воды. Встречное строительство с двух сторон вели расконвоированные ээки, жившие с семьями в прибрежных городках. Строители обладали почти всеми правами свободных граждан, могли выбирать Верховный Совет. Но не могли быть избранными, так как не смели покидать зону. Граничившее с фантастикой рытье именовалось «Секретной стройкой коммунизма № 1». Если верить тогдашним толкам, о ходе работ ежедневно докладывали Сталину. Летом управление нашей 5-й армией спешно перебросили на юг, в сопки. Старый гарнизон Барабаш расширяли для новоселов. Приближение к корейской границе означало приближение к войне, что уже велась на земле Кореи. Иллюзий касательно демобилизации я больше не питал. Втянулся в службу, в гарнизонную жизнь. Все вроде бы шло нормально. Начальство не досаждало, подчеркивало свое доброжелательство, отправило представление к очередному воинскому званию.

Что-то начало меняться в начале пятьдесят третьего года. Вызов в особый отдел, расспросы о родителях жены. Я не чувствовал за собой какой-либо вины, держался независимо. Ответив на два-три вопроса и не продолжив разговора, ушел. Скудные сведения о трагических событиях в Москве амортизировались расстоянием. Правда, сообщение об аресте врачей-убийц настораживало. Как и растущий поток антисемитизма в столичной прессе. Слова Ильи Эренбурга, произнесенные в Кремле при получении Сталинской премии «За укрепление мира между народами», внушали зыбкую надежду. Выходит, он видит, к чему ведет насаждение шовинизма, выходит, настаивает на подлинном интернационализме, протестует против расовой или национальной дискриминации.

Мне представлялось, будто Эренбург – единственный писатель, к которому прислушивается Сталин. В войну именно эренбургский вариант пропаганды был принят на вооружение. Сейчас писатель настаивает на совершенно иных исходных принципах. К шовинизму он апеллировал, когда дела наши складывались из рук вон худо. Теперь, несмотря на все трудности, войска готовы к наступательным операциям. Наши летчики уже успешно сражаются в небе Кореи, китайские добровольцы помогают и будут помогать корейцам на суше. Тихоокеанский флот на хорошем счету. Коль англо-американцы, сражаясь за демократию, добились невиданного технического прогресса, нелепо в противостоянии им выступать с примитивными националистическими девизами. Примерно так я рассуждал, не спеша кого-либо посвящать в свои мысли. Что-то удерживало от подобной откровенности, в общем-то мне свойственной.

Между тем антисемитский фонтан, несмотря на выступление Эренбурга, бил по-прежнему. Брызги долетали и до дальневосточных рубежей. В одном из гарнизонных госпиталей арестовали хирурга с неблагозвучной фамилией: у него после операции умер солдат. Кто-то из корреспондентов окружной газеты мне намекнул: то ли начальство политуправления, то ли Военный Совет заинтересовались моим личным делом. Вроде бы ответственный посланец из Москвы, с Гоголевского бульвара, назвал мою фамилию.

Получалось, что в войсках вообще и на Дальнем Востоке не собираются развешивать антисемитскую кампанию. Но кого-то во имя поднятия боевого духа намечают в жертвы. Сейчас трудно восстановить последовательность событий. Меня приглашали на совещания, никакого предубеждения я не испытывал. Но в один прекрасный день ко мне домой явились вежливые сержанты из батальона связи и сняли телефонный аппарат, полагавшийся по служебному рангу. «В следующий раз уведут тебя самого» – мрачно пошутил приятель из разведотдела. Где-то изучали подшивки и, обнаружив номер с поправками к тассовскому сообщению о советской продовольственной помощи индийскому штату, придержали его. Ответственный секретарь газеты, в которой я был заместителем редактора, Алексей Егорович Якушевский незамедлительно составил докладную: номер с печатками вышел при его дежурстве, лично им подписан в

печатать. Редактор и руководство политотдела армии, насколько мне становилось известным, защищали меня. Но последнее слово принадлежало тому, кто выше.

Однако таким словом стала смерть Сталина. В день сообщения о ней генерал госбезопасности, возглавлявший строительство тоннеля, вызванный в Москву, дал команду: отбой. И не вернулся к месту службы. Чуть раньше, как теперь известно, соратники Сталина решили прекратить «дело врачей» и отказаться от вступления в Корейскую войну. (Одно было связано с другим, США поддерживали Южную Корею.) Антисемитская кампания в печати оборвалась на фельетоне «Пиня из Жмеринки». Его автор годами не уставал виниться и каяться.

Можно обнаружить и другие факты в подтверждение версии о том, что сражение с космополитизмом, доходившее до переименования пирожных «наполеон» и французских булочек, тоже служило идеологической подготовкой к войне. Но, как нередко случается, готовились к уже минувшей войне. Предполагаю, в высших эшелонах армии, в Генеральном штабе тогда хватало стратегически мыслящих генералов и полковников. Не они решали, но их настроения и мысли так или иначе доходили до политического Олимпа, где восседал самоуверенный энциклопедист-недоучка со склерозированными мозгами. В войну он убедился – далеко не сразу, что профессиональный анализ более доступен Жукову и Рокоссовскому и вынужден был прислушиваться к их мнению. Антисемитски-космополитическая кампания вполне соответствовала его уровню понимания, пристрастиям Маленкова и Суслова. Но дело шло к большой войне и здесь важно было мнение специалистов.

Нам горестно мало известно, да и потомков не ждут россыпи документов. Вполне вероятно, что наверху велись разговоры о депортации евреев. Но практическое осуществление гнуснейшей идеи затрагивало интересы военных. Дальний Восток связан с центральными и западными областями страны и внутренними военными округами единственной железнодорожной магистралью. Надо попытаться представить себе, какая нагрузка ложится на стальные рельсы, тянущиеся на восток, чтобы понять отношение хотя бы части генералитета и генштабистов к позорной и политически невыгодной (подспорье англо-американской пропаганде) идее депортации. Напрасно Б. Сарнов пренебрежительно отмахивается от факта отсутствия документов.

Мне представляется убедительным открытое письмо Г.В. Костырченко «Документы – на страже истории». Нет не только документов, нет ни одного реального свидетельства, подтверждающего практическую подготовку депортации. Не только общего плана, но и конкретных планов использования тех или иных территорий. Нет свидетельств о строительстве домов, бараков и т.д. Отсутствие бумаг такого рода усиливает сомнения относительно плана депортации евреев. На Дальнем Востоке, к югу от Хабаровска, под завязку набитом войсками, ни малейших признаков строительной лихорадки, подготовки к депортации. Если что-то было бы в Биробиджане, Э. Казакевич наверняка знал бы и не делал из этого тайны. Но даже если доводы против плана депортации перевешивают доводы, его подтверждающие, это отнюдь не значит, что он не существовал или не мог возникнуть в какую-то минуту. Соображения целесообразности, не говоря уже о гуманизме, начисто отменялись. Многие решения принимались по наитию, под настроение выжившего из ума вождя. В обстановке страха и подобострастия верных соратников, дрожавших за свои шкуры. Этот страх питал их преданность, их сталинизм, отличный от экстатического чувства беззаветной самоотверженности, свойственного Григорию Бакланову и – не побоюсь сказать – большинству его сверстников-фронтовиков.

Сталинизм – не просто чувство, присущее молодым: это – своего рода правила поведения и взаимоотношений, принципы жизни, работы, а то и литературной деятельности. Все совершается словно бы с оглядкой на вождя, с надеждой заслужить его одобрение, соответствовать ему. Независимо от того, на том он свете или еще на этом. Мистика? Допускаю. Но иррациональные, мистические чувства иной раз отличаются своей стойкостью.

Великая Отечественная война прославила не только выдающихся полководцев. Для армии – и не только для нее – выдающийся редактор создал газету, не имеющую себе равных в истории советской журналистики. Лазарь Лазарев дельно рассказал о генерале Ортенберге, редактировавшем «Красную звезду» в первый, самый тяжкий период войны, когда всего сложнее было найти общий язык с личным составом, ведущим неравные бои. С рядовыми и командирами, людьми разного социального происхождения и положения, с неодинаковыми образованием и военной подготовкой. Быть авторитетным собеседником одних, других, третьих даже в те минуты, когда всякого хочется послать куда-нибудь подальше. Генерал с семиклассным образованием не только собрал лучшие перья и сплавил их в единый коллектив. В отличие от большинства своих коллег он выезжал на передовую, отдавая предпочтение самым опасным местам. Его авторитет держался не только на особом газетном чутье, но и на независимости. Ортенберг мог пойти против цензуры, в чем-то не согласиться с главпуровским начальством. Д. Ортенберг являл собой слишком крупную фигуру, чтобы его судьбу решал А. Щербаков. Нет причин сомневаться в утверждении Л. Лазарева: обезглавливание «Красной звезды» летом 1943 года совершено по воле Сталина. Бывшего редактора направили в войска на должность, не соразмерную с недавно занимаемой, – начальником политотдела 38-й армии. В этом качестве мне и довелось познакомиться с ним: 140-я дивизия входила в состав 38-й армии. Память о нашей встрече осталась на всю жизнь. Осенью сорок четвертого, когда Сталин прочитал доклад об очередной годовщине Октябрьской революции, меня (игра случая) вызвали в политотдел армии с экземпляром дивизионной газеты, где публиковался сталинский текст.

Добираться пришлось по раскисшим осенним дорогам километров 30-40. Этот номер мы делали вдвоем с Прокопом Гороховцевым, оба едва держались на ногах, и Прокопа искренне огорчило, что вызвали одного меня.

Инструктор политотдела армии, сверив наш текст доклада со своим, обнаружил две-три пустяковые опечатки. И заверил, что все будет в порядке: генерал для вида покричит, а потом отпустит в дивизию. По словам инструктора, генерал, в прошлом редактор «Красной звезды», вспыльчив, но отходчив, благодушен. Как-никак работал с лучшими советскими писателями и т.п.

Относительно вспыльчивости он не ошибся, а вот дальнейшее... Сегодня, спустя долгие годы, я обязан предъявить счет и самому себе. Но не ограничусь им. Генерал занимал просторную крестьянскую избу с электрической лампочкой. Я настолько отвык от лампочки, что вместо подобающих слов обалдело смотрел на нее. Забыв о генерале, который смотрел на меня без какой-либо симпатии. Инструктор разложил перед генералом нашу дивизионку, напомнил, что доклад принимался по радио, ошибки незначительны, политического смысла не имеют. Последние слова явно пришлось не по нраву генералу. Кивком головы он отправил инструктора восвояси. Следующим кивком указал мне на табурет.

Привычным редакторским глазом пробежал по колонкам, останавливаясь на подчеркнутых местах. Всего сильнее его возмутила замена глагола «доколачивают» на «добивают». (Возможно, наоборот.) «Товарищ Сталин полагает “доколачивают”, а в 140-й дивизии его поправляют – “добивают”».

Мой вопрос «Велика ли разница?» был не просто верхом бестактности, но служил бикфордовым шнуром к готовой разорваться бомбе. Ортенберг пришел в негодование. Не столько, подозреваю, из-за опечатки, сколько из-за моего вопроса. А «снимать стружку» он умел. К сожалению, я не умел безропотно переносить эту операцию и что-то лишнее брякнул. Генерал поднялся со стула и, сдерживая праведный гнев, взялся объяснять, как надлежит относиться к подобного толка публикациям. Говорил он абсолютно правильные слова, поучая начинающего газетчика. Но начинающего всего сильнее поразила генеральская фраза: «Если в “Звездочке” шел материал товарища Сталина, я ложился на полосу и вылизывал каждую строку». Когда я попросил разрешения задать вопрос, он посмотрел на меня не без удивления. «А сколько еще человек ложилось и вылизывало?»

*Ï íæíí íáíáðæèòü
è äðæá ðæòü á ííäòáðæááí èá áðñè
í òíí, ÷òí ñðæáí èá
ñèíñ íííèèòèçí íí, áíòíææòááí áí íáðæí áí íááí èý íèðíæíüò «íáííæáíí»
è òðáí òðñèèò áæíí-æé, òíæáííèðæèèè èááííæ-áíííé
ííááòíæíé è áíéíá*

Конечно, так себя не ведут пред грозными очами большого начальства. Но я не обладал опытом общения такого рода. Незамедлительно вызванный адъютант был послан в отдел кадров. И вернулся с какими-то бумагами, касавшимися меня, – то ли на присвоение очередного звания, то ли на награждение. Аккуратно сложенные листы гневно рвались на мелкие клочки. Возможно, правда, уничтожение бумаг совершалось позже, спустя час или два. После первой головной боли наступила оперативная пауза. Адъютант показал мне сундук в прихожей: ложитесь. Через какое-то время растолкал, и я снова предстал пред гневные очи генерала. Когда вышел, адъютант напомнил: генерал привык к ночному бодрствованию и не отличает дня от ночи.

Положа руку на сердце, признаюсь, что не испытывал ни малейшей обиды на генерала. Пытался его понять, отдавая себе отчет в недостаточности собственного опыта. Работу в дивизионке воспринимал лишь как исполнение приказа. Ни малейшего трепета, а тем более любви она у меня не вызвала. Уже светлело, когда генерал, в очередной раз изменив приказание, касавшееся меня и Прокопа, отпустил мою грешную душу на покаяние. Велев передать начальнику политотдела дивизии Майсурадзе его требование улучшить руководство многотиражкой, наказать виновных в опечатках и еще что-то. До расположения дивизии, выведенной во второй эшелон, я добрался в середине хмурого дня, так не соответствующего празднованию по случаю награждения 140-й за победные бои на подступах к Львову. Доложил полковнику Майсурадзе, внимавшему без особого интереса. «Послушай, может, мы чего-нибудь не понимаем, но какая разница: “добивали” или “доколачивали”, а?» Его некрасивое, но удивительно живое лицо передавало настроение. Он не мог взять в толк, зачем меня вызвали к генералу Ортенбергу, зачем тот всю ночь полоскал мне мозги. И вообще, из-за чего тарарам. «Мы сами знаем, кого наказывать. Товарищ Сталин и товарищ Ортенберг пускай не беспокоятся». Говорил он с сильным акцентом. Но политическими штампами не пользовался. Не употреблял, например, слово «идейность», пренебрежительно относился к печати («это для тех, кто не умеет работать своей головой»). Высшая похвала командиру, политработнику – «шустрый», слово звучало как «шюстрый». Это значит умный, смекалистый, смелый, самостоятельный в поступках. Покровительствовал тем, кто помоложе, – Роману Кудряшову, Симе Воловикису да и мне могло сойти с рук то, за что распекал других. Не прощал малейшей трусости, даже намек на нее.

Воспитанник грузинской погранзаставы, депутат Верховного Совета первого созыва (тогдашних депутатов именовали «членами правительства») Арчил Семенович никогда не козырял своим депутатством и вообще «чины и звания нас не интересуют». Вместо «я» употреблял «мы», безотчетно следуя традиции русских императоров. Его поведение, его реакции настолько отличались от ортенберговских, что я испытывал растерянность. Меня прямо сразила несхожесть восприятия двумя начальниками одних и тех же фактов. За этой несхожестью – мне еще предстояло убедиться – стояло очень многое.

«У людей праздник, а у тебя похоронное лицо. Дуся, налей ему». Дуся, солдатская повариха, ставшая женой начподива, выполнила приказ своего нового мужа, первый, летчик, погиб в начале войны.

Прежде чем обратиться ко второй встрече с Д.И. Ортенбергом – она случится спустя более чем два десятилетия – несколько слов о дальнейшей судьбе А.С. Майсурадзе. В конце войны он пошел на недолгое повышение – стал членом Военного Совета одной из армий. Вызванный в Москву, попал в группу инспекторов Главпура. Прирожденный комиссар (в 1941-м принял командование группировкой пограничников и вывел ее из окружения), на Гоголевском бульваре он чувствовал себя не в своей тарелке. Депутатство его завершилось. Приехав после войны в отпуск домой, я навестил Майсурадзе в его квартире на Ленинградском проспекте. От этой встречи остался в памяти один вопрос, не требовавший ответа: «Тебе не кажется, пока там шла война, здесь что-то изменилось?» Судя по его гримасе, изменилось не к лучшему. Смерть, безуспешно подкарауливавшая его на фронтовых перепутьях, дождалась своего часа спустя пять лет. В лефортовском госпитале имени Бурденко он умирал от скоротечной болезни крови. Я навещал его в эти последние дни и хоронил...

С Д.И. Ортенбергом судьба свела меня во второй половине шестидесятых, когда «Новый мир» напечатал мою статью «Легенды и факты». Откровений она не содержала. Лишь настаивала на приоритете исторических фактов в художественной прозе, публицистике, мемуарах, претендующих на документальность. Зачем уверять, будто залп «Авроры», прогремевший над Питером, задел Зимний дворец, если был лишь один-единственный холостой выстрел? Зачем уверять, будто 23 февраля 1918 года стало днем рождения Красной Армии, поскольку в этот день одержаны победы под Нарвой и Псковом, когда побед таких не было, но Ленин подписал декрет о преобразовании Красной Гвардии в Красную Армию? К легендам, выдающим себя за безусловную правду, относится и подвиг 28 панфиловцев над полусотней вражеских танков. Достаточно хоть малость представлять себе боевую ситуацию, чтобы с самого начала сообразить: такое единоборство исключено. Горстка пехотинцев без артиллерийской поддержки не в состоянии противостоять полусотне танков. В лучшем случае подбьют гранатами одну-две машины. Остальные пойдут дальше. Однако мемуарист, настаивая на безусловности события, называл 28 павших героев, приводил последние слова политрука. То есть пытался создать видимость достоверности, хотя от его повествования за версту несло выдумкой. И не только выдумкой, но и спекуляцией на крови.

Впервые о 28 панфиловцах оповестила «Красная звезда». Ее редактор Д.И. Ортенберг в одном из политдонесений наткнулся на четыре строки, сообщавшие о неравном бое без имен, указания места, и послал одного из сотрудников секретариата разобраться что к чему. Имя его приводить не стану, тем более что человека уже нет в живых. Ограничусь инициалами А.Ю. Этот не лишенный ловкости, развязности журналиста, анекдотчик, умел устроиться подле людей, которым, казалось бы, не следует к нему приближаться и его приближать к себе. Но приближались и приближали. Что примечательно само по себе. Если советская желтая пресса отличалась сухостью, официозностью, то А.Ю. приевшиеся блюда умел поперчить либо подсластить. Теперь с полной уверенностью утверждаю: Д.И. Ортенберг прекрасно знал цену А.Ю., но понимал – посланец не вернется с пустыми руками, материал доставит.

Двадцать восемь были перечислены поименно. А было 29. Но один струсил, и его расстреляли. Это должно было сообщить максимальное правдоподобие. Но двадцать восемь имен, названных А.Ю., не только не усилили правдивость, но с самого начала вызвали недоумение. Откуда описание боя, если все погибли? Да, Ортенберг мог лечь на страницу со сталинским текстом и скрупулезно его вычитывать. Но нравственной взыскательности ему порой не доставало. В отличие от А.Ю., фанфаронившего о своем бесстрашии, но не имевшего представления о действительных сражениях, танковых атаках, Д. Ортенберг знал, что такое бой и понимал сомнительность – скажем так – материала, состряпанного сотрудником. Но газета нуждалась в статьях о героях, о победах в неравных поединках. Он заведомо шел на компромисс с совестью во имя благой цели. Сталинизм этому не препятствовал, и когда дошло до проработки статьи «Легенды и факты», встал на защиту газеты и А.Ю. Сам же А.Ю. бился за возможность из года в год наживаться на «подвиге панфиловцев», обновляя название своих публикаций и книжонок. Ему удалось получить поддержку в верхах. Кампания против «Нового мира» достигла очередного пика. А.Ю. ходил именинником. Давид Иосифович держался не в пример скромнее. Но и он видел необходимость отстаивать честь своей некогда газеты. Хотя теперь из статьи Л. Лазарева я узнал, что с понятием «честь» генерал пребывал в сложных отношениях. В 1949 году он не нашел ничего более подходящего, чем обратиться к Сталину с письмом, вопрошая: «Что случилось, почему меня освободили от работы в “Красной звезде”?» Маршал Г. Жуков, издавна друживший с Д. Ортенбергом, велел ему благодарить Б-га, что Сталин отмолчался. «Могло быть хуже...»

*Ἀλλὰ ἐὰν ἴδω ἀπὸ αἰῶνος αἰεὶ τὰ ἰδιώματα τὰ οὐρανοῦ ἀναρπυεῖν ἰτεροῖται ὡς
Ἄϊός ἀδὴ ἐὲν - ἐ τὰ οὐρανοῦ αἰὲς ἰαί - ἀναρπυεῖν διακροῖθ' ἢ γὰρ ἀκρόαί τὰ ἐὶ ἀρπυρὶ ἰαί
δαί τὸ
ἀ ἐὶ οὐρανοῦ ἢ ἀπὸ οὐρανοῦ ἀπὸ ἀπὸ ἐὲν.*

Могло. Но и произошедшее бросает густую тень на генерала. Даже если он не в состоянии был найти ответ на терзавший его вопрос, ничто не мешало хотя бы сохранить достоинство. Но, как видно, подобострастие, которым Давид Иосифович поучительно гордился когда-то передо мной, разъедает душу. Такое уже трудно оправдать. Тем более, что его официально предупреждали о многочисленности «этих» в редакции «Красной звезды». Он словно бы забыл, что и сам относится к «этим».

Встретившись однажды в ЦДЛ лицом к лицу, я упрекнул его всего лишь во лжи. Я еще не знал: закрытое судебное разбирательство, где присутствовал и Ортенберг, давно признало этот боевой эпизод липой. 28 имен были собраны с бору по сосенке. Попадались среди них и живые. Были и служившие в полиции. И все оптом – посмертные Герои Советского Союза. Ортенберг оказался жертвой собственной неразборчивости, пособником проходимца. Такое тоже возможно под воздействием сталинизма, притупляющего этическое чутье.

Примечательно, что его верный друг Константин Михайлович Симонов (об их тесной дружбе справедливо пишет Л. Лазарев), возглавив «Новый мир», не нашел себе лучшего зама, нежели А.Ю. Но это, на мой взгляд, не самая серьезная его оплошность. Я вовсе не собираюсь составлять их список. Но, в отличие от Л. Лазарева, воспринимаю К. Симонова как фигуру трагическую. Он поверил в Сталина, и уже не видел, как вера эта ломает его душу, губит его творчество, умерщвляет природное дарование. Я познакомился с Константином Михайловичем в 1955 году, когда он после А. Твардовского возглавил «Новый мир», намереваясь сохранить его авторов, продолжить линию. Намерения были искренними, но что-то мешало их последовательно осуществлять. Человек высокого личного мужества, природного благородства и доброжелательства, изменяя себе, совершал поступки, произносил слова, чуждые ему самому. Полагая, будто именно так надо. Первую половину дня, пока бурно прорабатывали роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», К. Симонов отстаивал публикацию в «Новом мире». После обеденного перерыва, после встречи с кем-то, признал напечатание романа «Новым миром» своей ошибкой. Сколько аналогичных случаев насилия над собой! Ненавидевший антисемитизм, он под незримым нажимом заявлял, будто советские евреи в Отечественной войне защищали интересы мирового еврейства, травил сотрудника «Литгазеты», отказывавшегося публиковать юдофобские фельетоны. Но далеко не все совершалось под нажимом. Никто его не побуждал после смерти Сталина объявить, будто отныне главная задача советской литературы – запечатлеть образ вождя. Трудно представить себе, как Симонов, державшийся джентльменом, в стихах обличал жену своего друга, не желавшую ею оставаться. Мало того, она, судя по слухам, имела роман с иностранцем, следовательно, обрекала себя на арест. Поэт укорял эту женщину: подумать только, она холит свои руки! Самого друга, писателя и тоже корреспондента «Красной звезды», он ни в чем не укорял. Пускай тот, скрывая национальность, прятал отца где-то далеко от Москвы.

В Константине Михайловиче поразительно и досадно сосуществовали противоположные по сути принципы и поступки. К добру это не вело. Человек исключительной работоспособности, внутренней собранности, он трудился, не давая себе поблажек. Постоянно получал Сталинские премии, добившись какого-то рекордного их числа. Премии остались. Едва ли не все произведения – поэзия, проза, драматургия – приказы долго жить. Пишу об этом с горечью. Не только потому, что видел с его стороны доброжелательство. Он вообще был расположен к людям. Умел и любил их слушать, хотел бы им помочь. На собственном опыте мне довелось убедиться: мстительность ему не свойственна. «Правда» опубликовала его пьесу «Четвертый», молодой «Современник» взялся ее ставить. Я никогда не писал о симоновских произведениях. Но тут нарушил зарок и с великим трудом напечатал резко критическую статью. «Современник» поначалу принял ее в штыки, но потом согласился. (Об этом пишет М. Козаков.)

Симонов ни разу не дал мне почувствовать, что недоволен, обижен. Держался так, словно ничего не произошло. Отношения наши могло усложнить то обстоятельство, что он женился на вдове Семена Гудзенко и удочерил его дочь. Но когда однажды в театре подвел ее ко мне, в нем говорил отец, а не отчим.

В конце семидесятых Симонов возглавил группу московских литераторов, посланных в Беларусь на большие учения стран Варшавского пакта. Он следил, чтобы каждому было удобно в гостинице ли, в поле, при встречах с читателями. На улице к нему постоянно обращались прохожие, делились воспоминаниями, впечатлениями. Константин Михайлович внимательно выслушивал любого. Если человек ждал совета, то получал его. Лишь однажды я ощутил в нем некое подобие официальности. Утром мы вместе спустились на улицу, где собирались в ожидании микроавтобуса. У соседнего подъезда толпились военные атташе, ждавшие машин. Симонов кивнул головой в сторону иностранцев: «Сколько шпионов сразу!» – «Стоило ли им ехать ради явного балагана?» Балаган был настолько очевиден, что каждый сколько-нибудь знакомый с армейскими делами не мог этого не заметить. Но Симонов, чувствуя себя при государственном деле, не полагал возможным констатировать такое и застыл с каменным лицом.

В эту минуту давало себя знать что-то напоминавшее давние уже слова его друга Давида Иосифовича Ортенберга о том, как надо ложиться и вылизывать газетный лист. Оба они вдруг ощущали себя официальными лицами и проводили некую генеральную линию.

Д. Ортенберга я знаю недостаточно. Однако относительно К. Симонова отважусь утверждать, что такой стиль ему не свойственен. Здесь все гораздо глубже. Симоновские воспоминания «Глазами человека своего поколения» обнажают степень зависимости этой изначально доброкачественной незаурядной личности от слов, мыслей, поступков другой личности, возмнившей себя «отцом и учителем» и сумевшей навязать этот образ другим. Многие подчиняли свои действия, свое творчество этой словно бы высшей силе. Горькая расплата не заставила себя ждать. Александр Фадеев застрелился, Михаил Шолохов спился.

Вряд ли друзья, окружавшие Симонова, именовавшие его с долей фамильярности «Каэмом», от души радуясь его успехам, видели их кратковременность. Вряд ли пытались помочь ему избавиться от внутренней зависимости, той, что мы сейчас именуем «сталинизмом». Я в этот круг не входил, воспринимал и воспринимаю Симонова как своего рода жертву. Конечно, краснобаи и пустозвоны типа А.Ю. помочь не могли. Но, на беду нашу, не мог и умный Давид Иосифович Ортенберг, пораженный тем же недугом. Он понимал ничтожество Брежнева, но не понимал, откуда взялись такие, каков их генезис. Не замечал своего вольного или невольного соучастия в их торжестве, обернувшимся бедствием для народа и бедой для таких художников, как его верный друг Константин Симонов.

Àí àíòí çàèèþ-àí è'ý

Стремясь следовать напутствию Бориса Пастернака и «дойти до сути», я, продолжая разговор, начатый коллегами, остановился на двух знаменательных фигурах, пытаюсь дополнить, а иногда и оспорить кое-что из сказанного ими. Каждый из нас судит со своей колокольни, норовя одолеть собственные трудности. Всякий раз, вступая в серьезный разговор, так или иначе сопряженный с литературой, я чувствую свою уязвимость. Прежде всего, недостаточно гуманитарное образование. Моему давнему пристрастию к истории военного искусства и общей тактике здесь сослужить службу не могут. Опыт литературно-критических баталий, рассыпанный набор трех книг тоже не ахти какое приобретение.

Не отказываюсь от причастности к «шестидесятникам», но переоценивать ее не склонен. Однако это, как сказал поэт, «личные дела, а порядок общий». Если вести речь об «общем порядке», то я в своих заметках не смог ответить на мной же поставленный вопрос. Хотя проблема, быть может, не менее серьезна, нежели депортация. Почему в конце сороковых и начале пятидесятых не только офицеров-евреев, служивших в армии, но и студентов-выпускников той же национальности зачастую направляли на Дальний Восток? Мне известны случаи, когда вчерашних фронтовиков, снятых с учета по ранению, вызывали в военкомат, забирали документы об инвалидности и отправляли в войска, дислоцированные на тихоокеанском побережье. Как это истолковать? В предвидении войны укрепляли части надежным офицерским составом? Предназначали ему роль пушечного мяса? Проблема эта не всплывала. А жаль. Быть может, кому-то из читателей журнала ответ известен. Если он им поделится, будет стерто еще одно темное пятно.

На Б. Сарнова в данном случае не надеюсь. Талантливый, эрудированный критик, деловой и практичный литератор, он сформировался среди книг. Коридоры литинститута продолжились редакционными коридорами. Школа жизненного опыта – Дом творчества. Малеевские встречи – окно в мир. Там он встретил и Анатолия Аграновского, запомнил его остроту. Я дружил с Анатолием Аграновским, писал о нем и при его жизни и после его кончины. Он был слишком умен, чтобы пробавляться устаревшими остротами. Рассказы Б. Сарнова о давних беседах его жены со своим радиокомитетским начальством, право же, лишь уводят от более серьезных тем.

Надеюсь, Л. Лазарев, будучи опытным редактором, со мной согласится. Его редакторская деятельность достойна высокой похвалы. В наши дни, не имея фактически средств, он сохранил жизнь отличному журналу «Вопросы литературы». Разумеется, подобная деятельность, как и всякая иная, имеет и оборотную сторону. Приучает к оглядчивости, осторожности. Его записки и воспоминания о Симонове обходят острые углы, игнорируют объективный драматизм симоновской судьбы. Я не пытаюсь навязывать собственные взгляды, каждый имеет право на свое отношение к творчеству и личности Симонова. Но есть факты. Их, на мой взгляд, грешно игнорировать. Некоторые из этих фактов либо противоречивы, либо однозначно отрицательны. Л. Лазарев не может этого не сознавать, не может этим пренебречь. Не посягая на его право, лишь напомню: картина, которую мы втроем пытаемся нарисовать, от этого не выигрывает.

Правда, записки «Он был на своем месте» касаются, прежде всего, Д. Ортенберга. По отношению к нему Л. Лазарев держится достаточно независимо, и наброски к портрету, по моему, содействуют решению задачи, за которую, не сговариваясь, мы втроем взялись. Тема важна не только для авторов, но и для читателей журнала. Некоторое разномыслие среди тех и других неизбежно.

ЕЩЕ РАЗ О «РУССКОЙ СТЕПГАЗЕТЕ»

Àéçéé Ááððáéé

Á «Éáðáèì á» çà ííÿáðüí 2002 áíáá íí óáéééíááíá ñòáòüÿ Ì.Ñéíáéüí ééíáá «Ðüííéáÿ ñòáí ááçáòá». Ííá ííðáéááò íáðíí íüí éíéé:áñòáíí íáòí:ííñòáé è áçáíðíí óò çáÿáéáí éé. Ááéá óáééáÿáòüíÿ: éáé òáéíá í íáéíí ñòáíðéòüíá íòííñéòáéüíí íááíéüííé æóðíáéüíí éé í éíüááé?

Объясняю это действием трех факторов. Первый – слабость памяти автора: что ж, такое нередко наблюдается с возрастом. Другой – незнание предмета: еврейских реалий и культуры. И наконец – желание плюнуть в еврейскую советскую литературу: в частности, в такое яркое ее явление, как журнал «Советиш Геймланд». И все это, вероятно, для того, чтобы более убедительно оправдать выбор своего жизненного пути.

Опустим первую часть статьи о литераторе Самченко, пьянице и антисемите: она вряд ли может заинтересовать читателей. Перейдем сразу к той, где автор говорит о желании «сделать что-то посильное и доброе для этого народа». Под «этим народом», очевидно, имеемся в виду мы, евреи, читатели журнала «Лехаим».

Сразу оговорюсь: мы автора об этом не просили, да и не нуждаемся в помощи «дезертира» от еврейской культуры. Так Владимир Жаботинский называл людей, очень уютно устроившихся хотя бы и на третьестепенных ролях в русской литературе и заработавших звание «русскоязычных» литераторов. Дело тут даже не в языке, на котором пишет тот или иной литератор. Важны прежде всего его настроение и для кого он пишет. Мерас писал и даже в Израиле продолжает писать на литовском, Рольникайте и Канович – на русском, Визель – на французском, Маламуд – на английском, но никто не решится назвать этих писателей нееврейскими. Их книги переводят и читают на многих языках.

Несколько слов об истории журнала «Советиш Геймланд». В 1961 году благодаря усилиям и настойчивости Арона Алтеровича Вергелиса этот журнал начали издавать ежемесячно – вначале он выходил раз в два месяца. Вокруг него сложился авторский коллектив примерно из двухсот литераторов, оставшихся в живых и не изменивших родному языку. Многие из них прошли через трудные испытания, ГУЛАГ и ссылки. В Советском Союзе им тогда негде было печататься, за исключением газеты «Биробиджанер штерн», раз в неделю делавшей литературную страницу.

Свидетельствую по собственному опыту: напечататься в журнале было непросто. Во-первых, в ряду действующих были такие мэтры еврейской литературы, как Г. Полянкер, Н. Лурье, И. Шрайбман, С. Гордон, Т. Ген, О. Дриз, А. Вергелис, Х. Бейдер, Шира Горшман, Э. Шехтман, С. Галкин, И. Борисов, И. Керлер и другие. Да и площади журнала были ограничены, поэтому планка для публикации была достаточно высокой. Журнал дал возможность еврейским литераторам жить и высказываться. Он был единственным, и естественно стремился познакомить современных читателей и с произведениями классиков еврейской литературы. Но в то же время был трибуной для критиков и литературоведов, а еще знакомил с еврейским фольклором. Журнал следил и за еврейской эстрадой, а она в те годы была довольно активной: работали Анна Гузик, Нехама Лифшицайте, Клара Вага, Биньомин Хаятаускас, Эмиль Горовец и многие другие. Печатали журнал и новые песни еврейских композиторов и даже завел космический уголок – редакция дружила с космонавтами и несколько раз побывала в Звездном городке. Журнал знакомил читателей и с произведениями зарубежных еврейских авторов. Открывал и новые имена: к примеру, впервые напечатал молодых авторов Бурштейнов – Бронислава и Арона, недавно скончавшегося в Израиле.

Каждому начинающему поэту Вергелис рассказывал притчу о том, что поэтом у евреев стать очень сложно. Ибо первое место в поэзии прочно и незыблемо занял Моисей, второе – твердо оставил за собой царь Соломон, а уж на третье место претендентов так много, что разобраться невозможно.

Журнал просуществовал три десятилетия: больше, чем любое до- и послереволюционное издание в Советском Союзе и за рубежом. Официальной советской цензуры в журнале не было: все было отдано на откуп Вергелису. Поэтому журнал с наиболее возможной правдивостью отразил еврейскую жизнь до начала большой эмиграции. Многие литераторы из авторского коллектива и сейчас активны и возглавляют еврейские издания в различных странах. Назову лишь некоторых: Борис Сандлер, Леонид Школьник, Хаим Бейдер, Зиси Вейцман.

Уверен: скоро придет время, и будет написана история журнала «Советиш Геймланд», символизирующего целую эпоху в еврейской культуре СССР и сделавшего для нашего народа неизмеримо больше, чем все «дезертиры» вместе взятые.

Но кто же такой М.Синельников? О нем «Краткая литературная энциклопедия» – ни слова, хотя о многих еврейских писателях и поэтах там статьи имеются. А ведь хорошо известно: по благу туда было попасть невозможно. В двухтомнике «Избранные произведения» Вергелиса, изданном в 1984 году, действительно есть несколько стихотворений в переводе М.Синельникова. Они рядом с переводами таких мастеров, как Е. Евтушенко, Р. Козакова, С. Наровчатова и др., и выглядят сыроежками, выросшими на одной

поляне с белыми, и имеют довольно бледный вид. Все же это позволяет судить о том, что М. Синельников подвизался на ниве художественного перевода.

Он с апломбом заявляет: «...не хотел переводить стихи члена юденрата», очевидно считая это сильнейшим оскорблением в адрес покойного Арона Алтеровича. И даже не подозревает, что серьезные исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о роли юденратов в годы оккупации. И не знает, например, что в 1942 году евреи города Тучин подняли восстание под руководством местного юденрата, разрушили гетто и ушли в леса. Тут же он утверждает, будто Бялик писал только на иврите. Но это неправда: великий поэт писал и на нашем материнском языке, внес большой вклад в развитие его филологии.

Синельников приписывает Г. Кановичу следующую фразу: «Идиш – не мертвый язык, это – язык мертвых!» Уверен: сейчас в Израиле Канович не повторит той фразы, видя, что на этом языке говорят живые люди, выходит до десятка газет, множество других изданий и книг. Да, чудовищно много носителей этого языка сгорели в пламени Холокоста, но язык все-таки выстоял, хотя и серьезно заболел. И сейчас в мире им пользуется как письменным языком не менее полутора миллионов человек, а в качестве разговорного – 4,5 миллиона.

...Цитирую Синельникова, описывающего свое посещение редакции. Признаюсь: прежде, чем привести цитату, я заглянул в «Наш современник» и убедился, что среди членов его редколлегии и редакции нет фамилии Синельникова, ибо такое мог написать только человек из того коллектива. Прошу прощения за цитату.

«В ожидания выхода главного редактора толпилось несколько авторов изрядного возраста с мечтательными плутоватыми глазами, с пухлыми папками и портфелями, в которых лежали, надо думать, новые произведения. Это была молодая поросль местной еврейской литературы, которая, желая прибиться к какому-нибудь кормящему ремеслу, срочно выучила на специальных курсах язык идиш в его нормативном литовском варианте, стали как-то писать на этом наречии, прежде всего перевели на него свои русские стихи и немедленно оказались видными еврейскими писателями и всем гамузом были приняты в Союз писателей».

Какой же буйной надо обладать фантазией, как ненавидеть еврейскую литературу, чтобы такое написать! То есть – если евреи, то обязательно плуты. Какие же это мифические курсы идиша нужны были Х. Бейдеру, Б. Могильнеру, Б. Миллеру и многим другим с их высшим еврейским филологическим образованием или профессорам Г. Ременнику и З. Либинзону, каждая клетка которых пропитана родным языком, всосанным с молоком матери? И какие же это русские стихи могли переводить на идиш О. Дриз, И. Борисов или С. Галкин? Конечно, молодежи среди авторов практически не было, так как людям, родившимся в конце тридцатых и позже, уже негде было получить даже начальное образование на родном языке. Синельников что-то слышал о диалектах, но не может объяснить: как в литературном идише появился средний род, хотя в литовско-белорусском диалекте его нет.

Кстати, Вергелис с его неиссякаемой энергией пытался исправить и это положение. В литературном институте на высших литературных курсах была открыта еврейская группа: среди прочих окончили ее молодые литераторы М. Пэнс, Л. Беринский, Б. Сандлер, В. Чернин, Г. Эстрайх. Не зря Синельников не приводит ни одной фамилии: нарисованная им картинка явно плод его воображения.

Прежде чем встретиться с редактором, Синельников заглянул в редакционный коридор и – о, ужас! – увидел шутивную стенгазету, да еще, главное, на русском. Наконец-то он их изболел: родной для них все-таки русский, а не идиш! Но в редакции ведь служили всего 5 – 6 творческих работников, так что особой необходимости в выпуске стенгазеты и не было. Бывал там не раз и я, в отличие от Синельникова, и никакой газеты не видел. Так что это тоже плод его фантазии. В редакции всегда звучал милый родной идиш, но не исключением была и русская речь: приходили и частые гости, не обязательно евреи.

Многие из еврейских литераторов занимали свою нишу в литературе, хотя далеко не каждый был принят в Союз писателей. Интересно бы посмотреть реакцию Ширы Горшман, Рахили Баумволь или Любы Вассерман, которых Синельников обвиняет в незнании родного языка. В лучшем случае отреагировали бы, как Михоэлс: таких людей он просто не замечал.

Еще до выхода журнала, с середины 50-х стали широко издавать книги еврейских писателей на многих языках народов СССР, в том числе и на русском. Впервые за долгие десятилетия были изданы в 1959 году три томика на идише наших классиков – Ицхока-Лейбуша Переца, Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема с большой любовью оформленные, притом немалым тиражом – по 30000 экземпляров. Так что ни о каком закрытии еврейской литературы и речи не было.

В конце 80-х даже выпустили букварь, написанный Х. Бейдером, самоучитель идиша Б. Сандлера и большой русско-еврейский словарь под редакцией М. Шапиро, а также ряд других книг. Правда, при начавшейся массовой репатриации и эмиграции все это уже не могло спасти положения: многие еврейские писатели оказались за рубежом да и читатели тоже.

Далее автор пишет о встрече с Вергелисом. Тот, по его словам, был маленького роста: это сказано, очевидно, для того, чтобы на него можно было смотреть сверху вниз. Войну Вергелис провоевал якобы легчиком, хотя в действительности – десантником. Синельников пишет, будто Биробиджан был для Вергелиса решением еврейского вопроса, и тому подобные выдумки...

Конечно, у Вергелиса были некие странности, бросавшиеся в глаза. Например, за все годы работы в журнале он ни разу не побывал в Биробиджане, где родился как поэт, издал первые стихи. Он побывал в 16 странах, но – ни разу не посетил Израиль. Любил декларировать, что был, есть и останется коммунистом до конца своих дней...

Что ж, у каждого свой жизненный путь, но зачеркивать заслуги перед еврейской литературой и культурой никому не должно быть позволено! М. Синельников походя замечает: вдова Переца Маркиша Эстер добывала, а не готовила блюда еврейской кухни, хотя – где их можно было добыть в те годы? Не хочу опровергать эту выдумку, так как Эстер благополучно проживает в Иерусалиме. И если ей попадетсся «Лехаим» со статьей критикуемого автора, можно только представить, сколько нелестных слов будет высказано в его адрес.

В конце Синельников пишет о куйбышевском жителе Юрии Белоусове, имея в виду, скорее всего, Александра Белоусова. Не знаю, как в отношении 52-х языков – скорее, это тоже из области фантазии, – но идишем А. Белоусов владел отлично и хорошо знал иврит: оказывается, и это возможно при желании (по рассказам, обучался у куйбышевского раввина). Эмигрировал в начале 90-х в Израиль и начинал абсорбцию на стройке. В интервью израильскому радио он заявил, что мог бы при его связях и знаниях работать в каком-либо печатном органе, но хочет начинать абсорбцию, как все.

Вот, пожалуй, и все по поводу статьи Синельникова. Остается еще прокомментировать заявление, что он с А. Межировым на дружеской ноге, так же как и с антисемитом Самченко. Что ж, при случае проверим и это. В Европе к концу XIX века бытовала поговорка: «Если дед ассимилятор, то отец – крещеный, а сын – обязательно антисемит». Уже более двух веков жизнь это подтверждает.

***P. S. Àà ì òñòèò ì àÿ -èòàòàèù
çà ì àñèìèèèì èçèèò ðð ðàçèìòù àì ðàèàí èé, ì ì èò àìçàèà ìàì à ñòàòÿ Ì. Ñèì àèù èèìàì***

Êtēūōī āāōōēē

Êāīīēā Dāāçōōīāīēēē

Ā ēāīōī Īīāā āāā Nīēāāīēōūī āūīōōēē āōīōēē ōīī īāīē ēīēā ī dūīēī-āāōēēēō īōīīōāīēyō ī ēīōīōēē āāōōā ā Dīīīēē – «Āāāōē ēāō āī āīōā». Êç-çā āīī ēīē ōāī ēēēē āāōīōā yōā ēīēā, ēīīā-īī, āāāō çāī ā-āīā (īāōāīē ōīī āī īēō īīō īōīāāōīy, āāīōyō, dāçīōāēīy āūī īōīōūīy-īūē ōēōāē – īāūīāēīā āāēī āēy ōāēēō ēīēā).

χōī α, āōīōēē ōīī «200 ēāō» (īī īīīā īāāōēāōāēūīāā īāōāīā) īīēāçāēīy īīā ēīōāōāūīī, īīīāā īōīyīyūpūēī – īōāāā, īā īōīēūēī ā ēīōīōēē dūīēēō āāōōā, īēīēūēī ā īāī īī Nīēāāīēōūīā – īī ē yōī āīīēīā ēpāīīūōīī.

Āāōāēēēē āūyāīē

Солженицына многие считают антисемитом – и «200 лет» дают для такой оценки определенные основания.

Ну вот, скажем, в книге о роли евреев в русской истории нет ни единого упоминания Иосифа Бродского. Не только литературу, но язык и мышление нескольких поколений советских людей не поймешь, не зная «12 стульев» и «Золотого тельца», – но Ильфа Солженицын не упоминает. Зато нашлось место для какого-то никому неведомого А.В. Блюма только за то, что тот в 1920-е годы «мог нагло требовать “убрать исторический” мусор с площадей городов», в том числе памятники Минину и Пожарскому. Да, такие евреи, такие призывы для Солженицына важны...

Больше того – разумеется, подробно на десятках страниц перечисляются «плохие евреи» из партгосноменклатуры, особо тщательно, конечно, о евреях-чекистах, но скороговоркой, менее чем на одной странице – о вкладе евреев в советскую науку и технику. Или вот: в числе членов АН СССР замечены «политграмщики» Митин и И.И. Минц, но не названы крупнейший радиотехник А.Л. Минц, создатель московской физической школы Манделштам, даже трижды Герой Социалистического Труда Харитон и т.д. и т.п. Черт возьми, да чья же роль в истории России была побольше, а уж коли на то пошло, кто стоял поближе к власти – создатель атомной и водородной бомб Харитон, в течение 40 лет директор главного советского НИИ ЭФ («Арзамас-16»), или «налетчик-философ Э.Я. Кольман», который в 1930-е годы «громил московскую математическую школу»? (Кстати, вклад евреев в советскую математику не ограничивался, кажется, «погромами» Кольмана? Но об этом Солженицын не пишет...).

Да, видно каждый ищет своего Минца...

Никак не назовешь это «объективной историей».

Но самое интересное – не текст, а стоящие за ним эмоции. Понять их позволяет такой крохотный по объему, но очень насыщенный чувством кусок. Солженицына почему-то прямо «переклинило» на фигуре некоего генерал-лейтенанта НКВД-МВД Френкеля, которого он считает одним из главных «конструкторов» всей системы ГУЛАГа. Проникновенные строки он посвятил Френкелю в «Архипелаге ГУЛАГ». В «200 лет вместе» опять вспоминает «любимого героя». Цитата большая – но уж больно хороша: «О Нафталии Френкеле, неутомимом демоне “Архипелага”, особая загадка: чем объяснить его странное возвращение в СССР из Турции в 20-е годы? Уже благополучно удрал из России со всеми капиталами...; в Турции уже получил... богатое и свободное положение; никогда не имел и тени коммунистических взглядов. И – вернуться? Вернуться, чтобы стать игрушкой НКВД и Сталина, сколько-то лет отсидеть в заключении и самому зато вершить беспощадное... уничтожение сотен тысяч “раскулаченных”? Что двигало его ненавистно злым сердцем? Кроме жажды мести к России, не могу объяснить ничем. Пусть объяснит, кто может».

Я, понятное дело, никак не могу объяснить «что двигало ненавистно злым сердцем» тов. Френкеля – по полному незнакомству с обстоятельствами его жизни. Но точно могу сказать, что им не двигало и уж никак НЕ МОГЛО двигать, – та самая «жажда мести к России». Слушайте, Френкель – не Солженицын, даже не Березовский. Находясь в эмиграции, он психологически не мог, глядя в зеркало, предаваться переживаниям на тему «Я и Россия», этот русско-еврейско-турецкий спекулянт, не мог ломать голову над проблемой «как нам подрастить Россию». Но даже если допустить, что он был псих с манией величия, задавшийся целью «мстить России» (это за что? За то, что смог удрать из нее с деньгами? И что же тогда удирал от предмета своей «всепоглощающей страсти?»), то как же он мог знать, что ему удастся «отомстить», как он мог, возвращаясь в СССР, твердо знать, что и в ГУЛАГ попадет, но не сгинет там одним из безмянных эзков, а, наоборот, сможет вершить судьбами сотен тысяч людей... Да что он, Френкель-то, дьявол что ли, что наделен такой нечеловеческой, иррациональной ненавистью к России и такой силой предвидения?

И вот в том-то и штука, что да – Дьявол! Именно так его видит Солженицын.

Прошу понять меня правильно. Меня абсолютно не интересует этот самый Френкель – мало ли было палачей-евреев, были и много круче. И Френкель в масштабе истории – ноль без палочки, и история Френкеля не имеет большого значения в «200 лет вместе». Но для понимания Солженицына, его комплексов, этот кусочек очень важен. Именно здесь комплекс «еврея-дьявола» вдруг вылезает. «Сказка о

Френкеле» – не большие, чем оговорка в «200 лет вместе». Но это – та оговорка по Фрейду, которая позволяет заглянуть «внутрь Солженицына».

Это кем же надо быть, это что же надо чувствовать, чтобы дойти до такого ослепления, чтобы на крыльях своих эмоций перелететь через всякое правдоподобие фактическое и психологическое, через любую логику и здравый смысл, абсолютно того не замечая? Банальный бандит под огненным взглядом Солженицына превращается в какого-то оперного Мефисто, а вернее – в антирусского Агасфера...

Причем, у Солженицына это – не случайное «чужачество». Нет, сказка о «еврее-дьяволе» не дает ему покоя постоянно. В «Августе 14» этот дьявол – Богров, из какой-то мистической абсолютной еврейской ненависти к России убивающий русского витязя Столыпина. В «Ленине в Цюрихе» еврей-дьявол – Парвус, действующий буквально как сам Сатана, впрыскивающий Ленину в кровь свою ненависть к России. В «ГУЛАГ» дьявол – все тот же Френкель, «злой волшебник», пронизанный ненавистью к России, по приказу «злого царя» Сталина строящий железную дорогу, моря при этом русских людей. Заметьте, кстати, соотношение сил – ведь «волшебник»-то посильнее «царя» будет... И вот уже не в романе, а как бы в исторической книге опять вылезает пусть крошечное, но дьявольское копытце, видимое сквозь тонкую кожу генеральского сапога Френкеля.

Да, без «еврейского дьявола» художественный мир Солженицына – неполный. Больше того, этот дьявол со своими кознями часто является малой по объему, но важнейшей по содержанию осью, той «тайной пружинкой», на которую крепится вся литературная конструкция, ключиком, который должен завести всю эту систему сложено сцепленных «красных колес», чтоб живо вращались, тикали, звонили, чтоб в романах Солженицына, наконец, потекло историческое время. Беда в том, что ключик-то уродливый, ни в какой замок не влезает, еврейский дьявол подвел Солженицына, как и многих других, до него обращавшихся к тому же благодатному приему. «Красное колесо» никак не вращается – но это уже проблема литературного таланта и вкуса, который всегда изменяет, когда на него начинают давить идеологическим прессом. Словом, дьявольская логика подкачала, сыграла с Солженицыным истинно дьявольскую шутку, стала одной из причин той дьявольской скуки, которая царит в «Красном колесе».

Если все это не есть проявление элементов юдофобии, буквально «фобии евреев» – болезненного страха перед ними, основанного на а) преувеличенном представлении о силах евреев; б) уверенности в их изначальной «метафизической злобе», то что же это? Кроме юдофобии не могу объяснить ничем. Пусть объяснит, кто может.

*«Èi áí íí í ááááá áí ííè òú í áúáí áòèíí àèíí úá
ííè ááí èý í àèíèáá çàò òúá è ò àèíí í.
...Düèí è àèí è
í áðíá ýàèýàò ííáí è àèíè áíáò úé íí áè òð.. í ò ííáò è áè è ò òí í á : àèíáá : áíò àá áí òáí í úò
áàèííá...»*

Юдофобия как художественный прием не менее заразна, чем юдофобия как логический вывод. Она незаметно проникает во все поры уже не художественного вымысла, а исторического анализа. На «сниженном», рационально-бытовом уровне юдофобия в «200 лет» превращается в народное: «умеют же ОНИ устраиваться!» Особо ярко это звучит в рассказах про ГУЛАГ и про войну. Основной мотив – большинство евреев и там и там устраивались «придурками», увиливали от передовой или от «общих работ», скрывались во «второй эшелон» – врачами, парикмахерами, бухгалтерами и т.д.

Подобные «жлобские» взгляды (кстати, тут нет четкой грани между обвинениями в адрес евреев и «вообще интеллигентов», «в очках и шляпе») звучат тем более странно, что сам же Солженицын убедительно опровергает их, приводя реальную статистику участия евреев в войне, наград, числа погибших и т.д. Но «сердцу не прикажешь», и еврей-герой как-то невольно оказывается у Солженицына «просто героем», а еврей-шкурник – «просто евреем».

Ñó: í é è áááá í

И все-таки я не считаю, что Солженицын – юдофоб. Нет, юдофоб не смог бы написать «200 лет вместе» (юдофоб бы и само такое название мог употребить лишь в издевку). Классический юдофоб уверен, что дьявол свил гнездо под кожей каждого еврея, а Солженицын уверен, что далеко не каждый еврей – вместилище дьявола. «Именно о евреях выносить общенациональные суждения наиболее затруднительно.

...Редко какой народ являет собой такой богатый спектр... от светлейших умов человечества до темных дельцов. И какое бы правило вы не составили о евреях, какую бы суммарную характеристику вы ни попытались им дать – тотчас же вам справедливо представят самые яркие и убедительные исключения из того» (с.16). При всей банальности этих слов (и к какому народу их нельзя применить?) юдофоб так не выговорит – никогда. Поэтому-то юдофобия и есть – психоз, болезнь, неадекватность. А Солженицын, при всех своих «заморочках» на еврейскую тему, все-таки – вполне адекватен. Он просто «немножко переименован» антисемитизмом.

Во всей книге видна внутренняя борьба Солженицына со своими антисемитскими предрассудками (которые он, разумеется, не признает). Эти героические рационально-волевые усилия по «выдавливанию из себя антисемита по капле» и задают определенное напряжение книге, составляют ее интригу и интерес.

Солженицын пишет много хорошего про евреев. И это написано так, что веришь – нет, это не вымученная дань политкорректности, «для баланса», для уравнивания злых слов, чтоб не могли придаться критики. Нет, мне кажется, у самого Солженицына есть постоянное внутреннее желание (очень для него трудное) быть не то, что «объективным», но честным не перед еврейскими критиками, а перед самим собой.

Солженицын перечисляет в своей книге множество сложнейших вопросов, собственно, почти все «проклятые еврейские вопросы» им названы.

Какой смысл в понятии «коллективная вина», «коллективная ответственность» народа? Что такое «двойная лояльность» – по отношению к своему государству и Израилю? Должны ли, могут ли евреи занимать первые роли в политике и идеологии стран рассеяния? Правильно ли с моральной, общечеловеческой и собственно еврейской точки зрения, что они пробиваются на эти роли? Каково будущее диаспоры, сохранится ли она или уже в обозримом будущем растворится? И, наконец, кто может считать себя «евреем» и каков исторический, мистический, метафизический смысл существования нашего народа, «народа Книги»?

Но назвать вопросы легко, а не то что дать ответы, но хотя бы сказать в связи с каждым из этих вопросов хоть что-то свое, новое, – бесконечно трудно. И в книге Солженицына как раз нового, оригинального слова найти никак не удастся (я его даже не цитирую – ведь по всем этим принципиальным вопросам он и сам лишь цитирует различные еврейские источники). Винить его в этом нелепо – слишком тут сложные вопросы. «Виноват» он, пожалуй, в том, что слишком «пожадничал», назвав все эти вопросы в одной книге, – замах не по силам.

Из всех этих тем он всерьез обсуждает лишь одну, составляющую нерв всей его книги: о взаимной вине друг перед другом русских и евреев в XX веке.

Конечно, Солженицын прав – если есть коллективная гордость за «своего» Эйнштейна или Пушкина, то должна быть и коллективная ответственность (а то и «вина») за «своих» палачей: любишь кататься, люби и саночки возить. Вопрос деликатный – противно, когда люди впадают в кликушество и «самоненавистничество» (к чему, кстати, евреи, как известно, склонны – подчас и до антисемитизма доходят), но надо уметь тактично и честно признавать ответственность своего народа. Призываю к такому «достойному покаянию» Солженицын и посвятил основную часть своей книги.

Правда, и тут Солженицын, мягко говоря, односторонен. Он приводит многочисленные еврейские высказывания о нашей ответственности перед русскими – и не жалеет горячих слов одобрения, восхищения такими «правильными евреями». Он с сарказмом приводит куда более многочисленные нетерпимые еврейские высказывания, начисто, с порога отрицающие любую вину всех евреев за «комиссаров в пыльных шлемах», да и самих этих комиссаров обеляющие, но настаивающие на односторонней и несмысливаемой вине русских перед евреями. Да, таких «упертых» много – тут к Солженицыну вопросов нет.

Вопрос другой. В книге о «русско-еврейских отношениях» я не нашел примеров русских высказываний, где русские бы настаивали на односторонней и несмысливаемой вине евреев перед русскими, полностью отрицая при этом всякую вину русских перед евреями. А ведь таких высказываний, как говорится, – вагон и маленькая тележка (я уж не говорю о том, какими

ДЕЛАМИ подкреплялись такие «размышления»).

Вот напиши Солженицын об этом, покажи он контекст 1920-х – 80-х годов, когда далеко не только «русские фашисты», прямо призывавшие (и призывающие сегодня!) уничтожать евреев, но и другие авторы (вроде экс-диссидентов Осипова или Шафаревича) с маниакальной яростью обвиняли евреев во всех бедах России, требовали не только публичного еврейского покаяния (это-то цветочки!), но и доказывали, что с евреями надо активно бороться, бороться ради спасения русского народа – вот тогда-то была бы понятна и ответная неуступчивость евреев, не желавших «прогибаться перед юдофобами». Впрочем, Солженицын тут же может сказать, что это не евреи проявляли «ответную» неуступчивость, а как раз русские авторы реагировали на еврейскую «жестокость». И тоже будет прав – понять, где тут начало, невозможно, история взаимных обвинений и обид бесконечна.

В числе прочих авторов Солженицын с уважением цитирует и Романа Рутмана, назвавшего одну свою статью «кольцо обид». Действительно, удачное выражение: бесконечные, нерасчленимые русско-еврейские и еврейско-русские обиды. Как лист Мебиуса: распутываешь обиду евреев на русских – вылезет обида русских на евреев, и наоборот.

И вывод Рутмана, с которым солидарен Солженицын: «чтобы разорвать “кольцо обид” нужно тянуть за него с двух сторон».

Видимо, Солженицын и видел свою задачу (хотел ее видеть) в том, чтобы потянуть со своей стороны за это кольцо. «И раскаяние – раскаяние взаимное – и во всей полноте совершенного – был бы самый чистый, оздоравливающий путь.

И я – не устану призывать к этому русских.

И – призываю к этому евреев».

Замысел хорош – исполнение подвело. Ибо получается у Солженицына все наоборот, он «перепутал стороны» и тянет то самое кольцо как раз с «еврейской стороны»: в своей книге он «не устает призывать к этому» как раз евреев и мягко-мягко призывает к этому русских. А ведь в таком деликатном деле самое-то главное – не навредить, не обидеть, не перепутать сторону, с которой тебе, собственно, и надо бы тянуть, чтобы разорвать «кольцо обид». Это авторитетному автору-еврею (какому-нибудь «Солженицеру») естественно тянуть «с еврейской стороны», в основном критиковать своих и покивать русским, мол, вам, наверное, тоже есть в чем покаяться, в надежде, что с той стороны его услышит русский автор и возьмет на себя «русскую часть» работы.

«Не судите, да не судимы будете.

Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить.

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

Или как скажешь брату твоему: “дай, я выну сучок из глаза твоего”; а вот в твоём глазе бревно?

Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Да, призыв Солженицына к взаимотерпению и взаимопокаянию хорош, но во исполнение его он, может быть, сам не замечая, частенько лезет в еврейский глаз за сучком, оставляя в русском бревно (или мне по моей пристрастности так кажется?). А так ведь от призывов к покаянию до нового разжигания вражды всего лишь один шаг...

Можно писать о нерасчленимой взаимной вине, **об истинном трагическом «кольце обид», где все втянуто в это кольцо, все крутится в нем, как белка в колесе, где нет виноватых народов, нет невинных народов, а главное – нет народов преступных.** Это – один подход, который много раз декларирует Солженицын. А можно – и так естественно! – стать самозванным судьей, если не уголовным, то хоть спортивным, и вести счет «забитых и пропущенных» голов (человеческих голов!). Можно не писать о взаимной вине, а подсчитывать (только на каких весах?!), кто перед кем больше виноват. Это совсем другая, азартная и популярная игра, которая называется не «200 лет вместе», а «200 лет друг против друга». И Солженицына часто сносит именно в эту сторону, к пристрастной калькуляции обид.

И все же, мне кажется, что книга Солженицына скорее полезна, чем вредна. Не рискну сказать, что «чувства добрые он лирой пробуждал», но все-таки... Не говорю об упертых антисемитах – пусть их милиция просвещает (что она этого не делает – другой вопрос). Но возьмем другого человека, испытывающего антипатию к евреям, но все же отчасти открытого и к доводам разума. Если он прочтет «200 лет вместе», то именно потому, что эмоционально солженицынская критика евреев ему понятна и приятна, именно поэтому он, может быть, с доверием прочтет и другие страницы, где Солженицын действительно пытается понять евреев, где он восхищается отдельными евреями, где он признает и «русскую вину», где он по-настоящему призывает к диалогу. И если прочтет это – может быть, и смягчится сердцем... хотя бы до уровня самого Солженицына? Уже неплохо.

Полезна эта книга и для еврея. Да, многое царапнет, обидит, но если глаза открыты, то не сможешь не увидеть и другого – а вот в этом-то Солженицын неприятно прав! И вот тут – справедливо! Да, есть и нам о чем задуматься, да чего там – есть и в чем покаяться перед русскими, и нечего стыдиться такого покаяния, как трусости и предательства, как заискивания перед сильным...

Глядишь – и тут смягчится гордыня сердца, начнешь и получше понимать русских, почувствуешь лишний раз, что не делится мир *ВОКРУГ ЕВРЕЕВ* на «черное» и «белое» – на мерзавцев-антисемитов и «праведников мира» (**а сами мы «по анкете» являемся только невинными жертвами чужой злобы и глупости – и ничем больше**). Есть много других красок в этом Б-жьём мире. По крайней мере, у меня самого, когда я читал книгу Солженицына (а она мне, честно говоря, все равно не понравилась), такое чувство возникло. Лишний раз обострилось чувство самокритики, без всякой истеричной самоненависти. И – спасибо за это Солженицыну.

И последнее. Вопрос, который на тысячу ладов обсуждает Солженицын, о который бьются головой все цитируемые им авторы, вопрос об ответственности евреев за Советскую власть – этот вопрос устарел. Рухнула эта власть – можно скидывать со сковороды и вопрос о том, «кто виноват». Вопрос этот из жгуче-идеологического становится расслабленно-академическим, собственно историческим. Сегодня и обычные русские куда спокойнее думают о «еврейской вине» за ТУ революцию. И евреи, как только их перестали ТОЙ революцией столь яростно *ШПЫНЯТЬ*, куда спокойнее, куда легче признают ту самую «свою вину» – да, было, чего уж там... В массовом сознании, рискну понадеяться, тот вопрос во многом снят. Кольцо обид не разорвалось – просто жизнь выковала новые кольца, цепь обид стала раскручиваться в другом направлении, связанном уже не с той, а с ЭТОЙ революцией, революцией 1989–1993 годов. Но это уже совсем другая тема, не имеющая отношения к Солженицыну.

Ἰ ἱερά ἀπό οἱ ἰά «Αἰ ἀνά»

Леонид Кацис

*Ἀοιδεῖ οἱ Νίεαί εἰυῖ ἰ Ἀάνοε εἰο ἀἰ ἀνά ἰ ἰ ἰεεε. Ἰ ἰ ἰεεε:εεε οἱ, οἱ εἰ
ἰεεεἰεεε.*

Только теперь можно обсуждать идеологию всего сочинения, не боясь обвинения в том, что оно не прочитано полностью. Нам уже не в первый раз приходится обращаться к труду о евреях автора «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного колеса». Мы высказались об этом тексте сразу же по выходе первого тома. И тогда же получили от редактора и соавтора «Двухсот лет вместе» Н.Д. Солженицыной обвинение в интеллектуальной нечестности за крайне низкую, если не сказать сильнее, оценку источниковой оснащенности первого тома, которому позже были посвящены многие и многие статьи; тома, где, похоже, не осталось уже ни строки, ни цифры, ни факта, которые не были бы оспорены, опровергнуты, уточнены и т.д. Даже поклонники автора, при всем их желании восхвалить своего кумира, вынуждены отмечать недостаточную квалифицированность А. Солженицына при изучении выбранной им темы.

В этом смысле второй том ничем не лучше первого. Та же куца источниковая база, те же бесконечные ссылки на общедоступные энциклопедии, те же попытки открыть миру глаза на «неизвестные» страницы истории. Достаточно того, что практически полностью переписывается общеизвестный сборник «Россия и евреи», созданный в эмиграции и давно перепечатанный в новой России. Немногое, что прибавлено – массивное цитирование не просто широко известных, но и репринтированных уже в наши дни издательством «Гешарим» сборников «Еврейский мир». Прибавились ссылки на книгу того же издательства «Евреи и русская революция» (редактор О. Будницкий), да несколько ссылок на случайные номера «Вестника еврейского университета». Этот орган не был известен Солженицыну во время писания первого тома, а Н.Д. Солженицына выговаривала нам за то, что мы-де лишаем старого писателя права не знать новые источники. Однако во втором томе писатель не полностью воспользовался этим ценным «правом». При минимальном желании в Москве не так уж трудно эти источники добыть, есть кое-что из израильских книг. Похоже, что кто-то из сотрудников писателя заглянул-таки в одну из московских библиотек по иудаике – то ли Еврейского университета, то ли РГГУ. Но познания Солженицына или его сотрудников так и не вышли за пределы курсовых работ, которые нам приходится читать по долгу службы.

*Ἰ ἰ ἰ δαοἱ εἰε ἀποἰ δα εἰοἰ ἰ ἰ εεεἰεε. Ὀεεεεἰεἰ ἰ ἰ ἰ ἀοἰ ἰ οἰ εἰεεε:ἀἰοἰ ἀοἰ
ἰἰ ἰ οἰ δαεεε:ἰ ἰ οἰ ἀοἰ ἰ οἰ εεεἰεεἰεἰ ἰ «22» εἰ «Ἀοἰ ἰ εἰ ἰ ἰ» 70 – 80-οἰ ἀἰἰἰἰ
Νίεαί εἰυῖ ἰ ἰ οἰ ἀοἰ ἰ ἰ εεεεἰεε εἰ ἰ ἰ εεεε εἰ εεεἰεεἰεε ἰ ἰ ἰ εεεε ἰ ἰ ἰ εεεε ἰ ἰ ἰ εεεε ἰ ἰ ἰ εεεε.*

И уж вовсе странное впечатление производит появление в книге ссылок на российские архивы. Что, кроме улыбки, может вызвать сообщение Солженицына, данное при цитировании предисловия А.В. Карташева к книге о «Протоколах сионских мудрецов» – «об этом предисловии мы узнали из книги “Евреи и русская революция”». Именно так и поступают те, кто работает на уровне автора «Двухсот лет вместе»: самостоятельные изыскания проводить в архивах им недосуг. Поэтому и говорить о книге Солженицына как о втором томе исследования невозможно. Да и слишком уж горяч автор. Слишком жжет его тема. И тут, наконец, он становится тем идеологом, каким, в сущности, и является. Ведь только во втором томе он решился сформулировать свое понимание того, кто такие евреи. Утомительно также, честное слово, читать и бесконечные цитаты из одних и тех же источников. Сократить бы эти цитаты, и получились бы брошюрки типа «Россия в обвале» или типа ее предшественницы «Как нам обустроить Россию».

Но претензии автора куда обширнее. Цитируя в немеренных количествах самых различных авторов журналов «22» и «Время и мы» 70 – 80-х годов, Солженицын пытается создать как бы мозаику взглядов евреев на самих себя. При этом выбираются взгляды в основном тех, кто ищет и находит некую вину целого народа – евреев перед целым народом – русскими. Это, собственно, и делают некоторые авторы названных журналов. Только вот в чем незадача. Сам Солженицын все время говорит, что проблемы русско-еврейского сосуществования кончились с началом массовой эмиграции евреев из России и бывшего СССР. А цитирует именно авторов-эмигрантов и не забывает тех, кто хвалебно высказался о его первом томе. Поэтому-то так велико количество лестных оценок, например, М. Хейфеца.

Что же касается авторов журнала «22», которые вполне определенно и отрицательно высказались о первом томе труда, то их (М. Вайскопфа, М. Каганскую, З. Бар-Селла, принявших участие в круглом столе журнала «Солнечное сплетение» в 2001 году) Солженицын цитирует так, как будто ему незнакомы полные тексты статей в «22».

Статьи этих авторов часто были посвящены антисемитским текстам, а не судьбе России. Многие их оценки касались вполне конкретных обстоятельств, событий и книг, а не судьбы России в целом. Солженицын же, вырывая порой отдельные фразы, подстраивает их к своей концепции. Но это прием не новый. Так же, как для читателя «ГУЛАГа» не новы и надоевшие списки еврейских заместителей русских или грузинских большевиков, и отсутствие подобных сведений в случае, если уже нарком-убийца – еврей.

Попахивают марксистской диалектикой в ее примитивнейшем варианте и периодические упоминания о том, что и из украинцев, латышей или кого-то еще можно составить подобные списки. Правда, все это делается для того, чтобы легче отбиваться от критики, которую автор вполне обоснованно предчувствует.

Невозможно не видеть, что целые ку

ски книги выпадают из нее стилистически и идейно. Не хотелось бы думать, что Солженицын начинает превращаться в какого-то Шолохова, за которого кто только не писал.

Однако нас интересует другое. Не то, чего нет в книге, а то, что в ней есть. Ведь использует Солженицын еврейские источники, где евреи обращаются к евреям. Это относится и к сборнику «Россия и еврей». Автор «Двухсот лет вместе» считает себя вправе выбирать для сегодняшних евреев ту из доступных ему внутриеврейских позиций, которая его устраивает.

По этому поводу нам вспоминается высказывание одного еврейского философа, который писал, что предлагать еврею ассимилироваться или наоборот может только еврей. Предложения же с другой стороны неприемлемы. Нечто подобное писал о высказываниях иностранцев о России и А.С. Пушкин... Неприятие подобного – не только еврейская черта.

Солженицын идет еще дальше. Он настойчиво повторяет высказывания самых разных евреев, по большей части – крещеных, о вине евреев перед неевреями. В списке подобных «мыслителей» мы находим, например, имя Н. Коржавина, которому приходила в голову идея считать гибель евреев в Бабьем Яру от рук немецких и украинских убийц платой за участие евреев в коллективизации. И не смутило Н. Манделя то, что гибли в Яру жертвы тех же самых процессов.

Надо заметить, что и бесспорный (внешне) «Доктор Живаго», упоминаемый в книге, не вызвал восторга в национально ориентированном еврейском и израильском кругах, но рецензия на «Двести лет вместе» не вмещает анализ этой проблемы.

Солженицын не видит своей бестактности, считая, видимо, что национально мыслящих евреев в России уже нет вообще. Здесь есть лишь те, кто утратил все еврейское или просто крестился. Таков и блистательный Галич, которому в книге Солженицына посвящен целый раздел.

Сам фактор крещения того или иного героя книги не должен был обходиться автором, если он обращается к евреям с каким бы то ни было посланием.

Вся путаная мозаика приведенных в книге еврейских позиций – коммунистических и антикоммунистических, агрессивных и покаянных, религиозных иудейских и еврейско-христианских – это и есть еврейство XX века с его сомнениями и проблемами, бедами и радостями и в России, и вне ее. Претензия же Солженицына решить, кто здесь прав – смехотворна.

Мы не видим смысла спорить сегодня с Солженицыным всерьез. С ним спорили обо всем этом и близкие ему когда-то Е. Эткинд и Л. Копелев, далекие, мягко говоря, от еврейского национализма и даже – еврейства, спорил друг писателя Теуш, о чем пишет сам автор, и т.д. Это споры времени создания «Красного колеса» и «Теленка», «Наших плюралистов» и тому подобной публицистики. Все это осталось в 70-х – начале 80-х годов XX века и относится уже к истории, как и книга «200 лет вместе», смело датированная почему-то 2002 годом.

Таков результат вливания старого вина в новые мехи.

Кацис, Мандельштам и этика любви

Ἐπί τῃ Ἐπιπέτῃ

Ἰπὲρ τὴν ἀντιθέσιν ὁδῶν :

ἰ σὺν τῇ ἐπιπέτῃ ὁδῶν

Ἰ. - Ἐπιπέτῃ : Ἰ πῶς

ἐπιπέτῃ ὁδῶν (Ἀποστέλλει), 2002 — 600 ἰ

Ἰ ἐπιπέτῃ Ἰπὲρ τῶν ὁδῶν

Новая книга известного литературоведа Леонида Кациса посвящена выявлению и анализу еврейских (как религиозных, так и светских) источников поэзии и прозы Осипа Мандельштама. Монография – итог почти десятилетних штудий автора, многие ее главы публиковались ранее в виде отдельных статей в научной печати.

Еврейские мотивы в творчестве Мандельштама не впервые привлекают внимание исследователей. Начало научному изучению этой проблемы положили вышедшие десятилетия назад и ставшие классикой современной русистики работы Кирилла Тарановского и Омри Ронена. Впрочем, серьезных трудов на эту тему с тех пор появилось немного: сегодня рассуждения о еврействе Мандельштама стали, скорее, уделом патриотически озабоченных «филологов». То главный редактор «Нашего современника» Станислав Куняев осчастливит поэта, признав его «своим», то какой-нибудь Александр Андрушкин в газете «День литературы», напротив, отлучит Мандельштама, Пастернака тож, от русской культуры, попутно обвинив первого в «откровенном сатанизме».

Между тем, потребность в ответственном разговоре на эту тему назрела давно. В отсутствие «еврейского» комментария к творчеству Мандельштама множились разной степени научности работы, посвященные изучению христианского пласта его творчества. В этих условиях монография такого знатока русской литературной иудаики, как Л.Кацис, охватывающая широкий круг текстов, в том числе и вовсе не рассматривавшихся ранее в еврейском контексте, безусловно, послужит восстановлению равновесия.

Впрочем, рискнем заметить: абсолютизация любого из подходов современного мандельштамоведения одинаково малопродуктивна. «Семантическая поэтика» Осипа Мандельштама построена на аккумуляции в одном тексте самых разных, порой даже несовместимых, противоположных смыслов. Здесь господствует принцип «и – и», а не «или – или». Поэтому-то «снег на черных пашнях» и «домашние виноградники» не разводятся по разным «картинкам», а оказываются деталями единого пейзажа. Поэтому, скажем, «христианский» комментарий С. Аверинцева и «иудейский» комментарий Л. Кациса к одному и тому же стихотворению вполне могут быть прочитаны не как противоречащие друг другу, а как взаимодополняющие: почему бы герою «Посоха» не оказаться одновременно проекцией авторского «я», Чаадаевым, Моисеем и Иосифом? Оптике Мандельштама это не противоречит. На наш взгляд, это замечание принципиальное: при чтении книги необходимо помнить, что перед нами не целостная картина, а лишь фрагмент таковой, пусть и очень важный.

Другой вопрос, который хотелось бы затронуть в связи с книгой Л. Кациса, – вопрос о методе. Интертекстуальный анализ, адептом которого является автор, сегодня в глубоком кризисе, вызванном прежде всего отсутствием четких критериев верификации и, как следствие, откровенным произволом при указании подтекстов. Сложные исследовательские построения нередко опираются в большей степени на веру, нежели на доказательства. В случае Л. Кациса ко всему сказанному добавляется и то, что задачу исследователя он понимает не столько как поиск параллельных мест к произведениям Мандельштама в еврейских текстах, сколько как опыт реконструкции мышления поэта. Как попытку с опорой на иудейские и русско-еврейские источники ответить на вопрос: что должно было означать для Мандельштама то или иное слово, понятие, в соответствующем контексте? Естественно, такой подход не способствует превращению литературоведения в точную науку – логически доказать (а равно и опровергнуть) здесь ничего нельзя: «в подтексты можно только верить»...

Доктора Зигмунда Фрейда однажды спросили: что означает увиденный во сне шкаф? «Иногда шкаф – это просто шкаф» – после непродолжительного размышления ответил отец психоанализа. Но приверженец интертекстуального метода не верит, что в литературе шкаф хотя бы «иногда» может быть равен шкафу. Текст без подтекста для него просто не существует. Он никогда не пожертвует «сопряжением далековатых вещей» ради ближайших ассоциаций и простых решений. Зачастую, как можно увидеть по книге Л.Кациса, это приводит к результатам парадоксальным.

Остановимся на «цветаевских» главах монографии. Сначала обратимся к страницам, посвященным отношениям М. Цветаевой и А. Бахраха (ч. II, гл. 18,19). В 1926 году Цветаева на вилле у Черновых встретила Бахраха и весь вечер говорила с ним о будэне – свиной кровяной колбасе, изготавливаемой на местных бойнях. Кацис предполагает, что разговор этот Цветаева начала, желая оскорбить Бахраха. Предполагает, вероятно, не без оснований: едва ли Цветаева могла не почувствовать, сколь неуместна эта тема в разговоре с «типично-еврейским молодым человеком» (ее выражение). Дальше,

однако, начинаются вопросы. Почему исследователь убежден, что Бахрах должен был уловить в застольной беседе «обертон» бессмертного мотива, который именуется «кровавый навет»? Разве для оскорбления недостаточно было простого упоминания свинины с кровью? Но даже если Цветаева и хотела намекнуть на «обвинения евреев в питье христианской крови» – почему для этого она должна была прибегать к столь сложному подтексту, как рассказ Г. Гейне «Бахрахский раввин»? И Цветаева, и Бахрах безусловно узнали о «кровавом навете» не из текстов немецкого автора, и никаких конкретных параллелей с описываемым эпизодом произведения Гейне не содержит. Но – тогда при чем здесь «Бахрахский раввин»? А при том, что подтекст в любом случае должен быть обнаружен – в этом, собственно, и состоит цель анализа текста у приверженца подобной методологии. Его просто не может не быть: если он не замечен на первый взгляд – значит, надо копать глубже. В результате такой априорной исследовательской установки интересный анализ фрагмента цветавских «Сводных тетрадей» оказывается перенасыщен необязательными отсылками то к Гейне, то к В. Жаботинскому.

Следующий эпизод касается уже непосредственно взаимоотношений Цветаевой и Мандельштама (ч. II, гл. 21). Возмущенная «Шумом времени» Цветаева пишет «Мой ответ Осипу Мандельштаму». Опять «кровавый навет», только на этот раз в качестве подтекста, по предположению автора, выступают работы В. Розанова. Опять Жаботинский. Однако, по-видимому, и здесь все обстоит намного проще. Затрагивает ли Цветаева, нападая на Мандельштама, еврейскую тему? Затрагивает. Только делает это, как и в случае с Бахрахом, без всяких шифров и кодов, практически прямым текстом: «Революционность Мандельштама не с 1917 г. – вперед, а с 1917 г. назад. Не 1891 – 1917 (как он этого ныне хочет), а с 1917 г. – 1891 г. – справа налево (курсив мой – М.Э.), ложь». Как видим, техника «нападения» та же, что и в предыдущем случае: там упоминается свинина с кровью, здесь идет вполне прозрачная отсылка к еврейской письменности. Однако именно этот фрагмент цветавского ответа Мандельштаму, имеющий, по нашему убеждению, самое прямое отношение к затронутой Л. Кацисом проблеме, не был исследователем отмечен и прокомментирован: он для него слишком прост, слишком очевиден и именно поэтому неинтересен.

Сказанного, как кажется, достаточно, чтобы отметить едва ли не основную черту исследовательского почерка Л. Кациса: избыточность его анализа, порой уводящего читателя чересчур далеко от непосредственного предмета рассмотрения. Используя выражение С. Франка, назовем это «этикой любви к дальнему» в ущерб ближнему, спорному в ущерб несомненному, гипотетическому в ущерб доказуемому, сложному в ущерб простому. Впрочем, в науке самое невероятное, на первый взгляд, предположение может оказаться перспективнее, нежели постулирование очевидного. А вдруг Цветаева и впрямь не могла слова сказать о кровавой колбасе, чтобы не вспомнить при этом Гейне?..

Íáíðáèòè÷íúáííáòú ìðáèòè÷ííá ìíèèòèèá

*Ááííýì èí Íáòáííýóá
Áíèíá ñ òáððíðèçì ìì.
Èáè ááí ìèðáòèè ì ìáò ìáíáíðè ìíðáèáíèáííðè
ì áèèáóí áðíáí íá òáððíðèçì á
Íáð ñáíæ. — Í. : Áèííèíá
Íááèèèáð, 2002 — 207 ñ*

Ì áðèý Ðáèúó

*Ýèííðáí úáð Èçðáèèý, á òáíáðí ì èíèèòð èíííððáííúó ááè á ìðáèòèèèíðáá Áðèýý
Ðáðíá, Ááííýì èí Íáòáííýóó èçáíðáí íáíáè æáíðèíè è ááíèíì ìðíì èíííèè ìíçèòèèè áí áíáí, ÷òí
èáííáòíý áðáí èçðáèèèèíèíá èííóèèèòá «Áíðíáá ñ òáððíðèçì ìì» — áí áèááíúé èíçíá èáèèá áú
ìííòú ìí ìá çáíèíáè. Ñ òáððíðèçì ìì áèý Á. Íáòáííýóó íáýçáíá ìá òíèúèí ìíèèòè÷áíèáý
ááýòáèííííòú ìí è áíèúóáý èè÷íáý òðááííèý. Áí áðáí ý áí òèòáððíðèíðè÷áíèíè ìíáððèè á Ýíòáíáá
(Òáí áá) á 1976 ááò ìíèá áí áðáò Èííáòáí.*

Первое издание книги Б. Нетаньяху появилось в 1995 году, второе, снабженное специальным предисловием – после событий 11 сентября. В ней Нетаньяху суммирует опыт борьбы разных стран с таким явлением, как террор, анализирует положительные и отрицательные стороны тех или иных политических решений, предлагает свои варианты действий.

Вопреки ожиданиям увидеть борьбу с терроризмом в свете арабо-израильского конфликта, читатель найдет в книге более широкий взгляд на проблему: суть противостояния кроется не в тысячелетних противоречиях двух народов, а в ненависти исламистов-фанатиков к западной цивилизации. Израиль же как «чистейший образец западного прогресса и свободы» – это «всего лишь “вставной номер”, так сказать интермедия. Главный объект – Америка». Поэтому Израиль и США в терминологии исламистов-радикалов – «Маленький Сатана» и «Большой Сатана».

Говоря о мерах борьбы с терроризмом, Нетаньяху не мог обойти вопрос о гражданских свободах, которые должны «корректироваться политическими реалиями». Рассуждая о положении дел в США, Нетаньяху противоречив в своих оценках. С одной стороны, в стране нет и не было «идеологических предпосылок» для появления отечественных террористических организаций, с другой – бесконтрольная иммиграция и чрезмерная забота о демократических свободах способствовали проникновению и развитию террора. А непоправимой ошибкой Израиля политик считает уступку сектора Газы Арафату.

Российскому читателю любопытны будут страницы, посвященные размышлениям об истоках и эволюции европейского и советского терроризма. На первый взгляд, Беньямин Нетаньяху написал руководство к действию для Запада, США и вообще стран, готовых противостоять международному терроризму.

Последняя глава «Что необходимо делать» включает десять пунктов, своего рода заповедей, написанных на основе «Всеобъемлющего закона о борьбе с террором», принятого администрацией Клинтона после взрывов в Оклахома-Сити в 1995 году. Среди необходимых мер – санкции к террористическим государствам, замораживание счетов в западных банках, обмен информацией, добытой разведками. Самое главное – применение санкций к тем, «кто поставляет ядерную технологию террористическим государствам», – имеет непосредственное отношение к нам.

Остается неясным, кому все же адресована книга? Занимаемые Б. Нетаньяху на протяжении политической карьеры посты – представителя Израиля в ООН, заместителя посла Израиля в США, наконец, премьер-министра – предоставляли ему достаточно возможностей высказать свою позицию. Надо полагать, что эта книга своего рода политический ход, – дань уважения Америке как единственной реальной союзнице Израиля, а также повод еще раз сказать о необходимости взаимного и обоюдого сотрудничества.

Книга, безусловно, должна вызвать интерес в России. Многое из того, что пишет Нетаньяху, близко и нашим политикам, и рядовым гражданам. Хотелось бы только избежать неверных аналогий между историческими судьбами нашей страны и Израиля.

К сожалению, об этой книге нельзя сказать: «Появись она чуть раньше, многих трагедий удалось бы избежать». Вышедшая в 1995 году она не помешала событиям развиваться так, как они развивались. То ли к советам не прислушались, то ли история международных конфликтов, террора и антитеррора не укладывается в готовые схемы и решения, пусть даже предложенные таким опытным политиком, как Нетаньяху.

ААІАОЕН

Ааіааі І аәаі оә

Вынимая ключ из кармана и отпирая дверь своей тесной квартирki, Морис Розенфельд смотрел на себя со стороны. Еврейский актер видел свои седеющие волосы, поникшие – следствие разочарований – плечи, сардоническую угрюмость лица, подчеркнутую изогнутой линией рта. Розенфельд повернул ключ в замке, сознавая, что отлично играет роль. В повороте ключа сквозит трагизм, подумал он.

– Кто там? – донеслось из квартиры.

Розенфельд – он не ожидал, что дома кто-то есть, – толкнул дверь и увидел, что окликнула его дочь... Софи лежала на кровати – если ее сложить, она превращалась в диван, а спальня в гостиную. В квартире имелась еще одна комната, поменьше, там спал Розенфельд с женой, плюс ниша – она служила кухонькой. Когда отец работал и поздно приходил домой после спектакля, Софи ставила вокруг своей кровати три ширмы, чтобы ее не будил свет: отец зажигал его, пока разогревал себе молоко перед сном. Ширмы служили и другой цели. Стоило Софи поссориться с отцом, она отгораживалась от него ширмами, и пусть себе бушует, сколько хочет. Без нее бушевать было неинтересно, он замолкал, дулся. А она устраивалась поудобнее на диване, читала журнал, – у нее была своя лампа – и благословляла ширмы. Они давали ей возможность уединиться и не унижаться до препирательств.

Ширмы были составлены в угол, и Розенфельда удивило, что дочь в постели.

– Что с тобой? – спросил он.

– Нездоровится, – ответила она.

– Где мама?

– На работе.

– И сегодня у нее работа?

– У нее было полдня свободных. Она работает с пяти до десяти.

Розенфельд обозрел комнату. Стол в нише не был накрыт, а ведь дело шло к ужину.

– Она мне оставила поесть или что?

– Нет, она думала, ты пообедаешь с Марковицем. Что-нибудь вышло?

– Нет, – сказал он. – Ничего не вышло. Еврейскому театру хана. Как началась эта война, евреи стали сидеть дома. Все, кроме евреев, уходят из дому, чтобы забыть свои беды, а евреи – евреи, они сидят дома и нервничают. На Второй авеню* сегодня как на кладбище.

– Для чего Марковиц хотел с тобой встретиться?

– Бенефис, я знаю. Хочет, чтобы я играл в бенефис Айзека Левина.

– Не беспокойся, – сказала она, – у тебя был хороший сезон в прошлом году.

– И что, мне теперь жить воспоминаниями? Но я не такой старый, нет.

Софи не нашлась, что на это ответить.

– Хочешь, я встану, что-нибудь тебе приготовлю? – сказала она.

Он прошел на кухню, заглянул в кастрюли на газовой плите.

– Не надо. Я сам. Тут остались картошка, морковка. Разогрею.

– Поджарь котлету – она в духовке. Мама приготовила ее для меня, а мне не хотелось есть.

Розенфельд откинул дверь духовки, с отвращением посмотрел на котлету.

– Нет, у меня печет живот, когда я кушаю фарш, – сказал он и закрыл духовку.

– Как твой живот? – спросила она.

Он положил руку под сердце.

– Сегодня я имею газы.

Он был тронут ее вниманием.

– Как ты себя чувствуешь? –

спросил он.

– Как обычно. В первый день всегда плохо.

– Это пройдет.

– Знаю, – сказала она.

Он зажег горелку под овощами, принялся помешивать картофельное пюре. Комок на комке. Есть и вовсе расхотелось. Софи, посмотрев на него, сказала:

– Положи в картошку масло.

Розенфельд не сразу последовал ее совету, открыл ледник, лишь когда Софи повторила его.

– Какое еще масло? – сказал он, обшаривая взглядом бутылки, фрукты. – И где здесь масло, где?

Софи потянулась за халатом, натянула его через голову, застегнула молнию. Всунула ноги в шлепанцы.

– Разбавлю молоком, – сказала она.

Он и не хотел, а начал сердиться.

– Мне это надо? Лежишь, и лежи себе. Я сам позабочусь об ужине... тоже мне ужин, – закончил он ехидно.

– Пап, – сказала она. – Не упрямясь. Мне все равно нужно встать.

– Для меня не вставай – мне это не надо.

– Сказала же: мне все равно нужно встать.

– Почему вдруг?

– Ко мне придут.

Он повернулся к ней.

– И кто это придет?

– Пап, давай не будем, что толку?

– Таки кто к тебе придет?

– Я не хочу с тобой ссориться. Мне нездоровится.

– Кто придет, ты мне ответишь или что?

– Эфраим.

– Этот водопроводчик? – В тоне его был яд.

– Па, прошу тебя, не ссорься с ним.

– Кто – я, я буду ссориться с водопроводчиком?

– Ты его всегда унижаешь.

– Кто – я, я унижаю водопроводчика? Это он, он меня унижает своим приходом.

– Он не к тебе приходит. Он приходит ко мне.

– Его приход унижает тебя. Что общего имеет водопроводчик – он и средней школы не кончил, – с тобой? Тебе нужен водопроводчик, нужен он тебе?

– Какое имеет значение, кто мне нужен, папа, мне двадцать восемь лет, – сказала она.

– Только не водопроводчик!

– Он хороший парень. Мы с ним знакомы уже двенадцать лет, со школы. Человек он порядочный, у него неплохой заработок и притом верный.

– Хорошо, – Розенфельд рассердился. – Ну так я не имею верный заработок. Ну же, ну, сыпь, сыпь соль на мои кровавые раны.

– Папа, прошу тебя, не лицедействуй. Я всего-то и сказала, что у него верный заработок. О тебе речи не было.

– Это кто лицедействует, я лицедействую? – взорвался Розенфельд, грохнул дверью холодильника и повернулся к Софи: – Пусть я не имел верный заработок и не всегда мог содержать тебя и твою мать, зато со мной вы имели возможность посмотреть мир, завести знакомство с величайшими еврейскими актерами нашего времени. Адлером, Шварцем, Бен-Ами, Гольденбургом, все они приходили в наш дом. Ты слышала, как умнейшие люди говорят о жизни, о книгах, музыке и всяких искусствах. Ты ездила со мной на гастроли повсюду. И в Южную Америку. И в Англию. И в Чикаго, Бостон, Детройт. Отец твой так играл Шейлока на идише, что американские критики ходили его смотреть и хвалили его до небес, вот какой у тебя отец. Вот как надо жить. Вот это я называю жизнь. С водопроводчиком такого ты не будешь иметь. И кого, я спрашиваю, он приведет к тебе в дом – других водопроводчиков, и они будут сидеть на кухне, говорить о трубах и как починить протечку в уборной? И так надо жить? И это ты называешь разговор? И когда он сюда приходит, он открывает рот? Говорит только – да, нет, как заведенный. Нет, так жить тебе не надо.

Софи слушала отца молча.

– Пап, ты несправедлив, – сказала она невозмутимо, – ты его запугал, он боится разговаривать с тобой.

Ее ответ, похоже, устроил Розенфельда.

– Что ты так торопишься? – уже более миролюбиво сказал он. – Ты найдешь и получше.

– Прощу тебя, оставим этот разговор.

Раздался звонок. Софи нажала кнопку домофона.

– Пап, очень тебя прошу, будь с ним повежливее.

Розенфельд ничего не ответил, повернулся к плите, Софи пошла в ванную.

Эфраим постучался в дверь.

– Входите!

Дверь открылась, он вошел. Рослый, отлично сложенный, чисто одетый. Волосы тщательно приглажены, а вот руки набрякшие, красные: ему то и дело приходилось их отмывать горячей водой, а все равно ладони в мозолях, под ногтями грязь. Увидев, что в комнате только отец Софи, он смутился.

– Софи дома? – спросил он.

– Добрый вечер! – ехидно сказал Розенфельд.

Эфраим покраснел.

– Добрый вечер, – сказал он. – Софи дома?

– Сейчас придет.

– Спасибо. – Эфраим так и остался стоять.

Розенфельд налил в картошку молока, поковырял ее вилкой.

– Так ты теперь имеешь работу на новостройке?

Эфраим удивился такому вежливому обращению.

– Нет, – сказал он. – Мы работаем на военно-морской базе, на новых судах.

– Ну-ну, а на кораблях таки много уборных? – спросил Розенфельд.

Эфраим не ответил. Софи вышла из ванной – она прибрала волосы, повязала голубую ленточку под цвет халату.

– Привет, Эф, – сказала она.

Он кивнул.

– Садись, – она придвинула стул к кровати. – А я прилягу.

Скинула шлепанцы, подоткнула подушку так, чтобы на нее опереться, укрылась одеялом.

Эфраим сел спиной к комнате. За его плечом ей было видно, как отец выложил овощи на тарелку. Потом сел за стол, стал разминать их вилкой.

– Что нового, Эф? – спросила она.

Эфраим сидел, опершись локтями о колени, переплетя пальцы.

– Да так, ничего, – сказал он.

– Ты сегодня был на работе?

– Всего полдня. У меня три недели отгулов.

– Что еще новенького?

Он пожал плечами.

– Слышал об Эдит и Морти? – спросила она.

– Нет, – сказал он.

Розенфельд опустил вилку.

– Они поженились в воскресенье.

– Это хорошо, – сказал он.

– Да, вот еще что. Я купила билеты – на Мэдисон-сквер-гарден будет концерт, сбор в помощь русской армии. Ты свободен в пятницу вечером?

– Да, – сказал он.

Розенфельд бросил вилку на тарелку. Эфраим не повернул головы, Софи не подняла глаз. С минуту они помолчали, потом Софи снова завела разговор:

– Да, запомнявала тебе сказать. Я написала в Вашингтон, чтобы тебе выслали анкеты для поступления в гражданскую службу*. Тебе твоя мама сказала?

– Да.

Розенфельд стукнул кулаком по столу.

– Да, нет, да, нет, – завопил он. – Ты что, других слов не знаешь?

Эфраим не повернул головы.

– Папа, ну, пожалуйста, – молила Софи.

– Да, нет, – вопил отец, – да, нет. И так говорят с образованной девушкой?

Эфраим повернулся к нему и, не опускаясь до пререканий, сказал:

– Я говорю не с вами. А с вашей дочерью.

– И это называется – говоришь. Ты не говоришь, ты унижаешь ее своими да, нет. И это разговор? Нет, это не разговор.

– Я не актер, – сказал Эфраим. – Я работаю руками.

– Ты открыл рот, чтобы меня унижить! Так уже закрыл его.

У Эфраима дрожал подбородок.

– Вы первый меня унижили.

– Пожалуйста, ну, пожалуйста, – просила Софи. – Папа, если ты не прекратишь, я поставлю ширмы.

– И очень хорошо, поставь ширмы, мои глаза уже не хотят видеть твоего водопроводчика, – подначивал ее отец.

– Водопроводчик, по крайней мере, может содержать жену, ей не придется на него работать, – Эфраим вышел из себя, голос его прерывался от волнения.

– Эфраим, не надо, – стонала Софи.

Розенфельд обомлел, но только на миг. Потом побагровел и даже начал заикаться:

– Ты – ничтожество, вот ты кто. Ничтожество, – вопил он. Губы его беззвучно шевелились: подходящие слова не подыскивались. Но вдруг он взял себя в руки, замолчал. Медленно поднялся из-за стола. Скрестил руки на груди, затем воздел их к потолку и перешел – не без умысла – на идиш, речь его текла плавно.

Далеко, далеко за морем в Английской земле жил рабби Моше Монтефиоре. Был он великаном во Израиле, и имя его гремело от одного конца мира до другого. Состоял он главным министром и первым советником английской королевы, и перед ним падали ниц самые важные князья и графы. Даже короли и вельможи чужих стран воздавали ему великие почести.

Обладал Монтефиоре несметными богатствами. Он имел множество колодцев «живого серебра», из которых его слуги день и ночь черпали ведрами, а колодцы оставались полными до краев. А «живое серебро», как известно, дороже обыкновенного; некоторые говорят – даже дороже золота. Можно себе поэтому представить, как велико было богатство Монтефиоре! Жил он в роскошном дворце, украшенном золотом, серебром и драгоценными камнями, имел сотни слуг и выезжал не иначе, как в золотой карете, запряженной восьмеркой лучших лошадей цугом, а впереди бежали скороходы и кричали: «Дайте дорогу властелину Монтефиоре!»

Однако великой славы своей достиг Монтефиоре не властью и богатством, а благими делами на пользу еврейского народа. Если где-то, хотя бы на краю света, на евреев обрушивалась беда, происходило, Б-же упаси, избиение, выдвигался против них навет, гонение или иное преследование, он тотчас ополчался, как лев, в защиту своего народа, бежал к королеве, падал к ее ногам и молил о защите; ездил к королям чужих стран, хлопотал, сыпал червонцами и не успокаивался, пока не отводил меча от головы Израиля. Вместе с этим отличался он большой благотворительностью: строил синагоги, ешивы и богадельни, содержал на свой счет тысячи евреев, изучающих Тору, целые еврейские общины, кормил бедных, поддерживал падающих, утирал слезы вдов и сирот. При всем том был он очень набожен, ни в чем не отступал от закона, строго выполнял все постановления и обряды.

Но так как в мире полного совершенства нет, то кое-чего недоставало и Монтефиоре. Недоставало учености... Не был он, Б-же упаси, неучем, невеждой. Напротив! Прекрасно понимал Талмуд, каждый день проходил установленное число страниц. И не так себе, а со всеми толкованиями и пояснениями. Но... в его учении не было тонкости и остроты, недоставало глубины и полета... И он сам понимал это и огорчался ограниченностью разуменья своего.

В то самое время, когда во всем мире гремела слава Монтефиоре, жил в городе Минске, что на Литве, знаменитый раввин, рабби Гершон-Танхум. И был он тоже великаном во Израиле, и имя его также гремело от одного конца мира до другого. Знал он наизусть весь Талмуд. Не было такой священной книги, которой он не изучил, и не было такого трудного вопроса, в котором не открыл бы новых путей. Душа его была неиссякаемым родником живого серебра мудрости, и сколько ни черпал из него, родник оставался полным до краев. Строил он дворцы и башни высоких соображений и свободно разгуливал по садам и виноградникам величавых сказаний. Свои духовные сокровища раздавал он полными горстями всем, кто прибегал к нему, насыщал голодных, напоял жаждущих слова Б-жья и мудрости Торы.

Однако и рабби Танхуму кое-чего недоставало. При всем своем величии и мудрости был он очень беден. Получал он содержания два злотых в неделю и, имея большую семью, жил в большой нужде и бедности.

И дошел до Монтефиоре слух о ра-

ббви Танхуме и его великой мудрости. И решил он в сердце своем взять рабби Танхума себе в учителя. А если Монтефиоре что-нибудь решал, то ему при таком могуществе и богатстве не трудно было это выполнить. Не стал он долго размышлять, велел слугам запрячь восьмерку самых быстрых лошадей в золотую карету, сел и поехал. Едет и по обыкновению своему кидает из окон кареты по обе стороны дороги горсти червонцев бедным. И даже не оглядывается, кто их подбирает: евреи или не евреи. Ему все равно!

Надо вам знать, что от английского царства до города Минска огромное расстояние. Но какое это имеет значение, когда мчатся на восьмерке быстрых лошадей! Прошло несколько дней – и Монтефиоре уже в Минске. Остановился посреди города и спрашивает, где живет рабби Танхум? Ему указывают маленькую ветхую избушку в переулке позади синагоги. Монтефиоре заходит туда, видит – рабби Танхум сидит за священной книгой. Подошел к нему и говорит:

– Учитель мой, рабби Гершон Танхум. Да будет вам ведомо, что я – Моше Монтефиоре.

Когда рабби Танхум услышал эти слова, он быстро поднялся и прежде всего громко произнес благословение, которое обязательно следует произносить при лицезрении особ царской крови и великих мужей:

– Благословен Ты, Б-г, Г-сподь наш, Царь мира, уделивший из своего величия смертному!

Затем протянул ему руку с приветствием:

– Мир вам!

Монтефиоре ответил приветствием и сказал:

– Да будет ведомо вам, рабби Гершон Танхум, что я решил взять вас себе в учителя. Семье вашей выдам, сколько ей потребно на пропитание, а вас увезу с собой. Будете жить в моем дворце, сидеть за моим столом и из моей руки будете получать на все свои потребности, на одежду и обувь, баню и нюхательный табак.

עַשְׂרֵי אַדְמַת־עֵינֵי עוֹלָם אֵי אֵי אֵי

из Мидраша

Самуил Маршак

... Но однажды он почувал
Ужас близкого бессилья...
Это было в яркий полдень –
В полдень солнечного дня.

Он проник в бездонность неба,
Он влетел, сжигая крылья,
В море радужного солнца –
В бездну знойного огня!..

И упал. Не знают люди,
Где таится он в покое...
Но приют его – не горы,
Не долина, не скала,

Где клюет добычу ворон...
Дно холодное, морское –
Одинокая могила
Одинокого орла.

«Еврейская жизнь». 1906, № 11-12.

СТАРЫЙ ЕВРЕЙ

Г. Аидеи

Дождь мелкий, осенний. Приударит сильнее и опять сеет, как сквозь решето, застилая даль мокрым туманом. Сильный ветер захватит в охапку деревья и гнет их, и летят полужелтые мокрые листья.

Грязные поля, мокрые скирды хлебов на потемневшем жнивье.

Дождь льет и льет, рассказывая злую сказку хозяевам всех этих скирд, как ничего не останется от богатых некогда надежд.

– Ничего не останется.

И старый еврей – тяжелый и большой, грязный и старый, с седой бородой, пригнувшись, едет и смотрит из-под зонтика одним глазом.

Пара лошадей легкой рысцой тащит перегнувшуюся на бок плетушку; азиям ямщика, промокший уже насквозь, блестит от воды, как шелковый, и вода с шапки непрерывной струйкой льет за спину ямщику, – но он сидит неподвижный, как изваяние.

– Охо-хо, – вздыхает старый еврей и опять погружается в туманы своей души.

Осень и там, – идут дожди, и все уже охвачено мокрой пылью осеннего покрова. Старая, никому ненужная жизнь подходит к концу. Только и осталось от нее, что соблюдал законы, не ел того, что не положено, справлял Шабос...

Было худо, думал, хуже не может быть, и стало совсем худо. И когда стало? Когда бросил даже на проценты деньги давать... Дети настояли – ученые дети – хо-хо, – говорят, что неловко... Ну, купил землю... До сената доходило дело: имеет ли право ссыльный еврей в месте своей ссылки покупать землю? Утвердил сенат купчую. Как и не утвердить? Надо же жить где-нибудь человеку. Ну, был виноват – сослали. Болело сердце за старой родиной – другое солнце там, другие люди, – переболело... Двадцать пять лет прошло и привык: новые места новой родиной стали. Жил, маклеровал при продаже имений, на проценты деньги давал... А разве русские не дают? Русский хуже еще: еврей тrefного не ест, а русский всего сразу и с сапогами проглотит... Семен Илларионович четвертую часть в губернии земли дворянской проглотил и не подавился: двести тысяч десятин... Вырубил леса, уничтожил усадьбы, сады, как Мамай, прошел по земле, тройную аренду за землю назначил крестьянам, всех нищими сделал, в кандалы заковал, все проклинали его... А кто проклинает его, старого еврея? За что проклинать? Что купил там золотую брошку у барыни, которую удалось ей спасти, когда Семен Илларионович описывал ее имение и всю движимость? А когда случалось перед самыми торгами уже найти вдруг покупателя по вольной цене, Семен Илларионович разорвать готов был старого еврея и кричал:

– Пропадем от жидов!

А жидов-то всего десять человек на всю губернию, и богатства всех за одну селедку купить можно, а губерния разорена... А скажешь – правды не любят:

– Ты еще рассуждать: погоди, дай срок, жидюга проклятая...

А тут дети выросли, выучились, писать стали в газетах: еще хуже озлились, а все на его старую голову...

Бросил все, купил землю, хотел хозяйничать, как дед когда-то на

Вольни, когда держал имение в посессии.

Хорошо тогда было жить. Быва

ло, по непаханной земле, заскородят только землю и родит хлеб, какого нет больше. Взрослый работник – двадцать копеек... Можно было хозяйничать... Переменились времена: все дорого стало, и паханая не родит теперь больше земля.

Другие люди пришли, другие порядки, и не знал он их... То к нему ходили за деньгами, а теперь сам ищет их, и нет денег: пропали все деньги, убежали из глаз и не видно их, нигде больше не видно...

– Охо-хо...

Так все переворачивается...

Двадцать пять лет прошло, зовет председатель казенной палаты:

– Милость вам: манифест, – прошение...

– Ну, что ж, благодарю. Я старался, все бросил, земли купил...

– Вы больше не ссыльный, вам возвращены все права.

– Очень даже рад я...

– Поэтому вы должны возвратиться назад в черту оседлости.

Смеется...

А все деньги в земле, в хозяйстве. Кто купит землю по вольной цене, когда все знают, что дойдет дело до торгов.

А полиция гонит: уезжай.

В первую гильдию хотел записаться, чтобы получить права: был под судом, – нельзя.

Пошел к Семену Илларионовичу:

– Семен Илларионович, пристав в вашем доме живет: он вас послушает, скажите ему, чтобы позволили мне лишнее остаться, пока устрою дела.

– Я ничего не могу здесь, – сказал Семен Илларионович, – а и мог бы, не сделал. Как пишет твой Соломон? Врага бей. А ты мне и друг не был – и не будешь.

Что делать? Дети разлетелись, кто куда: один за границей, другой в Сибири: новые времена, новые песни...

Нанял приказчика. Ворует приказчик. Не терпит сердце, и едет теперь тайком, как вор, в свое имение старый еврей. Как снег на голову, накроет сразу и все узнает, сам хлеб соберет и продаст, – пусть ворует тогда на пустом месте... Как собрать только, как продать, когда все, может быть, сгниет. А может быть, его приказчик и успел все собрать, чтобы поскорее набить свои карманы? Может, продал уже все или продает, сегодня вечером продаст в ту минуту, когда он будет входить в свой дом?

Ой-ой!.. Поезжай же скорее, что ж ты едешь, как не живой... И кони твои худые, и плетушка твоя хуже телеги трясет.

Трясет и болит печень, и опять пойдут через нее камни: доктор запретил ездить, приказал лечиться, брать теплые ванны. И ванну купил и так и стоит в деревне: теперь где брать ванны? В семьдесят четыре года новая ссылка вышла, а за что?!

Поздно приехал старый еврей и совсем больной. Не ругал приказчика, не позвал даже и сейчас же приказал ванну согреть. Принял ванну, но идут там, в печени, камни, и стонет от боли старый еврей в холодном каменном, мрачном доме. Под высокие потолки уходят его стоны, свечка едва прорывает мрак большой и пустой комнаты.

Когда-то с торгов купил он это имение и клял владельца, когда, приехав, не нашел никакой мебели. Хотел купить новую, да так и не собрался.

Ой, как болит там в печени... И зачем купил он тогда это имение?.. Давали отсталого, зачем не взял?

Так и заснул он, вздыхая и охая: старый, тяжелый, рыхлый.

Спит и снится ему нехороший сон: кто-то ломится к нему в двери, чтоб обокрасть его. Проснулся от страха старый еврей и не спит уже, а слышит: стучат к нему в дверь.

– Кто там?

– Отворите: полиция, урядник.

– Что такое? Зачем урядник?

Дверь отворена: толпа людей, урядник.

– Позвольте ваше разрешение на проезд?

– Что такое? Какое разрешение? Я хозяин здесь и имею право...

– Одевайтесь.

– Что такое одеваться? Зачем одеваться?

– Чтобы ехать назад: лошади

поданы.

– Что?! Вон! Не поеду!..

– Тогда этапным порядком отвезут, – вот понятия.

– Какие понятия? Я больной!.. Как вы смеете?! Я губернатору буду жаловаться, я буду телеграфировать министру... Да что вы себе думаете?..

– Насильно оденем – хуже будет...

– Что ж это?! Ну на, возьми...

Старый босой еврей пошел к кровати тяжелой разбитой походкой, вытащил из-под подушки большой грязный кошелек, достал рублевку и протянул ее уряднику.

– Будьте свидетелями – подкупает, – обратился урядник к понатым.

– Что ж это? – растерянно оглянулся кругом старый еврей. Он заговорил упавшим голосом: – Я больной, я старый... Г-споди, за что же?

Он присел на стул, толпа понатых и сам урядник молча потупились:

– Что мы можем? Закон...

В дверях показался в это время рыжий плутоватый приказчик.

Вид этого приказчика сразу вызвал бешеный гнев.

– А, это ты, ты!.. Тебе это надо!.. Моих денег не берут: у тебя больше, чтоб подкупать...

И брань, проклятия сыпались на вошедшего.

– Одевайте его! – скомандовал потерявший терпение урядник.

Старого еврея одели и на руках снесли в плетушку.

Шел дождь, завывал ветер, колыхалось пламя фонарей, ветер рвал старую седую бороду, рвал и уносил последние слова уезжавшего старого еврея:

– Хуже последней собаки!.. И той можно издохнуть в своей берлоге...

Но уже больше ничего не было слышно.

*Èò àààòóòí î-òúàíe àò àáí í úé ñáíòí èé "Í ñ í úú",
Í àò àààòóòí 1901 ãã*

ÀÉÇÈÈ ÀÀÐÌ ÀΘÓÃÃÍ ÀÐ*

Àðåãðåé Èáííåé-

Никого старая Голда, сестра моей бабушки, так не любила, как своего поскребыша Айзика. Послушать ее – только ради него одного стоило родиться на свет, выйти за доброго, но бестолкового сапожника Шимона замуж и принести еврейскому народу – вечному горемыке – такой приплод: пять сыновей и четыре дочери. Приплод был бы еще больше, но двое – близнецы Хаим и Фейга – мыкаться не пожелали и от какой-то бродячей хвори угазли чуть ли не в колыбели.

Сапожник Шимон, прозванный из-за своей круглой, как луна, лысины Муссолини, то и дело корил измученную родами жену за то, что она на людях безбожно путает имена своих любимых чад и только одного-единственного – Айзика – называет правильно.

Голда его не пугала ни с кем. Имя любимчика срывалось с ее уст так же трепетно, как срывается непоседа-ласточка, прилепившаяся на миг к гнезду под стрехой.

Поскребыш Айзик и впрямь заслуживал любви. Кроткий, как голубь, черноокий и волоокий, с огромной копной вьющихся волос, несуетный, он уходил на весь день из дому, бродил по берегу Вилии или по соседней березовой роще, мечтательно вглядывался, наблюдая, как непостижимо струится вода, или подолгу рассматривал загадочные прожилки на резных кленовых листьях, вызывая удивление у большинства йонавских евреев, предпочитавших иметь дело с дарами и красотами природы не в дремучем бору, не на речных откосах, а на уютном местечковом базаре.

Айзик не был похож на своих братьев и сестер и своими непривычными повадками напоминал сердобольному сапожнику Шимону по прозвищу Муссолини скорее странника-скитальца, забредшего ненадолго в местечко и попросившегося к нему на ночлег, чем родного сына.

Старой Голде не раз доставалось, что она делает своему любимчику поблажки и позволяет ему вести себя так, как тому взбредет в голову. Ночами, лежа на допотопной кровати, сооруженной еще тестем Шимона, краснодеревщиком Лейзером, они, бывало, спорили до хрипоты из-за странных наклонностей поскребыша Айзика.

– Ты его своей любовью погубишь, – басил сапожник.

– Кто, кого и когда, скажи мне, погубил любовью? Тебя, старого мерина, я что, погубила?

– Погубила, погубила, – палил холостыми патронами в темноту Шимон-Муссолини. – Хоть мальчика пожалей.

– И не подумаю! Ему – все без остатка... и любовь... и ласку. А тебе, старый мерин, вот что! – И она быстро вытащила из-под байкового одеяла сложенную сдобным кренделем ядреную фигу. – Айзикл будет у нас раввином. Будет, чтобы я так жила!

– Раввином, – усмехался Шимон-Муссолини. – Он будет таким же цадином и гаоном, как я, – с шилом в руке, с гвоздями во рту и с дырявым башмаком на коленях вместо Торы, – отстреливался Шимон.

– Хватит с нас сапожников, краснодеревщиков, портных, гробокопателей, не про нас с тобой да будет сказано, хватит брадобреев и водоносов. Помяни мое слово: наш Айзикл станет раввином.

– Ну и что?

– Как ну и что? – гневалась Голда. – Кто-то должен штиблеты чинить, а кто-то и наши души...

– Уж коли душа прохудилась, то ты ее хоть дратвой сшивай, хоть клеем германским склеивай, ничего не получится – дыра все равно останется.

– Айзикл станет раввином и замолвит за нас перед Г-сподом словечко... – не унималась старая Голда.

– А по-твоему Г-сподь раввинов слушает?

– А кого ж Он слушает, если не раввинов?

– Никого. На то Он и Гсподь. Если бы Всевышний кого-нибудь слушал, Он был бы простым сапожником. Принесли заказ – и принял. Попросили подбить каблук – и подбил да еще в пояс поклонился. Его должны все слушать. Недаром в Писании сказано: «Прикажет солнцу – и не взойдет!» – напомнил он. – Понимаешь, солнце не взойдет! Ладно... Давай лучше спать.

Голда закрывала глаза, и счастливые сны слетались к ее изголовью. Ей частенько снилось, будто она, гордая, с сияющим лицом, в цветастой шали, в туфлях из мягкой хромовой кожи, сшитых старым меринком Шимоном, идет по главной улице местечка в синагогу, медленно, подбоченясь, поднимается на хоры и бросает сверху торжествующий взгляд вниз, туда, где вот-вот в мягких сапожках и в бархатной кипе появится, да что там появится – спустится с небес! – ее бесценный Айзик в белоснежном талисе, со священной Торой в роскошном переплете с золотым тиснением, взойдет на биму, и все богомольцы вмиг перестанут судачить и примутся внимать каждому слову рабби Айзика бен Шимона и завидовать ей, дочери краснодеревщика Лейзера.

Сновидения, начиненные сладкой, как

пирог с изюмом, благодатью, облаком реяли над допотопной кроватью, над вздохами и храпами, над срубленной в незапамятные времена родительской хатой, над застывшим в почтительном изумлении местечком, над всей землей, притихшей и ласковой, как шелковый талис Айзика. Ах, эти пронизанные вещими снами короткие и прекрасные ночи! Если бы всемиловейший Г-сподь послушался

Голду, мать семи еврейских детей. Он отменил бы постылый день, укоротил бы его хотя бы наполовину и за счет этого продлил бы ночь. При свете дня Голда Абрамович (в девичестве Кравеп) чувствовала себя нищенкой, ибо лишалась главного своего богатства – благословенных сновидений.

День унижал Голду бедностью и безысходностью, отнимал у нее надежду – напаяливал на ее Айзика такой же замусоленный фартук, как на ее мужа Шимона по прозвищу Муссолини. Ночь же уравнивала Голду со всеми, даже с бароном Ротшильдом, переносила ее в счастливое будущее, которое представало перед ней в блеске бархата и заморского шелка, в золотом, как на Торе, тиснении, в праздничном сиянии храмовых свечей в серебряных подсвечниках, и потому она подстегивала день, как балагула кнутом зазевавшуюся в дороге кобылу.

Между тем Айзик, как и положено отроку, не морочил себе голову планами на будущее. Он был в том возрасте, когда ночь не замутняется никакими честолюбивыми снами и грезами, а потемки нагоняют скорей скуку и уныние, чем радость.

Учился он без особой охоты, но и без понукания и натуги. Реб Сендер, его первый учитель, на ученика не жаловался, ибо Айзик все схватывал быстро: знал назубок притчи Соломона, читал без запинки псалмы Давида, мог без ошибки ответить, сколько было лет Аврааму, когда он взял себе в жены Сару; на каком году жизни скончался первосвященник Аарон; кому и где из облака явился Г-сподь Б-г. На уроках сидел смиренно и не столько смотрел на доску и на реб Сендера, сколько в окно, за которым, как большая тетрадь, синело небо с редкими помарками-облаками по краям, и, курлыча, над местечком пролетали какие-то незнакомые отважные птицы.

– Ты чего все время в окошко смотришь? – спросил у него однажды терпеливый, как старое дерево, реб Сендер. – Ведь там, кроме крыши пекарни Фаина, ничего не видно.

– Ошибаетесь, учитель. Там видно больше, чем вы полагаете. Окно что книга. Кто откроет и тут же захлопнет, кто примется рассматривать, а кто возьмет и зальет ее, как чернилами, своим равнодушием...

Ответ Айзика поразил реб Сендера, не терпевшего бесплодного суемудрия и замысловатых иносказаний и всегда требовавшего от своих учеников простоты и ясности изложения. Умное слово, как хлеб, – оно и дурню по вкусу.

– Что же, голубчик, случится, если, скажем, его зачернить? Задергивают же люди на ночь занавески, закрывают до утра ставни, и вроде бы ничего в мире не меняется. Каков он был с вечера, таким и назавтра остается. Разве мы должны все видеть? Разве наши веки – не такие же ставни? Все видит только Всевышний. А простым смертным... как мы с тобой, все видеть и не обязательно...

– Простые смертные иногда видят больше, чем видит Он, – произнес Айзик, глядя на оторопевшего Сендера. – Может, поэтому они и страдают столько.

– Не богохульствуй. В своих страданиях виноваты мы сами. Если Б-г в чем-то и виноват, то только в том, что создал нас, – растерянно пробормотал реб Сендер и почему-то стал вытирать платком близорукие глаза.

После уроков Айзик обычно отправлялся на реку. Он спускался с косогора, поросшего чахлыми плакучими ивами, скидывал с себя одежду – полотняные штаны и байковую рубаху, с какой-то медлительной торжественностью входил в воду и, широко раскинув руки, погружался в зеленую, текучую тьму.

Иногда он выпрыгивал из нее скользкой чешуйчатой рыбой и, наладившись щедро брызнувшим на миг светом, снова нырял в пучину. Не очень заботясь о еде, Айзик на час-другой как бы превращался в водяного – водил хороводы с рыбами и, обвив себя водорослями, доверял свое упругое и безгрешное тело течению теплой и ласковой, как коровье вымя, реки, которая навсегда, как казалось Айзику, уносила его из местечка в неведомые, манящие края, туда, откуда никто – ни родители, ни реб Сендер, ни старшие братья и сестры – уже никогда вернуть его не мог.

Он не водился со своими сверстниками и однокашниками, которые целыми днями удили с мостков глуповатых уклек, напоминавших в сплетенном из лозы садке набор потускневших серебряных ножей и вилок. При виде пойманной рыбки Айзик виновато зажмурился, и в его воспаленном воображении возникала не позарившаяся на червяка или муху уклейка, а он сам, беспомощный, бьющийся в судорогах.

Тут, на берегу прирученной реки, ему, отроку, не раз приходило в голову, что неизбежный удел каждого человека на свете – невидимая, непрерывная и безжалостная ловля: меняются только водоемы и удилища, крючки и наживка. Каждый только и делает, что старается поймать на свою приманку другого. Куда ни глянь – всюду ловчие. И учитель реб Сендер, и лавочник Вайнштейн, и даже местечковый раввин. Все, все... И он, Айзик, когда повзрослеет, станет одним из ловчих.

Местечковые мальчишки посмеивались над Айзиком, считали его зазнайкой, богомол, не расстающимся с Торой, обидно дразнили и за нежелание с ними водиться грозили когда-нибудь проучить.

И, уловив удобный случай, проучили. Отличился рыжий Менаше, зачинщик всех школьных драк и стычек. Он ни с того ни с сего предложил хилому, ничего не подозревавшему Айзику померяться с ним на берегу силами и, когда тот благоразумно отказался, неожиданно схватил его своими ручищами-кувалдами, поднял в воздух и под восторженные клики своих закадычных дружков – конопатого Хаима и вислоухого Переца – швырнул на землю.

– Стяните с труса штаны, – скомандовал он своим подручным. – Наконец-то мы узнаем, что у него под пупом – стебелечек и кулечки с семенами или канавка.

– Го-го-го! – дружно грянули Хаим и Перец и принялись за дело. Они навалились на Айзика, сняли с него портки и, кривляясь и пританцовывая вокруг лежащего, закинули их на соседнюю иву.

– Ну? – осведомился невозмутимый Менаше, тряхнув рыжими патлами.

– Девица, – захохотал вислоухий Перец. – Честное слово, девица. Ни стебелечка, ни кулечков...

Канавка.

– Канавка! Так я и думал! – Рыжий Менаше направился к ошарашенному Айзику. – Канавка!

Го-го-го!

– Го-го-го! – вторил жожаку конопатый Хаим. – Какой ты, к черту, Айзик, ты – Ривка! Ривеле!

– Ривка, Ривка, Ривка, где твои косички? – подхватил Перец.

– А грудки где? – изгалялся Хаим. – Грудки дома забыл?

– Го-го-го! – гремело над берегом.

Айзик не сопротивлялся, не звал на помощь, не проклинал своих обидчиков – лежал на траве, уставившись печальным взглядом в высокое летнее небо и что-то тихо и невнятно шептал.

– Он и лежа молится, – распялял своих дружков вислоухий Перец.

– С кем это ты, золотко, разговариваешь? Может, просишь Г-спода, чтобы Он тебе богатого жениха нашел?

– Жениха, жениха! – заржал рыжий Менаше. – Угадал?

– Угадал, – поднял на него глаза поверженный Айзик.

– Небось, ябедничаешь на нас, – деланно возмущался конопатый Хаим.

– Ябедничай, ябедничай. Мы никого не боимся. Ни Господа, ни тебя, безьяикого, – поддержал его вислоухий Перец.

– Кто сегодня не боится, тот убоится завтра, – тихо сказал Айзик. – А теперь верните мне штаны. Подурачились – и хватит.

– Может, тебе еще ширинку застегнуть? – прогудел рыжий Менаше.

– Отдайте по-хорошему, и Б-г вас простит. Дураков Он не карает.

То ли на драчунов подействовала невозмутимость Айзика, то ли заскреблась жалость и смутила его непонятная тирада, но Менаше вдруг великодушно приказал своему денщику – конопатому Хаиму забраться на иву и достать оттуда штаны.

– Возьми свои засранные панталоны, мешугенер, – процедил рыжий.

С тех пор Менаше и его оруженосцы оставили своего однокашника в покое. Лучше с ним не связываться, а то и впрямь в отместку накличет на них беду. За глаза же они с завистливым и упрямым презрением называли его не иначе как Айзик дер мешугенер, и с их легкой руки это звучное прозвище прижилось не только в школе, но и во всем местечке...

Когда об этом узнала Голда, она залилась слезами – имя и веру можно сменить, а прозвище – никогда.

– За что? – спросила она Айзика. – Они же твоего мизинца не стоят... За что?

– Да ты, мам, не расстраивайся. Нет на свете еврея без прозвища. Я не обижаюсь. Если кому-то это доставляет радость, пусть называют. Ведь ее так мало.

– Чего мало?

– Радости.

– Мешугенер! – вырвалось у Голды. – Чем беспокоиться о чужой радости, ты бы лучше научился давать сдачи.

– Вот и ты, мама... – не глядя ей в глаза прошептал Айзик.

– Прости, прости, – запричитала она. – Я не хотела тебя обидеть. Но заруби себе на носу: Б-г только тому защита, у кого кроме доброго сердца и веры еще и крепкие кулаки.

И, сожалея о своем промахе, Голда принялась успокаивать и уверять Айзика, что он самый умный в местечке, что когда-нибудь этот рыжий недоросль Менаше, этот сморчок Хаим и недотепа Перец почтут за честь поздороваться с ним, обрадуются, если он издали в ответ на их шепелявое приветствие кивнет головой. Сын смотрел на нее жалостливо и рассеянно, иногда невпопад перебивал и принимался уверять, что лучшая защита от зла вовсе не Б-г на небе и не крепкие кулаки, а, как это ни страшно, безумие и что это даже очень хорошо, когда тебя считают сумасшедшим. Среди сумасшедших нет ловчих, сумасшедших никакими силами не заставишь жить так, как живут все остальные. Они могут плавать, как рыбы, и летать, как птицы.

Голда слушала и от удивления и ужаса старилась прямо на глазах.

Странности и причуды Айзика она пыталась объяснить его страстью к чтению; его нееврейской тягой ко всяким тварям – к животным и пернатым, к рыбам и насекомым; той пристальностью, с какой он с детства вглядывался в жизнь растений и деревьев, словно собирался провести среди них всю свою жизнь. Однажды встревоженная долгим его отсутствием Голда пустилась на поиски и обнаружила Айзика в березовой чаще, подступавшей к местечку, – он сидел на корявой ветке вяза, под самой кроной, и самозабвенно пересвистывался с какой-то невидимой пичугой. Голда долго и терпеливо уговаривала его

слезть с дерева, но Айзик как ни в чем не бывало продолжал насвистывать, и только когда сгустилась тьма и неистовое ликование пернатых прекратилось, неохотно спустился со своего зеленого трона на мшаник.

– Она назначила мне свиданье. На ветке, – как бы извиняясь, процедил Айзик. – Как же было не прийти?

Не о таких свиданиях для сына мечтала Голда. Но она была вынуждена мириться с его странными выходками – с тем, что он превратил родную хату в больницу для увечных собак и беспризорных кошек, для голубей с перебитыми крыльями, которых он приносил невесть откуда и терпеливо учил их летать.

Собаки и кошки ходили за ним по местечку стадами. Стоило ему появиться, как они заливались благодарным лаем или приветствовали его дружелюбным мяуканьем.

Братья и сестры Айзика не одобряли его увлечений, их раздражала его чрезмерная любовь к животным, а родителям она с каждым днем внушала все большую тревогу.

Как ни убеждал жену сапожник Шимон, будто единственное, что предохраняет разум от порчи, это ремесло, Голда ни о каком ремесле для своего любимчика и слышать не хотела. Айзик, твердила она, будет у нас раввином. Только раввином...

Все попытки Шимона пристроить Айзика подмастерьем к какому-нибудь местечковому искуснику оборачивались неудачей. Ни в одном из своих благословенных снов Голда не видела своего Айзика ни шорником, ни жестянщиком, ни гончаром, ни сапожником, ни парикмахером. Айзик в сновидениях представлял перед нею законоучителем в расшитом золотом камзоле, в окружении верных учеников, которые, затаив дыхание, внимают его поучениям не в пропахшей селедкой и несчастьями Йонаве, не в синагоге мясников, а в заново отстроенном храме в Иерусалиме, когда-то разрушенном дикими и невежественными римлянами. Порой она сама, Голда, возникала в этих снах, помолодевшая лет на двадцать, в праздничном платье, в кашемировой шали, в лакированных туфлях, переживших ее мужа – сапожника Шимона по прозвищу Муссолини и всех прочих местечковых евреев, оставшихся где-то в Литве с ее бесконечными дождями и метелями, с ее придорожными распятиями и хрюкающими базарами...

Голда настаивала, чтобы Айзик поехал учиться в Тельшай, в знаменитую на весь мир ешиву, с потолка которой сочится святость и стены которой просмолены вековой мудростью.

Шимон пытался переубедить Голду, уверял ее, что в Тельшай стены как стены и потолок как потолок и что не мудрость из него сочится, а обыкновенная осенняя плесень, он предлагал Айзику отправиться в Каунас и обучиться у дальнего родственника счету, ибо самый богатый урожай вызревает не в книгах, пусть даже священных, а на мозолистых ладонях. Что руки посеют, то и пожнут.

Но Голда стояла на своем – в Тельшай, в ешиву. Во-первых, так ли уж велика радость обучиться счету и считать чужие деньги. Во-вторых, там, где начинаются большие деньги, кончается еврей.

– Ну это уж ты чересчур, – кипятился Шимон. – Такая беда, как большие деньги, нам не грозит. Что, что, а они у нас, как ты знаешь, никогда не успевают вырасти.

Осенью тридцать третьего, в тот самый год, когда власть в Германии захватил Гитлер, о котором в местечке пустили слух, будто он австрийский еврей и сын сапожника, Голда купила Айзику билет на поезд Каунас-Мемель, испекла пирог с изюмом, дала втайне от Шимона двадцать пять литов (столько же втайне от нее дал и Шимон) и отправила в дорогу.

Она стояла на невымошенном, усеянном изумрудными козьими орешками перроне и осиротевшей рукой боязливо махала прислонившемуся к окошку вагона Айзику, пока раздрызганный, обшарпанный поезд не двинулся с места.

Голда долго смотрела вслед последнему вагону.

– Он будет раввином, он будет раввином, – выстукивали колеса.

Оглашая окрестности надсадным, простуженным гудком, поезд набирал скорость – он стремительно несся по мечтам и надеждам Голды, как по шпалам, вытесанным из терпеливой боровой сосны, и чем тише становился колесный перестук, тем острее от страха и тревоги у нее щемило сердце. А вдруг Айзик не вернется? А вдруг...

Когда поезд растаял в утренней дымке, Голда услышала за спиной нестройный лай и оглянулась.

На перроне, обнюхивая холодные шпалы, кружилась целая свора бездомных собак. Видно, пока Айзик и Голда шли по бездорожью к кирпичному зданию вокзала, бродяжки учуяли, что их кормилец и покровитель, их Г-сподь Б-г перебирается куда-то в другой город, и решили его проводить незлобивым и тоскливым лаем.

Собаки карабкались на железнодорожную насыпь, жалобно скулили и пялили старые, как бы затянутые болотной тиной глаза в ту сторону, куда поезд умчал их заступника и благодетеля.

В местечко Голда вернулась вместе с ними – дворняги, оглядываясь, все время бежали впереди, а она медленно и скорбно плелась за ними.

В первые дни после отъезда Айзика Голда не могла уснуть. Она ворочалась, кряхтела, шепотом, как колдунья, заговаривала темноту, приманивала сон, но перед глазами мельтешили вагоны, собаки да рваные обои.

Потом она немного обвыклась и стала ждать какой-нибудь весточки из Тельшай. До отъезда Айзика Голда и Шимон ни от кого никаких писем не получали. Кому-то кто-то писал из Америки и из Палестины, кто-то кому-то посылал полновесные, заграничные деньги, им же – никто и никогда.

Хромоногий почтальон Викторас годами проходил мимо их хаты не останавливаясь. Когда же он впервые открыл их калитку, Голда бросилась к нему навстречу, а Шимон даже встал из-за колодки и снял замызганный фартук.

Письмо было коротенькое, всего одна страничка, исписанная витиеватым неразборчивым почерком. Голда вертела его и так, и эдак, читала вслух или молча подносила бумажку к крючковатому, похожему на шило, носу, целовала пересохшими губами и повторяла, как молитву: «Жив... здоров... сыт... здоров... сыт... жив... даст Б-г, к весне приеду...»

Айзик и впрямь приехал в начале весны – подгадал к свадьбе старшей сестры Шуламис.

Голда цвела, как весна. Она восседала во главе свадебного стола и, стесняясь своего счастья, глядела не столько на жениха и невесту, сколько на пышные бутоны его пейзажей, на полнолуние ермолки, на глазури лапсердака и на черные чулки, обтягивавшие его длинные, пружинистые ноги, на молитвенник, с которым он не расставался даже за свадебным столом.

– Кушай, Айзик, кушай, – подбадривала она сына. – Дать тебе курью ножку с хреном? Рабби Элиёгу, Виленский Гаон, дай-то Б-г тебе сравниться с ним в мудрости и благочестии, очень, говорят, любил курью ножку с хреном... и гусиную шейку со шкварками...

Айзик только грустно улыбнулся.

Голду смущали его глаза – большие, занавешенные печалью, как зеркала в доме покойника. Он почему-то стал еще более молчаливым, чем прежде, на вопросы не отвечал, только тряс невпопад головой и некстати улыбался.

Свадьбу справили на славу: шум, чавканье, топот, стоны скрипки... Хватившие лишку сваты о чем-то бесцеремонно шушукались, и Голда вдруг заподозрила, что это о нем, о ее поскребыше, и в хате снова угарно запахло старым и обидным прозвищем: Айзик дер мешугенер.

Гость помолился за молодоженов и выскользнул во двор, где его окружили беспризорные кошки и собаки и местечковые нищие, по обыкновению дожидавшиеся того отрадного мгновения, когда свадьба отшумит, и их вдоволь угостят праздничными объедками.

Собаки преданно виляли хвостами, кошки сладострастно, как в марте, мяукали, а нищие расспрашивали Айзика о знаменитой на весь мир Тельшайской ешиве и, нетерпеливо поглядывая на светящиеся окна хаты и прислушиваясь к сытому гудению свадьбы, жаловались на свое житье-бытье.

– Слушай, Айзик! Ты вроде бы с Б-гом на короткой ноге. Он о нас, скажи, думает? – спросил старший из них – Арье по прозвищу Шлимазл*. – Ты же с Ним встречаешься и говоришь каждый день. Не то что мы... Может, Г-сподь Б-г знать не знает и ведать не ведает, что на земле есть нищие.

– Г-сподь Б-г сам – нищий, – неожиданно выпалил Айзик.

– Что?!

– Люди разорили его до нитки... обобрали вчистую... Чем больше мы грешим, тем бедней Он становится...

Нищие испуганно переглянулись. Такого кощунства от будущего раввина они не ждали.

– Ну что вы так смотрите на меня? Г-сподь, как и вы, ходит по миру и побирается, – продолжал Айзик. – Ждет, когда кто-нибудь вместо пригоршни зла и ненависти подаст горсть добра и милосердия.

– Ну и закручиваешь, Айзик. Много всяких нищих мы встречали на своем веку, но Он ни разу не попадался... – сказал Арье-Шлимазл и обратился к своим братьям. – Правду я говорю?

– Правду, – хором грянули нищие.

– Кто же просит горсть добра, когда надо горсть с монетами просить? Только мешугенер, – бросил самый старый нищий Мендель Кривой, неизвестно кого имея в виду – то ли Айзика, то ли Г-спода Б-га.

Отрывивая едой и пересудами, притомившаяся свадьба вывалила на свежий воздух. Разрумянившиеся от веселья родственники и гости заполнили двор, но вскоре сумерки по зернышку склонили радость, и все вокруг опустело и затихло.

Как ни уговаривала Голда Айзика отправиться на боковую, убедить его не удалось. До первых петухов просидел он за опустошенным свадебным столом с побирушками, угощая их медовой настойкой и притчами из Танаха, курьими ножками с хреном и гусиными шейками со шкварками. Сам он не ел и не пил – смотрел на нищесородов как бы с небес и от имени Б-га утешал их, но те слушали его с каким-то жалостливым недоумением, ибо в ту ночь, как и во все прежние дни и ночи, утешения жаждали не их сморщившиеся, изъязвленные унижением души, а желудки...

Под утро Айзик исчез.

Переполюшавшаяся Голда тут же снарядила на его поиски братьев и сестер. Но те Айзика не нашли ни у реки, ни в березовой чаще.

– На деревьях искали? – ломая руки, вопрошала Голда.

– Все обыскали.

От черного отчаяния мать избавил примчавшийся домой Бенцион, родившийся на год раньше Айзика:

– Он ходит по местечку и побирается, как Арье-Шлимазл.
– Горе мне, горе! Г-споди, какой позор, какой срам! Кто поверит, что это он не для себя, а для других.

Когда Айзик вернулся, Голда не сказала ему ни слова. Только потерянно смотрела на него, давясь молчанием и пытаясь вспомнить, повредился ли кто-нибудь когда-нибудь в ее или в Шимоновом роду в рассудке. Как яростно Голда ни рылась в родословных, она не могла отыскать в прошлом ни одного безумца. Все были нормальными. Может, оттого, что больше полагались на свои неутомимые руки, чем на ненадежные извилины в голове. Неужели Шимон прав? Что, если и в самом деле грамота и безумие неразлучны?

– Я знаю, о чем ты, мам, думаешь.

– О чем? – очнулась

Голда.

– Ты думаешь о том, что рыжий Менаше меня не зря так прозвал...

– Что ты городишь?

– Ты думаешь, что я того... что деньги можно собирать только для себя... что никто на ветках не назначает свиданий, да еще с птицей... что если пес хворает и не может сторожить твой дом, его надо сдать живодеру. Ведь так? Но Г-сподь думает иначе. Он велит каждому из нас умерять свою гордыню и хотя бы на один день стать нищим... почувствовать себя хворым и бездомным псом... невинной рыбой на крючке... Скучно, мам, с утра до вечера быть только Айзиком или Голдой...

Голда едва сдерживала себя, чтобы не зарыдать. Она вдруг зажмурилась, как от яркого, режущего глаза света, – ей до боли захотелось куда-то спрятаться от Айзика, от его лица, от его голоса. Но лицо его все укрупнялось и укрупнялось, а голос крепчал и крепчал, как гудок уходящего поезда.

– Айзик! – вскрикнула она и опустила на пол.

Две недели он не отходил от ее постели. Когда мать окрепла, он собрался в дорогу.

– Не провожай меня, – сказал он.

– Айзикл, – взмолилась Голда. – Чем я хуже дворянки? Им можно, а мне, выходит, нельзя?..

– Ладно, – уступил он.

Голда словно прощалась с ним навсегда – дурные предчувствия искажали и обезображивали даже ее сны, обычно такие радужные и безмятежные.

Долго о нем ничего не было слышно.

Да тут еще молодожены перебрались поближе к германской границе в Пагегай, а братья Бенцион и Овадьа и вовсе отправились за тридевять земель – в Америку; вышла замуж и сестра Хава, а главное – надолго слегла мать, безотказная Голда.

Сник и Шимон-Муссолини. Все реже садился он за колодку, все тише к радости пугливых мышей, ухитрившихся забираться за крошками в чей-нибудь сапог и башмак, стучал его молоток.

Давясь от кашля, Голда часами простаивала у окна и ждала хромоногого Виктораса. Но Айзику, видно, было не до писем.

Когда Голда стала харкать кровью, Шимон пригласил доктора Рана. Доктор осмотрел больную, повздыхал-повздыхал и посоветовал отвезти ее в Каунас в еврейскую больницу. Но Голда наотрез отказалась – нет и нет. Пока не узнает, что там с Айзиком, никуда не поедет.

– Если куда и ехать, то только в Тельшай, – упорствовала она.

Но ни в Тельшай, ни в еврейскую больницу ей ехать не пришлось. Голда за один день сторела, как сухое березовое полено в печи.

Поскребыш Айзик на похороны не успел.

Он приехал через полгода – ссутулившийся, бородатый, с клубившимися, как колечки черного дыма, пейсами, с большими залысинами, похожими на разлитый яичный желток

Хотя траурная шива давно кончилась, он продолжал сидеть дома и еще больше зарос и отошал. Ни с кем в местечке Айзик в разговоры не вступал, только смотрел, как бывало на уроках реб Сендера, в окно, и всякий раз перед ним за стеклом возникало одно и то же виденье – Голда, молодая, красивая, припадала к окну, озорно и плутовато подмигивала, строила ему глазки, а он помахивал ей длинными пальцами и что-то сбивчиво шептал. Время от времени он протирал засаленным рукавом пиджака стекло, пытаясь как бы приблизить к себе мамино изображение. Он и сам не понимал, что все это значит – то ли запоздалое раскаяние, то ли неумелое объяснение в любви. Иногда, пугая и сердя Шимона, он принимался насвистывать и подражать какой-то лесной птахе.

– Фюить-фьюить-фьюить...

В ешиву он больше не вернулся, но ничем и не занялся. Снова пропадал у реки, сиживал в березовой роще вместе с птицами на деревьях, по-прежнему водился с беспризорными собаками и кошками, уединенно и яростно молился.

Снова над местечком пожаром запылало прозвище Айзик дер мешугенер. Ни у кого не оставалось сомнения, что поскребыш Голды, ее любимчик повредился в рассудке. Все вдруг – даже рыжий Менаше и его дружки – принялись осыпать Айзика лушпайками бесполезной доброты – приветливо ему улыбались, подчеркнуто жалели.

Поднаторевший в нищенстве Арье-Шлимазл приходил в березовую рощу, садился, как король, на пенек, вытаскивал из кармана четвертинку водки и распивал ее за его здоровье.

– Айзик! – умиленно восклицал Арье-Шлимазл. – Я всегда говорил, что на небесах должен быть наш человек. Ты, Айзик, наш Б-г – Бг нищих и беспризорных. Потому что ты... слушай, слушай!.. потому что ты, страдалец, побираешься за всех... Лехаим!..

Когда в сороковом над местечком взметнулись шелковые серп и молот, умер и сапожник Шимон по прозвищу Муссолини.

Братья Айзика – Генех и Лейбе, оставшиеся в Литве, решили переправить его в Калварию, в дом для умалишенных. Старший из них – Генех, он же Генрих Самойлович, служивший в красном магистрате и носивший на заду револьвер, а в петлице значок с изображением головы Сталина, все и устроил.

Айзик не перечил. В Калварию – так в Калварию. Безумцы его не страшили.

– Нет страшной безумия, чем безумие нормальных, – сказал он на прощание Лейзеру...

В Калварии Айзик прожил год. Ему там было хорошо. Никто не стеснял его свободы: он по-прежнему целыми днями пропадал на берегу реки, пусть не такой полноводной, как в родном местечке, но все-таки живой, бурливой, или бродил по лесу, забираясь на деревья к птахам и присоединяясь к их ликующему пересвисту.

Доктора были довольны – никаких хлопот он им не доставлял.

По вечерам он рассказывал главврачу про старца из земли Уц по имени Иов и уверял медлительного, мохнатого, как шмель, литовца, что когда-нибудь на свете переведутся «пьющие беззакония, как воду» или, оставшись наедине в своей палате, грел и тешил душу над негаснущими углями тысячелетних заповедей.

В сорок первом в калварийский дом для умалишенных нагрянули немцы.

– Евреи есть?

– Нет, – ответил главврач. – Тут содержатся только больные. Есть Иисус Христос, Иов из Уца, Торквемада, Саванаролла, Лютер, Наполеон, Бисмарк, Папа Пий XII, но евреев нет.

Немцы не поверили, обошли все палаты.

– А это кто? – ткнул офицер в постриженного наголо Айзика. – Юде?

Айзик улыбнулся.

– Это сельский учитель, объявивший себя Иовом из древнего Уца, – спокойно пояснил главврач. – Знает наизусть весь Ветхий и Новый завет.

Ни Новый, ни Ветхий завет, ни древний Уц гостей не интересовали, и они ушли.

Братья Айзика – Генех и Лейба и сестра Хава погибли в Каунасском гетто, а он уцелел... Говорят, его кто-то видел и после войны. Он, как в молодости, сидел на высоком дереве в Калварии, и перелетные птицы, возвращаясь после долгой зимовки с берегов Тибериадского озера или Иордана домой, на родину, каждой весной приносили ему в клюве по капле теплой, заветной воды, а на усталых крыльях, как Г-сподне благословение, раскаленные песчинки Земли обетованной. И отпаивали его, отогревали от страха и одиночества, от несправедливости и забвения.

– Фьюить-фьюить-фьюить, – пели ему птицы.

– Фьюить-фьюить-фьюить, – отвечал он им.

** יִזְכֶּרֶם לְעַד עוֹלָם (עֵשׂוֹ).*

** יִזְכֶּרֶם לְעַד עוֹלָם (עֵשׂוֹ).*

ЗАКЛЯТАЯ КОРЧМА

Èñààè Áàò ààèñ-Çèí ààð

Казалось, будто кто-то настезь распахнул снежные кладовые небес. Снег валил днем и ночью, то сыпал хлопьями, то шел косой стеной. А порой вихрился в воздухе – ни дать ни взять собака, лоящая собственный хвост. Все дороги занесло. Ветви деревьев, облепленные инеем, напоминали рожки хрустальных люстр. Посреди поля стояло пугало, вернее, то, что от него осталось. Пугало шаталось на ветру, трясло лохмотьями и безумно хохотало. На холме, поросшем чертополохом, неподалеку от ветряной мельницы с поломанными крыльями и кузницы, с давным-давно остывшим горном, стояла корчма, – хозяйкой ее была Добошова, всем известная ведьма. Она была вдовой знаменитого разбойника Добоша. Сорок лет Добош бесчинствовал на дорогах Польши, грабил купцов, отправлявшихся в Варшаву, Краков, Гданьск и Лейпциг, и скопил изрядные богатства. Когда его, наконец, поймали и отправили на виселицу, Добошова вышла замуж за Лапитуту, нынешнего своего мужа – наполовину человека, наполовину черта. Они поселились в корчме и промышляли тем, что насылали колдовские чары на путников, которые туда забредали.

В услужении у Добошовой были три девушки, они их держали в заточении. Одну звали Рейце, другую Лейце, а третью Нейце. У Рейце волосы были черные и глаза черные, у Лейце волосы светлые и глаза голубые, а Нейце была рыжая с зелеными глазами. Девушки целыми днями трудились не покладая рук. Спали они на сеновале, с крысами и мышами. Много раз они пытались бежать, но Добошова с Лапитутом заколдовали дорогу так, что по ней никуда не уйдешь. Если какая из девушек и решалась на побег, то лишь бродила кругами, а когда уж валилась от усталости с ног, возвращалась назад. И тогда Добошова вымачивала розгу в помоях – чтобы лучше гнулась, а Лапитут хлестал бедняжку тридцать девять раз.

Летом в корчму странники забредали редко. А вот зимой, когда дороги заметало, многие сбивались с пути, и в жертвах недостатка не было. В то утро в корчму забрели трое парней. Одного звали Гершл. Он отправился пешком в Люблин, в ешиву, и в буран свернул не туда. Второй, Велвл, ехал на санях в город Львов закупать товары для отцовской лавки. Он заснул и свалился с саней. Ветер выл так громко, что возницы не слышали его криков. Велвл искал, где бы укрыться, и вышел к корчме Добошовой. Третий, Лейбл, возвращался домой из далекого города, где изучал кабалу, древние иудейские книги, в которых раскрываются все тайны земли и неба. На прощание учитель подарил ему кусочек мела и сказал: «Если ты этим мелом обведешь человека или животного кругом, они в этом кругу и останутся. Ни им из этого магического круга не выйти, никому другому в него не войти». Но в буран мел Лейблу ничем помочь не мог, так парень и оказался в корчме. Добошова с Лапитутом, как увидели трех гостей, уж так обрадовались! С виду Добошова была хозяйка как хозяйка. Но у нее, как у всякой ведьмы, был колтун в волосах, который она прятала под чепец. А у Лапитута на лбу торчал коротенький рог. Он прикрывал его густыми волосами. Трое парней насквозь промокли и замерзли. Добошова отвела их к печи, чтобы они обсохли, а девушкам велела развести огонь пожарче, чтобы хлеб испечь.

– Вы, небось, проголодались, – сказала она парням. – Уж будьте так добры, погодите немножко. Я всех своих постояльцев потчую булочками с пылу с жару.

А Лапитуту она сказала: «Сходи к колодцу, набери воды в кадушку, чтобы нашим гостям было чем омыть руки перед тем, как благословить пищу».

Три девушки – Рейце, Лейце и Нейце – знали, что ждет парней, но предупредить их боялись. Во-первых, потому что, поймай их на этом Лапитут, он заперол бы их до смерти. А во-вторых, им отлично было известно, что куда они ни пойдут – все дороги приведут их обратно в корчму.

Все взялись за работу. Рейце подбросила в печь дров. Лейце насыпала в миску муки и замесила тесто. Нейце его раскатала и налепила булочек. Добошова самолично посыпала булочки чем-то вроде тмина. На самом же деле это была трава, которая, если ее запечь, пахла так, что вызывала кошмары. Когда булочки были почти готовы, Добошова, прежде чем вынуть их из печи, сказала юношам:

– Рядом с кадушкой – три черпака и три полотенца. Как помоеете руки, я тут же выну булочки – они будут горячие да хрустящие. Слышите, как пахнут?

– Вы замечательная хозяйка, – сказал Гершл.

– Хотел бы я, чтобы у меня была такая жена, – добавил Велвл.

– Тем, кто добр к путникам, всегда сопутствует удача, – заявил Лейбл, тот, что изучал кабалу. Каждый взял по черпаку и склонился над кадушкой. И вот тут-то пряный запах травы, которой были посыпаны булочки, их одурманил. У всех троих парней вдруг закружилась голова, и они впали в забытие. Гершлу снилось, что он – раб в чужой стране. Он укрощает диких зверей. Его хозяин, принц, велел ему обучить огромного льва по имени Арье самым опасным трюкам. Гершлу надо было заставить льва открыть пасть, чтобы он, Гершл, вложил туда собственную голову. А затем зверь должен был закрыть пасть, но осторожно, чтобы не поранить Гершла, и по команде отпустить его. Наконец льва этому трюку обучили, и настал день, когда Гершл должен был выступить перед принцем и его двором. Гершл вошел к льву в клетку и в последний раз перед выступлением повторил трюк. Вложил свою голову в пасть льва, потрепал его по загривку и через минуту приказал: «Арье, достаточно!» Но Арье не разжал зубы. Гершл снова потрепал его

по загревку и терпеливо повторил: «Арье, хватит! Открой пасть!» Но лев и не шелохнулся. Более того, он зарычал так грозно, что у Гершла кровь застыла в жилах. Лев ревел все громче и громче, и Гершл начал задыхаться. «Г-споди, спаси меня!» – молился он. Вот какой страшный сон приснился Гершлу.

Велвл тоже снилось, что он в чужой стране. Он там никого не знает. Ищет работу, но ничего не находит. В конце концов, ему приходится просить милостыню. И вот как-то под вечер он идет по улице с множеством домов. Он входит в какие-то ворота и попадает во двор. Он пытается выйти, но уже стемнело, и он никак не найдет дороги. Он кричит, но его никто не слышит. Шарит по стене, пока не нащупывает проем. Он ныряет туда в надежде снова оказаться на улице. Но попадает на лестницу, ведущую вниз. Становится все темнее и темнее. И вдруг он оказывается в большой зале. Она освещается одним-единственным масляным светильником, и тут он видит слитки чистого золота и бочонки, полные монет: он забрел в подземное хранилище королевского монетного двора. Велвл понимает: если его обнаружат, то примут за вора. Он ищет ту лестницу, по которой спустился сюда. Но едва находит ее, как появляются два каменщика и начинают закладывать выход кирпичами. Он забивается в угол, чтобы его не заметили, хоть и понимал, что ему нужно выбираться отсюда, пока они не закончили работу, иначе он останется тут без еды и питья и, мало того, может, еще и задохнется. Осмелится ли он попросить каменщиков выпустить его? Они решат, что он пробрался сюда за золотом. Вызовут стражу. Его закуют в кандалы и бросят в темницу. А может, станут и пытаться. Наконец он решает, что лучше уж попросить каменщиков сжалиться над ним, чем быть похороненным заживо в царской сокровищнице. Но только он вышел из своего угла, как каменщики положили последний кирпич и светильник, помигав, погас. «Погодите!» – завопил он, но было уже поздно. Вот какой страшный сон приснился Велвлу.

Лейблу снилось, что он в пустыне. Он изнывает от голода и жажды. После долгих поисков ему удается обнаружить пересохший ручей, на дне которого ползают змеи, крокодилы и ящерицы. С виду такие же голодные и изнуренные, как и он. Из разинутых пастей щерятся острые зубы. Через русло ручья перекинута бревно. На другом берегу Лейбл видит пальмовую рощу, а за ней – водоем не водоем, издали не разобрать. Лейбл понимает, что один неверный шаг и он – на дне кишашего гадами ручья. Но жажда так велика, что он готов рискнуть. Он ступает на бревно и раскидывает руки, чтобы удержать равновесие. Дойдя до середины, он видит, что навстречу ему идет женщина – в ней он распознает ведьму. Голова ее в колтунах, ступни – перепончатые, как у гуся. Она не похожа на Добошова, но чем-то ее напоминает. Лейбл остолбенел. Попасть в руки такой твари еще хуже, чем в пасть крокодилу. Он осторожно разворачивается и хочет идти назад, но ему навстречу идет черт. Изо лба у него торчит короткий рог. Он не похож на Лапитута, но чем-то его напоминает. «Силы небесные, что же мне делать?» – возопил Лейбл. Вот какой страшный сон приснился Лейблу.

В один и тот же миг все трое – Гершл, Велвл и Лейбл – проснулись. Им только показалось, что кошмары длились долго, а на самом деле прошло всего несколько мгновений. Все трое все еще стояли, склонившись над кадушкой. «Ну, ребята, что же вы руки-то не моете? – услышали они голос Добошовой. – Девушки уже достают булочки из печи». Парни – они еще не пришли в себя – вымыли и вытерли руки. И, наконец, уселись за стол. Гершл и Велвл собрались было благословить хлеб и приступить к трапезе. И в таком случае им бы уже не спастись, потому что кроме дьявольских семян Добошова добавила в тесто зелье, которое лишало любого, кто его отведал, воли. И тут вдруг Лейбл крикнул: «Погодите!» «Что такое?» – спросил Гершл. «В чем дело?» – подхватил Велвл. «Кушайте, ребята, кушайте», – улещала их Добошова. «Что стряслось?» – буркнул Лапитут. «Я, когда набирал воды, уронил в кадушку свое кольцо, – зачистил Лейбл. – Оно у нас переходит из рода в род – со времен царя Соломона. Кольцо подарила ему царица Савская. Оно может указать, где спрятан клад, помогает находить затонувшие корабли и караваны, занесенные песком в пустыне. А еще оно лечит больных и делает стариков молодыми. Умоляю вас, помогите мне отыскать это кольцо!»

У Добошовой и Лапитута и своих сокровищ хватало, но они были ненасытны. И, главное, оба только и думали о том, как бы помолодеть. Услышав про чудесное кольцо, они рванули к кадушке и давай в ней шарить. Лейбл вскочил, кинулся к Добошовой и Лапитуту и быстро обвел их мелком.

Не найдя в кадушке кольца, они выпрямились и собрались было вернуться к столу, но переступить через магический круг не смогли. «Это что ж такое?» – взвыл Лапитут. «Что это за круг?» – завопила Добошова.

Рейце, Лейце и Нейце только рты разинули. Гершл и Велвл не проронили ни слова – так ошалели. Вот как все было.

Лейбл уже собрался благословить еду, но, взглянув на Добошова, поразился, до чего же она похожа на ведьму из его кошмара. Бросил взгляд на Лапитута и узнал в нем черта из сна. Лейбл – он не зря изучал кабалу, знал, на что способна нечистая сила и сообразил: медлить нельзя. И сочинил историю про кольцо, чтобы парни не стали есть.

Очувшись в магическом кругу, Добошова и Лапитут впервые в жизни оказались в заключении. Как только Лейце, Рейце и Нейце убедились, что Добошова с Лапитутом лишились своей силы, они рассказали парням, как они натерпелись под властью этих злодеев. У всех трех имелись родители, сестры и братья, они наверняка их искали, но так как дорога к корчме была заколдована, найти их не могли. Девушки рассказывали, как их умыкнули из дому, а Добошова орала и грозила им кулаком. Она клялась, что обратит их в ежей, крыс и хорьков. Лапитут вопил, что запретит их до смерти. Чтобы никакая нечистая сила

не пришла своим родственничкам на подмогу, Лейбл обвел мелом весь дом изнутри, а также двери и окна. Обвел мелом и печь, и камин, чтобы нечистая сила не пробралась через дымоход. Вскоре стало ясно, что предосторожности были не лишними. Едва Добошова с Лапитутом поняли, что попали в ловушку, они стали призывать на помощь темные силы из леса. И тотчас в корчму стали собираться демоны, черти, бесы, лешие и прочие злые духи. Одни в виде крылатых змеев, другие – в облике огромных летучих мышей, третьи обернулись козлами, куницами и жабами. Не обведи Лейбл дом волшебным мелком, они бы все там заволокли. А так лишь пари́ли за окнами да верещали, запугивая тех, кто сидел внутри. «У нас нет причин их бояться, – успокаивал Лейбл молодых людей. – Они не могут причинить нам зла. Давайте-ка лучше приготовим себе что-нибудь поесть».

Рейце, Лейце и Нейце взялись заново месить тесто, – без зелья и колдовских семян. Они напекли булочек, кренделей, печенья и устроили пир. Рейце лучше всех месила тесто, Лейце превосходно пекла, а Нейце обжаривала все так, что корочка румянилась. Дом наполнили восхитительные запахи. Добошова и Лапитут зверски проголодались и умоляли дать им поесть. Но Лейбл сказал: «Мы вам ни кусочка не дадим, пока вы не дадите расписку кровью, что покинете корчму и вернетесь в преисподнюю».

Но Добошова и Лапитут – ни в какую. Черти с ведьмами легко нарушают обещания, но если уж дают расписку кровью, то слово держат: ведь иначе они навсегда лишаются своего могущества. Когда злодеи поняли, что угрозами им ничего не добиться, они обратились к лести. Лейбла они называли кабалистом, каких мало. Осыпали похвалами Гершла и Велвла, даже девушкам наговорили любезностей. Обещали одарить всех расчудесными дарами. Рейце, Лейце и Нейце получают роскошные платья, дорогие украшения и шелковое белье, расшитое золотом. Лапитут клялся, что парней он научит таким колдовским штукам, о которых никто и не слыхивал. «Не нужны нам ни ваши подарки, ни ваша колдовская наука», – отвечал Лейбл. Долго еще Добошова с Лапитутом пытались то запугать их, то улестить. Нечисть за стенами корчмы выла, рычала, билась в окна. Но молодые люди понимали, что в доме они под защитой волшебного мелового круга. Зимние дни коротки. А ночью начались новые ужасы и искушения. Бесы хохотали и рыдали, ревели, точно трубы и роги, скакали и блеяли, богохульствовали и хвастались своей бесовской силой. Кое-кто из порождений тьмы решил искушить молодых людей, оборотясь прекрасными девушками и благородными красавцами. Ночь внезапно сменилась днем. Снежное поле за окном превратилось в залитый солнцем цветущий луг, по которому тек прозрачный ручей. Бес по имени Топель – его дело было заманивать людей в воду и там топить, – чтобы выманить молодых людей из дому, спел песню, перед которой мало кому удавалось устоять. Однако Лейбл не позволил никому поддаться на эти уловки и объяснил, что все это один обман.

Когда бесы поняли, что им никого из дому не выманить, они вернули назад ночь. В окно заглянули три черные кошки с глазами, полыхавшими зеленым огнем. Их мяуканье напоминало перезвон колоколов. Чуть спустя кошки пропали. И тут налетел ветер, он сотрясал крышу и гудел в дымоходе. Завыли волки, заревели медведи. Двери стали огненно-красными, – словно за ними бушевал пожар. Загромыхал гром и засверкали молнии, дом зашатался, словно от землетрясения. Молодые люди перепугались – как не перепугаться, но они доверяли Лейблу и ели свой ужин, хоть за окнами и бесновалась нечисть. «Пусть дьявол и силен, – сказал Лейбл, – но Б-г сильнее».

Сразу после ужина девушки разделелись и улеглись на одну большую кровать, чтобы было не так страшно. Глаза завязали, уши заткнули ватой, чтобы не видеть ужасов и не слышать зловещих криков монстров. Гершл и Велвл устроились спать на печи. Они так утомились, что вскоре заснули глубоким сном. Но Лейбл бодрствовал. Он знал, что Добошова и Лапитут долго не продержатся. Он заранее приготовил свиток пергамента и остро отточенное гусиное перо. Чудища, собравшиеся снаружи, устали и один за другим убрался каждый в свое логово. Добошова с Лапитутом остались без подмоги.

Лейбл услышал, как Добошова шепчет Лапитуту:

– Нам отсюда не сбежать. Придется подписать.

– Зачем я только с тобой связался! – рявкнул Лапитут.

– Если вы немедленно не поставите свои подписи, – крикнул Лейбл, – я лягу спать, и вы тут промааетесь до самого утра.

– Мочи моей нет стоять, – запричитала Добошова.

– Я помираю с голоду, – взвыл Лапитут. – Мне бы хоть корешок мандрагоры покурить. Дал бы ты мне мою трубочку.

– Ставьте подписи под клятвой, и все получите.

У злодеев выбора не было. Каждый уколол гусиным пером запястье и расписался кровью: «Мы, ведьма Добошова и черт Лапитут, клянемся Сатаной, Лилит и всей нечистой силой, что оставим эту корчму и никогда больше сюда не вернемся ни мы сами, ни наши дети, внуки и правнуки до десятого колена. Все свое имущество мы оставляем нашим гостям Гершлу, Велвлу и Лейблу, а также нашим бывшим служанкам Рейце, Лейце и Нейце. Кроме того, сокровища покойного разбойника Добоша, спрятанные в дупле старого дуба, что растет во дворе, отныне также принадлежат вышеупомянутым лицам. Кроме того, мы снимаем все заклятья, чары, колдовство, тайные знаки и проклятья с корчмы и ее окрестностей и велим, чтобы все вернулось в то состояние, в каком пребывало до нашего появления. Подписано: Лапитут, сын Брири, сына Шабрири, сына Картегиуса и далее вплоть до моего прародителя Сатаны. Добошова, дочь Наамы, дочери Играт, дочери Махлат и далее вплоть до моей прародительницы Лилит Первой». Условия оговаривали столь

долго, что небо уже начало светлеть, – близился рассвет. Молодые люди проснулись. Смотрели, как Лейбл стер кусочек круга вокруг Добошовой и Лапитута и еще кусочек перед окном. Затем открыл окно и прокричал по-арамейски: «Пик, вон!» Добошова и Лапитут рассеялись как дым и исчезли. Отправились в пустыню пустыней, в преисподнюю, за горы Тьмы, где царят не день и не ночь, а вековечные сумерки.

Девушки так обрадовались, что расплакались от счастья. «Что вы плачете? – сказал Лейбл. – Все невзгоды позади. Путь открыт, и каждый из нас может вернуться домой». Но ни юноши, ни девушки вовсе не торопились уходить. Корчма, еще несколько минут назад казавшаяся мрачной и страшной, теперь выглядела уютно и приятно. Снег серебрился в лучах солнца. Сосульки, свисавшие с крыши, переливались всеми цветами радуги. Из ближнего леса доносился щебет птиц. Воздух наполнил запах сосен.

После завтрака Лейбл повел молодых людей во двор, к столетнему дубу. В стволе его было огромное дупло. На дне дупла они обнаружили сундуки, набитые доверху золотом и драгоценными камнями. Камни мерцали в полумраке. Девушки, увидав сокровища, завизжали от восторга. Но и теперь, став обладателями таких несметных богатств, они не желали покидать корчму. А все потому, что вступило в дело самое сильное на свете волшебство.

Разумеется, все три девушки восхищались Лейблом. Кто как не он прогнал Добошovu с Лапитутом и прочую нечисть? Впрочем, они понимали, что Лейбл может взять в жены лишь одну из них, да и Гершл и Велвл парни что надо. Вопрос в том, кому на ком жениться? И вновь решили положиться на мудрость Лейбла. «Пусть каждый из нас напишет на листке бумаги имя того, кто ему нравится больше всего, и имя того, кто нравится чуть меньше, – сказал Лейбл. – Мы сравним эти записки и пойдем, как поступить». Оказалось, что всем трем девушкам Лейбл нравится больше всего, Рейце на втором месте поставила Гершла, Лейце – Велвла, а Нейце и на втором месте поставила Лейбла. Оказалось, что Гершл отдает предпочтение Рейце, а Велвл – Лейце. Лейбл же тоже выбрал одну Нейце. Так что когда все записки прочли, стало ясно, кому на ком жениться.

Поначалу девушки хотели отложить свадьбу, чтобы позвать на нее родителей и друзей. Но всем троим юношам не терпелось жениться поскорее, и Лейбл сказал: «Свадебную церемонию можно провести прямо сейчас, а большой праздник устроить потом и пригласить на него всех». В обручальных кольцах недостатка не было, – у них же имелись сокровища Добоша. Девушки нашли большую расшитую шаль, натянули ее на четыре кола и получилась великолепная свадебная хупа. Так как их было шестеро, четверо могли держать хупу над брачующимися. Первыми женились Гершл и Рейце. Они были старше остальных. Гершл, жених, надел кольцо на палец Рейце и произнес:

– Этим кольцом ты посвящаешься мне в жены по закону Моше и Израиля.

Жених и невеста пригубили вина из одного бокала, а друзья им кричали «Мазл тов!» Затем две другие пары по очереди вставали под хупу. И так они поженились в полном согласии с законом Талмуда. Невесты отыскивали в шкафах Добошовой роскошные платья, и хотя платья давно вышли из моды, девушкам они были к лицу. Рейце и Лейце немножко завидовали Нейце, потому что Лейбл выбрал ее, но все равно искренне пожелали ей счастья. Конечно же, Лейбл изучал кабалу и был куда образованнее других, но Гершл и Велвл были и ростом повыше, и покрасивее. Да и Гершл, ученик ешивы, тоже был как-никак ученый. А что до Велвла, то он был хороший купец и малый не промах. Так что никто из девушек не прогадал. Все три пары оставались в корчме. Они послали весточки родственникам и друзьям, сообщили, что живы-здоровы и пригласили их на свадебный пир. А так как кое-кто из гостей должен был приехать издалека, празднование решили отложить до весны.

Теперь, когда залятье с корчмы сняли, изменились и ее окрестности. Добошова с Лапитутом заколдовали все земли на много миль кругом. И вдруг, где прежде была лишь пустошь, вновь появились реки, горы и долины. Зайцы, олени, дикие утки, гуси, фазаны и прочая живность поселились там, где прежде не было ни зверей, ни птиц. Прошла зима. Наступила весна. Небо поголубело и прояснилось. Зазеленела трава, расцвели цветы, потянулись вверх кусты. На деревьях, прежде засохших, распустилась листва.

Про корчму – ее ведь долгие годы видели только те несчастные, кто сбивался с пути, – прознали окрестные жители. На тридцать третий день после Пейсаха устроили празднество. Кроме гостей собралось еще множество народу со всей округи – пришли полюбоваться преобразенной корчмой и тремя счастливыми парами. Из соседних городов принять участие в празднике понаехали шуты и музыканты. Фокусники, один другого искуснее, развлекали народ. После долгих уговоров Лейбл согласился показать гостям, как действует волшебный мелок, который их спас. Он выбрал самого бойкого в птичнике петуха, поставил его на стол и очертил вокруг него круг. И как петух ни бил крыльями, он, пока Лейбл не стер меловую черту, так и не сумел взлететь. Гости только рты и пораскрывали. Все пели, плясали и веселились семь дней и семь ночей кряду. Полная луна заливала серебристым светом окрестности. Хотя места в корчме не хватало, и многие гости спали на улице, никакие злые силы не осмеливались никого побеспокоить или напугать.

После того как разъехались последние гости, настало время Гершла и Велвла, как и было договорено, отправляться со своими женами по домам. Лейбл и Нейце решили остаться в корчме. «Как же иначе, – сказал Лейбл. – Ведь люди часто сбиваются с пути, особенно зимой, должен же кто-то приютить их и накормить». Лейбл и Нейце твердо намеревались никогда не брать с постояльцев платы: сокровища Добоша и так их обогатили.

Все три пары попрощались друг с другом, Лейбл вновь принялся изучать священную кабалу, мудрость которой никто не может постичь до конца. Шли годы, Гершл закончил обучение и стал главой ешивы. Деньги он использовал, чтобы помогать неимущим ученикам. Велвл стал крупным купцом и прославился тем, что много жертвовал на благотворительность. Все три пары жили счастливо, нарожали множество детей и внуков. У них вошло в обычай каждый год собираться с детьми и внуками в корчме и праздновать день своего освобождения.

Поскольку у Лейбла никакого кольца, которое может омолаживать стариков, не было, Добошова и Лапитут прожили отмеренные им годы и умерли. Однако их место заняли новые бесы. Они и по сию пору обитают где-то далеко в пустыне, в подземном городе их царя Асмодея. Говорят, у Асмодея борода до земли и два рога во лбу. Он восседает на троне, а вместо ножек у его трона четыре змеи. У него множество жен, но по-прежнему самая любимая из них – Лилит, и она каждую ночь танцует перед ним под музыку играющего вразнобой бесовского оркестра.

Со временем некогда заклятая корчма стала знаменита как величайшая в мире школа кабалы. Считается, что кабалисты древности умели силой священных слов сотворять голубей, источать из стен вино и ходить семимильными шагами. В старости Лейбла звали уже не просто Лейблом, а праведным рабби Лейбом. Борода его стала белее снега. Он мог исцелять недужных наложением рук, знал, что происходит в далеких городах, и умел предсказывать будущее. Нейце, хоть и была выше головы занята воспитанием внуков, – почти все они были рыжеволосые и зеленоглазые – помогала мужу и переписывала гусиным пером его труды.

Корчма была пристанищем для всех, кто сбился с пути. Рассказывали, что по вечерам там не зажигали ни свечей, ни светильников, потому что ангелы, серафимы и херувимы с наступлением темноты спускались туда и освещали корчму небесным светом.

Ī āāāā nāī āēēēīā
Ā. Ī ōīōīāē

Податель сего арестован лично мною и никаким арестам более не подлежит.

8. Диалог

- Скажите, Виктор Борисович, почему Маяковский ушел из Лефа?
- Чтоб не сидеть в одной комнате со мной.
- А вы остались в Лефе?
- Разумеется, остался.
- А кто еще остался?
- А больше никого.

9. Ты – мне, я – тебе

Внедрившись на кинофабрику, Шкловский отбил телеграмму Тынянову: Все пишите сценарии. Если нужны деньги – пришлю. Приезжай немедленно. Тынянов не затруднился с ответом: Деньги нужны всегда. Почему приезжать немедленно, не понял.

10. На спор

ВБ усомнился, что молодой Каверин способен на роман. И Каверин, в запале, в отместку, сочинил книгу о Шкловском – «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове».

Ставши героем литературного произведения, ВБ одобрил роман в целом, не принимая по мелочи:

– Каверин предполагает, будто бы я, возвращаясь с кинофабрики, испытываю усталость. Вроде как лев, что, забравшись в логово, стаскивает шкуру и отдувается: уф!.. Или как старые евреи – они уверены: у себя дома все люди разговаривают исключительно по-еврейски... только в гостях притворяются.

11. Шутка юмора

Американская студентка записалась на семинар по Булгакову. Прочитавши в переводе «Белую гвардию», представила курсовую о мистическом аспекте изучаемого произведения.

В романе есть персонаж – отчасти inferнальный, прототипом которого был Шкловский. Но девушке это неинтересно.

Ни одного русского писателя (кроме Солженицына из школьной программы) не знает. И придумала вот что. Изобразила ФИО персонажа – Шполянский Михаил Семенович – кириллицей, латиницей, по-древнееврейски и древнегречески. Каждую букву заменила цифровым значением (порядковым номером), умножила на хитроумный потусторонний коэффициент, и получилось «дьявольское» число – 666.

За свое филологическое открытие скромная девочка удостоилась, говорят, премии – то ли факультетской, то ли университетской, то ли Общества американских славистов...

Правда или нет, занятную эту байку пересказывал Шкловский, с улыбкою прибавляя:

– Такая нынче наука!

12. Двустипшие

Его составил ВБ, сложивши двух классиков.

Первая строчка принадлежит Достоевскому (роман «Бесы»), вторая – Булгакову («Собачье сердце»).

Первый (Достоевский) говорит о знаменитых петербургских пожарах, в которых обвиняли «нигилистов». Второй – Булгаков – о местных экономических неурядицах...

И вот вам, пожалуйста, стихотворение Шкловского:

Пожары не на крышах, а в умах.
Разруха не в клозетах, а в головах.

13. Обратный перевод

Не надо стараться! – призывал ВБ.

Мысль эта, как и всякая иная, имеет определенный объем, свою сферу применения. Границы ее, или пускай контуры, обозначены американским писателем Генри

Миллером:

Не надо стараться! – говорил он. – Кое-что оставьте для Провидения.

14. Профессионал

Старый и больной Паустовский заключил договор на экранизацию раннего своего романа. Получил аванс, а к сроку никак не поспеет...

Пришел к Шкловскому. Так, мол, и так. Возвращаю денежки...

– Ни за что! – заорал ВБ. – Отдать им? – И в два счета сварганил сценарий.

Фильм, конечно, не поставили. Но аванс остался за Паустовским.

15. Один из двух

ВБ навестил кого-то из Бескиных... Не то Эммануила Мартыновича (1877-1940), не то Андрея Мартыновича (умер, по справочнику, в 1978-м)... Один, так уж точно, служил в издательстве, и Шкловский посетил его непосредственно на рабочем месте.

– Знаете, – говорит, – я вас прозвал мелким Бескиным, но ведь вы не такой человек, чтобы потопить мою книгу.

И что же? Тот (или этот?) Бескин прямо на стенку полез. От радости! И всем рассказывает:

– Слышали? Шкловский прозвал меня мелким Бескиным, а я... я печатаю его книгу!

16. Жуковская, 7, квартира 42

– Отворилась дверь, – говорит Шкловский. – Это была не дверь, а обложка. Я вошел и открыл книгу, которая называется

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ОСИПА И ЛИЛИ БРИК

17. Как поссорились...

У Бриков заседал ЛЕФ (ЛЕВый Фронт). Обсуждали ВБ. Вдруг Лиля Юрьевна объявила:

– Давайте не будем о Вите. Он очень волнуется.

– Ничего я не волнуюсь... – И Шкловский побагровел. – Просто считаю неправильным, когда домашние хозяйки принимают участие в принципиальных спорах. Пусть она разливает чай, а не участвует в дискуссиях об искусстве.

Лиля Юрьевна расплакалась. Заседание прервали и перенесли.

– Чуть что – и в слезы... – ВБ пожал плечами. – Лиличка! Я хотел сказать хозяйка дома, а получилось – домашняя хозяйка...

18. Лиля Юрьевна Б

по формуле Шкловского

Не женщина, а сплошная цитата!

19. Бывалый человек

– Что? – кипятился ВБ. – У Маяковского нет биографии?.. Он двенадцать лет любил одну женщину! И какую женщину!

20. Шкловский

в «год великого перелома» (1929)

глазами современницы

В черной косоворотке. Открытая шея. Сидит на кровати без сапог, поджав ноги. Не помню, – протоколирует Лидия Гинзбург, – какого цвета носки. Вероятно, темно-зеленые.

Потный. Со сверкающим огромным многоэтажным черепом (ступенчатое построение). Говорит много. Уши заметно шевелятся.

Вспоминает о том, как в русском Берлине научил машинисток писать газетные фельетоны. Редакция мгновенно распалась.

21. Дуракам не страшно

Рина Зеленая – о Шкловском

(сравнительно молодом):

Вот человек, который не может быть несчастным.

Очень верное впечатление, соглашается Лидия Гинзбург. В самом деле, его нельзя представить несчастным, смущенным, испуганным...

Почему так – раскрывает (курсивом) сам ВБ: моя специальность – не понимать.

Но со временем – в тридцатые, сороковые, пятидесятые – дошло и до него...

22. Чистюля

ВБ не терпел грязной посуды и даже в гостях вскакивал из-за стола мыть хозяйские чашки.

23. Служебная переписка

На дверях – объявление (крупные рукотворные закорючки):

Здесь монтируют фильм «Октябрь». Подумай, прежде чем войти.

Эйзенштейн

Чуть ниже – другой автограф:

Спасибо! Подумал и не вошел.
Шкловский

24. Поэзия и проза

I

Время не может ошибаться, – писал ВБ. – Время не может быть передо мной виноватым.
А Кушнер:

*Áðàì áí à í á àí à è ð à þ ò,
Á í è ð æ è á ò è ù è ð à þ ò.
È è è - á ù á ð à í ù ó á - Í á ó ï È í ð æ á á è í:
Á ð à í ý?
Á ð à í ý á à í í.
Á ð à í ý í á í í à è æ è ò í á ù æ á à í ù þ.
Í í à è æ è è ó ù í á ù æ á à í è þ ò ù,
ð à ç ï á ò è á ø è è ñ ý á í à ï.*

II

Шкловский:

Неправильно повторять: «Вся рота идет не в ногу, один прапорщик в ногу». Я хочу говорить со своим временем, понять его голос.

*Á ñ è á ñ ý ð ï ò á è á á ò í á á í í á ï
à í ð à í ï ð ù è è È á à í í á - á í í á ï
í í æ á ò á ù ò ù í í á ï ð à á ð ï ò á
í í æ á ò á ù ò ù í í á ï ð à á í ð à í ï ð ù è è
Á ñ á á á í á í ð à á ñ ñ - è í è ò á è ù
è ñ ò í ð è è,
ñ ñ - è í è á ø è è è ñ ò í ð è þ,
á à í è í á è í í ð à í ï ð ù è è
í è è í
á à á
í è í á í á è í ó á á
í á í á á í ý è ñ á þ ð ï ò á
È è - í í í í á í á ð à ç ï í á á ï ð ý,
ð ï - á ò ñ ý í í á í è ò è è í ð à í ï ð ù è è á
í ð à á ñ ò á æ è ò ù ý, í í ï ð ù è ò ù
í ð ù á í è ý -
í í è, í ð ð ù á á þ í ò á á è á..
í ó ñ è á è ð à ç ï ý ñ è ò á í í á ð ï á í ñ ò ý ù,
í í - á ï ó ó á è í á á í í á ï
Ó ñ è ù è í ò á è è í í á ð à ç ï í
ñ è á á á á ò ñ ñ - è í ý ó ù è ñ ò í ð è - á ñ è è á
ñ ñ - è í á í è ý.*

(Á í ð è ñ Ñ è ó è è è)

III

В нашем деле, – размышлял Шкловский, – лучше не последовать, а исследовать.
Но лет через тридцать Евгений Александрович Евтушенко с пафосом опроверг:

*Í á á á æ í í,
á ñ ò ù è è ó ò á á ý è ñ ñ á á í á á ò á è è,
í í á á æ í í,
á ñ ò ù è è ó ò á á ý í í ñ è á á í á á ò á è è.*

25. 33 года

Я, – говорит Шкловский, – уже старый. Когда был мальчиком – еще попадали под конку. Конка была одноконная и двуконная.

В то время радовались, если в городе рубили сады.

Только-только изобрели велосипед. Им гордились, как сейчас – теорией относительности.

26. Л – – – – ь

Любовь, – говорит ВБ, – это пьеса. С короткими актами и длинными антрактами. Самое трудное – научиться вести себя в антракте.

27. Типаж

Очень местный человек – смесь науки и недобросовестности.

28. Я

Вместо таланта у меня тихое бешенство.

29. Гравитация, или Закон всемирного тяготения

Камни, – формулирует Шкловский, – падают на землю потому, что любят ее.

30. Тьмы низких истин...

Нет правды о цветах – есть ботаника.

31. Искусство не заполнять анкету

– Нужна, – говорит Шкловский, – не очарованность государством. Необходима свобода от его воли и притязаний.

32. Возьмемся за руки, друзья!

Птицы держатся за ветку, даже когда спят. Так до́лжно держаться и нам друг за друга.

33. Удобства на улице

Что касается электричества, телефона и ванны, то, – говорит Шкловский, – уборная в ста саженьях.

*Í îãðáí îñðè, ÷èðàðàæü ïí îððè ó Áíáí èí à:
В ðááðñíè áóó óí îðí
Í ðí èèè í áóü ááí òí òü ò úññ:÷ó èáð,
Í îðí ò÷òí òí÷ó á ááí ðí òí,
Á ááí ðí òó á ðíññè í áó.*

34. Куда податься...

Есть два пути, – полагал Шкловский. – Спрятаться, окопаться, зарабатывать деньги не литературой и дома писать для себя.

Есть путь – фиксировать жизнь и добросовестно искать правильное мировоззрение. Третьего пути нет. Вот по нему-то и надо идти.

35. В полном объеме

Из жизни Пушкина, – говорил ВБ, – только пуля Дантеса, наверное, не нужна поэту. Но страх и угнетение нужны. Художник – не трамвай, чтобы бежать по железным рельсам.

36. ЦУ, или Ценные Указания

Булгарин не травил Пушкина. Он только давал ему руководящие замечания.

37. Стилистическое хладнокровие

Пускай оно, – говорил ВБ, – остается неприкосновенным. Изменяйте биографию. Пользуйтесь жизнью. Ломайте себя о колено. Искусство живет судьбой писателя.

Наше ремесло умнее нас.

38. Дело, которое я плохо веду

Не написана история русской литературы. Говорить нужно не о Толстом, а о «Войне и мире».

39. Тынянову

Милый Юрий!

Я не умею пересказывать чужие мысли. О выводах из твоей статьи ты напишешь сам, а я напишу тебе о своем искусстве не сводить концы с концами...

40. Объяснительная записка

Мое остроумие мне надоело. Остроумие – это сближение несходного. Ирония – дешевый способ быть

умным. А я – изобретатель в искусстве.
Ну нельзя же так: одни проливают кровь, а другие мочатся...

41. Синусоида
по Шкловскому
За усталостью – перед истощением – идет вдохновение.

42. **Товар – деньги – товар**
Но знаете ли вы, как буду я выглядеть в товаре?

43. **И ныне, и присно, и во веки веков**
Распространилось, – цитирует Шкловский, – чтение романов,
а также холодных, скучных повестей – и оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии.
(Гоголь, О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах.)

44. **Хорошо забытое старое**
В одном издательстве редактор спрашивал, получив толстую рукопись:
– Роман?
– Роман.
– Героиня Нина?
– Нина! – обрадовался подающий.
– Возьмите обратно, – мрачно сказал редактор.

*Íà íúíáóíáì òáááéáíéè,
íáí áéí, íá òò íéú ðáçáí ð-éáí
è ííò-òòò íáí (íí éáéíí ó-òí
òáí éáí áéó) áééí í ðúéí
íáðéáéí «Í éí á Ðáíí' éáò á çá
é ðáí áí».*

45. **Девушки и поэты**
(по Шкловскому)
Молодой стихотворец, только что выпустивший первую книжку, спросил: «Как вы думаете, я останусь в истории литературы?»
Это напоминает вопрос не слишком порядочной женщины:
«Милый, я доставила тебе удовольствие?»

46. **Художественные особенности**
Шкловский рассказывал, как одного маститого автора похвалили в Главлите:
Хорошо пишет. Стиль очень удобный для цензурных сокращений.

47. **Нет, говорят, в Отечестве пророка...**
Видел карточку (кажется) К. Федина.
Он сидит за столом между статуэтками Толстого и Гоголя.
Сидит – привыкает.

Точно – он, Константин Александрович. Только (округлим) лет через сорок, когда возглавил Союз писателей и ласково (за глаза) величался – чучело орла.

Нет, говорят, в Отечестве пророка...
Но дело тут не принципа, а срока.

48. **Окно**
Немногие из нас могут похвастаться, что видели революцию не через форточку...

Это та самая форточка, которую в семнадцатом году отворил, например, Пастернак:

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикнуть детворе:
– Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

49. Утром на покосе

Участствуют:
Мать, старая крестьянка, и Сын

Мать. А правда, что Там никого нет? (Показывает на небо).
Сын. Правда.
Мать (вздыхая). Хорошо, если б не было!

Здесь замечательна, – пишет Шкловский, – реальность тоски и желание, чтобы не было.
Мешает...

50. Как бороться с матом

Занумеровать, – говорит Шкловский, – непристойные выражения
и отругиваться цифрами:
– А пошел ты на 127-е!
– Сам иди на 63-е!

51. Пример народной этимологии

Конъюнктура – конная дура.

52. Комическое

На дне искусства, как гнездо брожения, лежит веселость.

53. Крепостные ужасы

Изображение садизма на сцене и есть садизм. Я не верю, что голые спины женщин в рубцах
нужны для агитации.

54. Из принципа

Наполеон говорил:
– Настаивайте на своей ошибке и окажетесь правы.
А Шкловский:
– Правильно замеченная и до конца проведенная ошибка оказывается изобретением.

55. Самотек

Приносят сценарий по «Ревизору». В комнате сидит режиссер Пудовкин. Спрашиваю:
– Как должен начинаться самотечный «Ревизор»?
Пудовкин:
– Свинья чешется об столб.
Развертываю и читаю:
КРУПНО. СВИНЬЯ ЧЕШЕТСЯ ОБ СТОЛБ.

56. Уподобление

Жизнь – как Россия. Здесь нет дороги, только направление. И каждый ищет дорогу сам.

57. Завет

Некий восточный классик наставлял учеников: не воспевайте драгоценные камни. Если хотите
создать розу,
станьте землей.

Детально – у поздней Ахматовой:

*...Í î ëîæè ïÿ á íáá è ñò áí íæè ïÿ áþ.
Í ò ò íã è çí áú ÿò ó çàí ëþ ñáí áþ.*

Èçðàèèù Ì àòðíá

Ì àñý ñ àèùð

Когда мы с мамой удирали от немцев, наперерез нам грохотали грузовые платформы с танками, и солдаты кричали наперебой, высовываясь из башен:

– Куда вы? Не бойтесь! Вот мы им сейчас дадим!

То были мальчишки, которые радовались началу войны. Их забрали в тридцать восьмом, а в сорок первом не отпустили – задержали до «особого распоряжения». И вдруг война...

Поутру в воскресенье, 22 июня, солдатиков повели в кино. Саша Лифшиц – впоследствии местный классик Александр Моисеевич Володин – ныне покойный Саша Лифшиц затаился в фойе, а после вышел на улицу.

Смотрел, как гуляют женщины. С колясками, с сумками, с мужчинами... Женщина, которая смеется и которая задумалась, и которая устала, и еще, еще...

Закрывши глаза, слушал в темноте, как цокают каблучки.

Внезапно сеанс прервался. Беспечные мальчишки высыпали из зала, галдя о войне. Дескать, ура! За две недели, блин, Гитлера расколотим – и по домам! Заграницу увидим!..

Командиры скомандовали построение. И возвращаясь в казарму, Саша Лившиц счастливо надрывался в четыреста плоток:

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней пехотные роты
Вышли за Родину в бой.

Вот то самое и распевали танкисты на громыхающих открытых платформах:

*Ñì àèùé è ì íáááá ñò ðàì èòíý.
Ñì àèùì – àíðíá ñí àðáá.
Ñì àèíá ì óý áí èòíý,
Ñì àèíá øòùé í á áááò.*

Мама прижала меня, годовалого, к груди и заплакала.

*Ñì ìòðàè, èàè àèýðò àáí ùèíú. Ñ èíèýíèàì è, ñ ñù èàì è, ñ ì óè:èíàì è... Àáí ùèíá, èíòíðàý ñ àòíý
è èíòíðàý çááù àèáñù è èíòíðàý óíòàèà, è àùá, àùá..*

Ááá àíò àðáí á

Один – Овчинников, другой – Повезло с фамилией. Овчинникову 80 лет, а которому повезло – 77. С малым промежутком доставили их по «скорой» – сердечные дела. Неделю валялись в реанимации. Нынче в палате, и койки бок о бок.

Что этого, что того в армию забрали перед войной. Овчинникова – с завода. Успел жениться и ребятеночка произвел – мальчика – мордатого мужика, что с регулярностью навещает отца, одаривая врачей и медперсонал. У Повезло с фамилией – дочь. И брат в Израиле. Тоже приехал с ближневосточными сувенирами.

– Слетаются... – сказал Повезло с фамилией.

– Мои, видишь, бояться, – вздохнул Овчинников, – как бы домой не сплавили... Сидеть-то со мной кому?

Война застала его в Прибалтике. Бомбили в первый же день. Узловая станция, эшелоны. И казармы на Вокзальной улице... Всю ночь местные прибалтийцы мигали фонариком, приманивая немецкие самолеты, и сняли по-тихому наших молоденьких часовых. А утром – парашютный десант...

Но в окружение Овчинников не попал. Начальство подсуетилось насчет семейства и барахлишка. Прибежал бравый генерал и тыкал подряд:

– Ты, ты, ты, ты...

Натыкал с полроты, человек сорок. Они укладывали в теплушки то, что накануне войны разгружали: обмундирование и сапоги. Прицепили к составу спальный пассажирский вагон с генеральскими женами, детишками, чемоданами и тронулись без гудка. Среди челяди был и Овчинников.

– А мне с фамилией повезло, – сказал Повезло с фамилией.

Его призвали из института, с третьего курса, и направили в Орловское танковое. Осенью подступили немцы. Орел сдали и перебазировали курсантов в Майкоп. На следующий год, летом, немцы добрались и туда. Пришлось урезать программу, заканчивать впопыхах. Выпускников-досрочников построили на плацу и командуют:

– Фамилии с А до С включительно, два шага вперед!

Ну и шагнули. Прямо на фронт. Сходу под Сталинград...

А которые на Т и прочая азбука – кругом марш! На Дальний Восток и в Забайкалье. Заслон и щит против Квантунской армии. Дождись войны с Японией...

– А ты, стало быть, аккурат на Т, – сказал Овчинников.

– Я же танкист, – сказал Повезло с фамилией, – Танкелевич...

За полвека ни он, ни Овчинников ни разу не встретили прежних своих приятелей – ни прибалтийских сверхсрочников, ни майкопских досрочников. Которые полегли в Прибалтике. Которые шагнули вперед. От А и до С. Включительно... Никого!

– Меня под Москвой ранили, – сказал Овчинников. – Девять месяцев – в госпитале. Как по новой родился... Комиссовали – и домой. Лежу с бабой и думаю: теперь нипочем не помру.

– Точно, – сказал Повезло с фамилией. – Победу отгуляли – я и женился. Ну, думаю, уже никогда не умру...

Ī īnēāā, Ēōāī ēū īāōāūāīēā

Сегодня, 23 февраля, направляю вам копию своего письма Герою России (имя зачеркнуто) по поводу его выступления в нашей лагерной газете. Прошу ознакомиться с содержанием данной тетради и ответить на один-единственный вопрос: кто я?

Формально, по личному делу – Секретарёв Евгений Иванович. Фактически: Платишевский Евсей Исаакович. Фамилия же «Секретарёв» получена мною при задержании, в связи с чем и ношу ее до сих пор.

Впрочем, вот как все получилось.

Представьте себе молодого парня, которого в четырнадцать лет коснулась блокада Ленинграда, в семнадцать – осколок фашистской мины... да еще кое-чего по мелочи, что ранит душу и трудно поддается излечению.

И вот этот молодой парень, в силу своего неугомонного характера и любви к Родине, под наспех вымышленной фамилией Платов и с завышенным годом рождения, уезжает на фронт, где бьет (и неплохо бьет!) фашистов, отдельные части которых оказывают отчаянное сопротивление.

Так, в одном из жарких боев наш парень выводит из строя немецкую самоходку и на другой день, раненный в руку, занимает важный стратегический объект (исправлено – плацдарм). За что представляется к правительственной награде. Которую не успевает получить ввиду срочной эвакуации в госпиталь. И которая по сей день хранится в Архивах военного ведомства Неврученных Наград.

Ну чем, скажите, не заманчивый сюжет? Хоть, право, снимай кино!..

А ведь тот парень (зачеркнуто)...

В 1945 году, выписавшись из госпиталя города Кисловодска, я прибыл для дальнейшего прохождения службы в распоряжение пересыльного пункта города Новочеркаска. Отсюда рекомендован в специальное училище Красной Армии. Но в пути следования заболел и был отчислен от команды в военный госпиталь города Харькова. Там, пройдя курс лечения (зачеркнуто)...

Однако болезнь дала рецидив, и я очутился в затруднении. Ибо снова лечь в госпиталь в моем транзитном состоянии нелегко.

Так, после некоторых мытарств в одно распрекрасное утро проснулся я на вокзале города Ростова без документов и денег, которые, по-видимому, кто-то ловко стянул. Погулял я, бесприютный юноша, по Ростову и угодил в милицию. А волокли меня чуть ли не как шпиона.

Пьяный, простите, следовательно, вращая глазами, рычит:

– Знаем, какой ты... Ишь, ша-пана!.. Фамилие!

Я стараюсь спокойно разъяснить, что такой метод работы (зачеркнуто)...

– Секрет, – говорю, – военная тайна... Не скажу фамилия!

Тут следователь – не то спяну, не то сдуру, а скорее всего, по обоим причинам (зачеркнуто), следователь сходу занес: СЕКРЕТ. «-арёв» прилипло наутро, когда палец мой тиснули в какой-то графлений лист и выгнали в шею, забывши вернуть часы – фронтовой подарок комбата (вставлено между строк).

Меня оно, признаться, не особенно поразило – видел вещи и посмешнее и покрасивее. Но что же, думаю, делать?.. Вопрос решила милиция. А именно: задержала вторично и предъявила обвинение – лицо без определенного местожительства

и занятий.

– А-а, старый знакомый! – радостно восклицает следователь. – Теперь, голубчик, от тюрьмы не уйдешь! (Зачеркнуто.)

Продолжая дискутировать, хватаю чернильный прибор. Но подоспевшие милиционеры заталкивают меня в подвальную камеру, где устраивают «водную процедуру» (зачеркнуто).

И вот лежу я после того «душа» и философствую. А рядом какой-то чудак распорол себе брюхо стеклом, вынул кишки и перебирает, как фокусник в цирке.

– Ты что, – спрашиваю, – делаешь?

– Прокурора, – говорит, – вызываю. – И давай их, кишки свои, накручивать на руку. – Я, – говорит, – и не то могу. Сердце, – говорит, – могу вынуть и три месяца на воде жить.

Ну, потеха!

– Закуривай, брат лихой!

Не успели перекурить – снова тащат наверх. Смотрю, на столе у следователя чернильного прибора нет. Стратег, думаю, тактик. А сам покосился на увесистый пресс-папье.

– Ну, военная тайна, давай закруглять!

– Врача, – говорю, – дайте. У меня температура под сорок.

– А вот, – говорит, – подписывай. Там и врач будет.

– А чего, – говорю, – подписывать?

– А вот, – говорит, – что здесь написано.

Пробежал я вскользь по листочку, где я уже был не я, а какой-то тип без роду-племени, да и прошелся ломаной кривой... Черт с ним, думаю! Лишь бы врача дали! А там еще поглядим!

Так, с воспалительным процессом и температурой под со...

*Ἰὼ, Ἰταῖοί, ἀπὸ τοῦ πὶ ἰδᾶ,
Ἐἴηθ' ἔτι σοῦ ἐὰν γὰρ ἰάτρου οὐ
χὲρ ἀλάου, πῦρ ἐν τῷ, ἰάτρου ἀεὶ?
Ἄτ' ἄτ' οὐ, ἰδᾶν, αἶμα οὐ.*

Нога

Ἀδελφὸς Ἀδελφίος

Одессит простодушен. Вы ошибаетесь, полагая, что хитрость родилась на Дерибасовской. Ее не видел там даже Аркадий Аверченко, шуткам которого хихикала вся Россия. Он писал о Куликовской битве: «И вдруг раздался характерный треск. Это у Мамаю лопнуло

терпение».

Или мой друг Гриша Бравин. Заметьте, в Одессе не любят околичностей: бравый – значит Бравин.

– Смотри на моих соседей, – огорчается он. – От них уже идет дым... Сгорают от любопытства, с кем это я прогуливаюсь.

Мы садимся в троллейбус: «Вокзал – ул. Толстого». Народу битком, потому что метро в Одессе нет.

– Берить билеты! – зовет водитель. – Берить билеты!

Мы стоим, сдавленные со всех сторон.

– Нашли время и место, – говорит Гриша, – где билеты продавать.

И вы уж смеетесь. А чему, собственно? Человеку тесно, и он выражает свои чувства на родном одесском наречии.

Но вы не верите и подозреваете изворотливость ума. Совсем как генерал Криворученко, который летом далекого года вызвал капитана Бравина и объявил, что назначает его районным уполномоченным: вот тебе, Гриша, бецирк, командуй!

– Но я же танкист... – заморгал Гриша.

– Ты одессит! – не сморгнул генерал.

И Гриша Бравин стал районным уполномоченным. Дело, само по себе, нехитрое. Присылают бумагу: к такому-то дню пригнать сто коров. Но как их собрать – вот задача.

Есть в твоём бецирке Ганс – пятьдесят коров. И есть Фриц – одна корова... Конечно, что нам с того Фрица? Ну, старик. Сын погиб. И могилу перепахали... Да поди знай, каких этот Фрицев сын дел натворил, покуда в могилу не уложили...

А корову берешь не Фрицеву – Гансову. И первый раз берешь, и второй, и третий...

А был там в бецирке заводик. Ликерно-водочный. И когда из пятидесяти коров осталась у Ганса половина, принесли районному уполномоченному вино в плетеной корзинке. Для пробы. Вам-де по должности...

Слыхали новость? Районный уполномоченный на веранде обедает. Вино стоит, играет на солнышке. А районный уполномоченный носом шмыгает, винный дух тянет... И вдруг приходит солдат. И несет в руках... Что ж он несет?... Эх, занавеска мешает, издали не видать... Наперсток, что ли?... И откупоривает бутылку, и наливает вино в тот наперсток. И господин районный уполномоченный тянет его целых три минуты.

И уходит... А бутылка на столе. Полнехонька.

– Посмотри на меня! – сипит Гриша. – Вот ларек – пиво теплое. Чтоб ему простудиться!.. И то пройти не могу... А там – два месяца по наперстку. Каждый день по наперстку душу мне вынимали!

Но у генерала Криворученко была жена. И доставить ее из города Киева в город Дрезден поручил генерал bravому Грише. Дал американскую машину «додж». И пятерых солдат. И выписал путевой лист: Дрезден – Варшава – Брест – Киев.

Генерал не видел жену три года. Ровно столько же, сколько капитан – Одессу. А ведь от города Киева до города Одессы всего-то пятьсот километров... Но если можно заехать в Одессу, зачем

возвращаться той же дорогой? Когда есть другая! На Румынию, на Венгрию, на Австрию, на Чехословакию – и в Дрезден. Даже по карте короче. А если длиннее, так разве жена генерала Криворученко не должна посмотреть Европу?!

Осенью далекого года Гриша Бравин попал в Одессу. Еще гуляли на Приморском бульваре американские моряки – степенные, дюжие негры. И одесская милиция подбирала их, пьяненьких, подле гостиниц, «Лондонской» или «Красной», и волокла – пять человек на негра – в отделение.

Гриша Бравин тащил вместе с ними. А машина «додж», из-под брезента которой выглядывала испуганная генеральша, медленно шла у обочины.

Своих стариков Гриша застал в подвале. Довоенная халупа была занята. Обосновались там люди, которые никуда не уезжали. И когда старики Бравины вернулись из Красноводска, их на порог не пустили.

Бравый Бравин приказал в 24 часа освободить незаконно захваченную жилплощадь.

– Это почему ж незаконно? – завопили они и стали совать бумаги.

– Я неграмотный, – прошептал Гриша. – Лучше сверим часы. Завтра об эту пору чтобы духу вашего не было.

Те люди побежали в милицию. Но что милиция против боевого капитана с пятью наградами и пятью солдатами. И машиной «додж», которую он любезно одолжил для собирания негров. Милиция подтвердила, что тоже неграмотная, а в придачу – на местном наречии – німа, сліпа, глуха... И через 24 часа старики переехали.

Прежних жильцов Гриша выселил лично, поскольку они не позаботились сами. Пятеро солдат вынесли мебель, а в комнате справили новоселье, которое почтила своим присутствием мадам Криворученко. И никто не слышал, как под окном лепетали: раз милиция откажется, раз вона не хоче...

Поздно ночью Гриша шел по родному городу. Если вы приехали в Одессу летом, вам, несомненно, понравится Пушкинская. Не вся, а тот первый ее квартал, до Большой Арнаутской, обсаженный платанами. За вашей спиной грохнет трамвайная стрелка, переводимая гнутым обрезанным ломиком, вручную. А вам будет так жарко, что нет сил испугаться, вздрогнуть и оглянуться. Платаны накроют вас с головой. Будет сумеречно и холодно, как в туннеле. Вы поставите чемодан и сядете. И вам захочется просидеть всю жизнь.

Если приехали в Одессу весной... Но он не приехал в Одессу. Он родился в ней. Еще утром радовался, как газанет по Европе, – Бухарест, Будапешт, Вена... А сейчас бредет по трамвайным путям, что окружают Греческую площадь, и одесская синяя звезда мигает-дробится в железном рельсе...

Эй вы, кто подкрадывается сзади с гнутым обрезанным ломиком! Поскорее делайте свое дело! Да не смотрите в лицо... в мокрое Гришино личико...

Его бьют по голове. Раз. И еще раз. Он не падает. Оборачивается. Наносит удар. Железный трамвайный прут гремит на бульжнике... Но, наверное, их много, потому что под ним, задыхаясь, кто-то шипит: «Хведя... Василю...»

Поутру приползает к солдатам. Не домой. Упаси и помилуй, не домой! Чтобы не волновать мамочку!.. И все в порядке. Только нога не ходит. Но почему нога, если били по голове?

– Ты понимаешь! – клянет себя Гриша. – Вместо того чтобы забрать генеральшу и прямым ходом дуть через всю Европу (что мне нога? у меня – машина!), я слушаюсь умной своей головы и иду до госпиталя. Там меня кладут на койку и велют сдать команду сержанту Смычко. И уже не я, а тот колхозник жмет через всю Европу. А я лежу как бревно четыре месяца кряду, потому что майор Розенцвейг спасает мне ногу...

Мы заходим во двор Гришиного дома. Мальчишки гоняют в футбол, и Гриша рвется в гущу событий.

– Дяденька, – кричат мне, – держи Григория Ефимовича!

Но Гриша бежит на длинных своих ногах, обводит меня и замахивается. Мяч, пущенный его ногой, летит в высоту, уменьшаясь в размерах. Где-то на четвертом или пятом этаже звенят-сыплются стекла. Изо всех окон, круглые, как мячи, высовываются любопытные одесские головы, и Гриша спрашивает у них, словно приглашая в свидетели:

– Ну, скажите, на черта мне та нога?

*Í î Áðèà àáèèò ìà àèèííúò ññèò ìíññ, íááíàèò ì áíý
è çàì àðèááàòñý. Í ý, íòóáííúé áñ ìíñé, èáòèò á áñòèíá, òí áíúòáýñíí á ðàçí áðáò.
Áíññì ù èèèíì àò ðíá áñ × áèýáèí ñèà*

Ранило меня. А девушка-санструктор уже одного тащит. Тяжелого, без сознания. А ты, – мне велела, – сам ползи... Ползи, еврейчик, ползи! Рядышком! Не отставай. Тут медсанбат недалеко. Вот я тебя свободной рукой обойму.

Так всю дорогу и урезонивала. Медсанбат, дескать, туточки. Осколки-то извлекут – и на Урал. Долечивать... Глядишь, прямо в город Челябинск. У меня там родные: отец с матерью, брат младший... От дочки-сестрицы привет передашь. С фронта...

Ползи, еврейчик, ползи! До Челябинска, милый, всего-ничего... И рукою за шею цап, обхватила. Прижмется да поцелует для бодрости.
Ну и дополз! Выкарабкался!

Óëëöà Ðàéçàðà ñ óáááí î éáí èáí

Генерал Яков Григорьевич Крейзер и народный артист Марк Осипович Рейзен отказались подписать петицию о переселении евреев в Сибирь и на Дальний Восток.

Вся эта история у нас в доме произошла, и я вам сейчас доложу. Дом наш новый. Хотя, конечно, как новый? Который год уж стоит... Когда строили, кругом деревня была, избушечки-сараяшечки. После школу возвели, детсад во дворе... Садик при нем ставили, при Якове Марковиче.

Он как вселился – никто и не знал. Приехал на грузовом такси, в штатском, с рабочими мебель ворочает... Ну, на собрании познакомились. Сам-то в отставке, к нам на учет взялся... И напевает:

***Í é, çàóááò ááò ááðááá
Í à íáí íáðÿ ááò í é.
Á ñèí àí í áÿ ááò í :éà
Í ñò áéááí ñè ò í é.***

Зима в тот год была лютая. Настоящая зима, на редкость. Хотя бы такой вопрос – снегуоборка. Это ж стихия!.. А туг оно и случись. Я что думаю? Ну, был бы на месте – все равно бы старушка к нему постучалась, к Якову Марковичу... Да повстречай я ту бабульку, мы бы другой финал подготовили. Так не было меня! Он был. Вечером ко мне прибежал:

- Ты, блин, что делаешь? Как смеешь?.. Про седьмой корпус слышал?
- А зачем? Он с лета забитый...
- Пустой? Забитый?.. Да я только оттуда!

И чуть ли не с кулаками. Старушка-де из барака. Их три семьи. И каждый день мужик какой-то приходит: родные-любимые, потерпите!.. Но мы, старая плачет, терпеть возражаем. Генерал-батюшка, заступись!

- Газ отключили... трубы полопались... холод... детей в одеяла закутали...
- Слушай, – я говорю, – как же так?

Ну и сообразили мы (я сообразил), что ордера-то пустили налево. Корпус, по справке, сломан, ордера у начальства – и продали ордера! А тех из барака по-тихому расселяют... А я, выходит, прохлопал.

- И дорого продают? – он спрашивает.

– Ордера-то? По-всякому... – И рассказал, где раньше работал. Как из центра турнули. И еще случай, и другой. Бывают события в нашей коммунальной жизни.

- Ну, спасибо, – он говорит. – Теперь я этим корпусом покомандую!

И напевает:

***Í é, áðá, áðá áðíéíá-
B á ñò í ò í á :óé í é.
Á ò í ò í á áðá áðíéíá-
Í á ò í à ò á ò ñ í í í é.
Á ò ðá ò í á áðá áðíéíá-
Í í ä á í ò á ò ò í á í é.***

И на другой день (завтрашний) тоже я не присутствовал. Знаю, отправился он в Управление. А там инженер есть – Лёвин. Через «ё». Что старушек улещивал. Скромненький, лысенький, в нарукавниках.

- Слушаю вас. Садитесь, пожалуйста. – Кланяется, стул пододвинул...

Нет, меня не было. И никого не было. Лёвин был. Через «ё». И после показывал: Яков-де Маркович на него кинулся, чернильницей замахнулся. Кляксы какие-то на столе... Их потом на анализ брали, на экспертизу.

И я на суде выступал. Мол, не было! Не такой, кричу, человек! Генерал, блин! Трезвый! Выдержанный!.. А на самом деле – бросился. И убить хотел. И убил бы.

- Ну, шум, суета, концы в воду. Лёвин один в виноватых остался... Через «ё».

Чернильница больно тяжелая была – древняя, цветной металл. «Ё» с улицы приволок. Для солидности. Ребята в утиль везли, а он и прибрал.

- Всего и успел морду ему забрызгать. И упал...

- Сколько раз поднимался. Огонь, дескать, ура! Вперед, так вас и сяк!

Теперь приходят: давайте в газетку напишем, улицу назовем... Ну давайте! А дальше-то что? Вот вы лично мне подскажите!

Ñ :óé áé í í é áíí ñáí é á ò ñ ÿ,

Еще живы люди, раскрывшие в середине века «Литературную газету» и прочитавшие небольшую статью Ильи Григорьевича Эренбурга, где Слуцкий сопоставлялся – осторожно и косвенно – с Николаем Алексеевичем Некрасовым.

Силы Небесные, что тут поднялось!.. Впрочем, что конкретно – узнайте из трехтомника Слуцкого. Уже покинувший нас Юрий Леонардович Болдырев подробно все излагает и во вступительной статье, и в примечаниях.

Я же приведу стихотворение, напечатанное после смерти поэта в журнале «Дружба народов», 1988, № 11. Неслучайно, подчеркиваю, именно в «Дружбе народов» (ДН). И по тематике, и по особой причине...

В стихотворении, в первой же строчке, встретите вы Василия Александровича Смирнова, что в либеральные, оттепельные годы редактировал ДН. И сочинял, небось, складные статейки под общим титулом «Чувство семьи единой».

Стихотворение Слуцкого озаглавлено «Отчество и отчество». По правилам вроде наоборот – «Отчество и отчество». Но Слуцкий пренебрег ритмом и поставил отчество на первое место.

*- Í î ï ò : ã ï ò ã ï - ó : è è Ñ ï è ð í í á
Á ã ñ è è è , -
è ò ð ã ñ ï ç ï à ò ù ã ï ç ï í æ í í á ç ù è è è è .
- Ò à ï è è è è - ñ è í ò í ù á ï ñ ã ã ï í è ï ù ,
à è ï á í à - í è í ò í ò ù í í è á ç ã ï ò í ò ù í
è ò í è ù è í á ï ò : ã ï ò ã ï ï á ï è ò ð ã ï è ï ù
è ò í í á ï í è æ è , í í æ è í í ñ ò ù è ñ ò ù
Á æ ñ ò æ ò æ ù ï , ñ Ñ è ò è è ï è è í ç ï ï ï è
æ æ ð ò à ï è è è ð . Á Á í á ò í í á -
í í è ò æ è à È (ò í æ è ò á ò í á ò í í !)
Á í ð è ñ Ñ è ò è í á í á ò è è : è ò ù á è ç ï ï í á
Í î ï ò : ã ï ò ã ï - Á á ð à ï í æ : . Á á ð à ï -
í ò ã ï . Á á ð à ï Í á ò í í æ : , á á ï ï á ï
Í î í í - í ò ã ï . È í ò : ã ï ò ã ï , í á í æ í ,
ÿ , è à è í ò : ã ï ò ã ï , í á á í á ï , í á í ò á ï ï .*

Борис Абрамович лукаво ссылается на Слуцких князей. Дескать, подобно им, происходит с речки Случь, из города Слуцка в суверенной покуда Белоруссии.

Да где ж те князья!.. А Слуцкий (и Слуцкин!) – известно, чья фамилия. Не говоря уж про Слуцкера... Бдительный кадровик мгновенно усекал Яковлевичей, Давыдовичей, Осиповичей, Самойловичей... Плюс Григорьевичи, Семеновичи, Михайловичи, Матвеевичи...

Мой дядя – Моисей Случевский – ударял на «у», а дворянский отпрыск – поэт Константин Случевский – на «е». Маленькая ли тут разница или «две большие» – it depends – как посмотреть...

Среди законов, сметенных Февральской революцией, был такой: не христиане (нехристи) не смели величаться (по документам) христианскими именами. Но Слуцкий родился в 1919 году и был официально записан Борисом (не Борухом и не Бером)...

Отчество и отчество. Лермонтов некогда восклицал: «Люблю отчизну я, но странною любовью!» А Эренбург: «Да что ж тут странного? Она одна».

Идея единой Родины укоренилась не сразу. Сперва как кричали? У ПРОЛЕТАРИЕВ НЕТ ОТЕЧЕСТВА!.. И Александр Исаевич Солженицын, похоже, оглох от истошных тех воплей.

Некий эмигрант, служивший по найму в парижском полпредстве (посольстве), горько сетовал, что им, советским, ближе французские коммунисты, чем он, коренной русак... С годами, однако же, обнаружилось, что «братья по классу» – даже не свояки.

В тридцать седьмом, когда судили военных, Виталий Маркович Примаков – комкор с подозрительным отчеством (не родственник ли экс-премьера и академика?) – и вот будто бы говорил, отводя, кроме прочего, те самые подозрения:

– Состав заговора – из людей, у которых нет глубоких корней в нашей советской стране, потому что у каждого есть вторая родина. У каждого персонально – семья за границей. У Якира (командовал Киевским военным округом) – родня в Бессарабии. У Путны (военный атташе в Англии) и Уборевича (командовал Белорусским военным округом) – в Литве. Фельдман (возглавлял Управление по начсоставу) связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой. Эйдеман (член совета при Наркомате обороны) связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной.

Не имеющие корней... не корневые... не коренной национальности... евреи, литовцы, поляки...

Но как поступить с французским генералом Зиновием Алексеевичем Пешковым? Старший брат Якова Михайловича Свердлова, еврей по крови, приемный сын Алексея Максимовича Горького, православный... И сомнительно, чтобы Шарль де Голль сильно был озабочен, направляя его послом в Китай.

Или Элиас Канетти – лауреат Нобелевской премии по литературе. Еврей, родившийся в Болгарии в испаноязычной семье, учившийся в Австрии, переселившийся в Англию, писавший по-немецки... А почему, кстати, по-немецки? Потому, разъяснил Канетти, что я не в силах отдать язык Гитлеру.

Когда в 40 – 50-е годы разоблачали космополитов, ходила печально-веселая байка. Будто бы Шолохов допытывается у Эренбурга, какой, блин, Родины вы патриот?

– Я патриот той Родины, – сказал будто бы Эренбург, – которую предал казак Власов.

Хотя Андрей Андреевич Власов (1901 – 1946) – не казак, а великоросс. Семинарист, член партии, генерал-лейтенант... да и с предательством не так оно просто... Но байка, согласитесь, занятная.

В сборник «День поэзии» (1956) пробилось стихотворение Слуцкого «Я говорил от имени России»:

*...Ñòîþ ï ääâ òäâí ääì è í äéí ò í ùì è,
Ðäííüýí í ùì è ÷ äñ í äçäâ ä äíþ,
Í ääâ äéí äí ùì è, í ääâ öíéí äí ùì è.
Äíéí äí ùé è öíéí äí ùé - ò äé! Ñòîþ.
Èì öéä í ä äü ääí, èì í äòðí í ääí ääí í,
Èí òíðüé ääí üí í ñ äòü èì í ä äþò.
Í í ý í äí íì è í äþ èì í ðí Ðí äé í á
Í í é ÷ äò. Í í þò. È ä í í äí é äí é è äòò.
...B ýò í ò ääí ü äí ñ íì è í äí ü ä ýòí
È ä é ñ ä ä ä é ñ ä é ö ä þ í ñ í ä ä ä ü ý ä é ö ü
Ç ä ò ä í, ÷ ò í ä ä í í äí é äí é ä é í ñ ò é - í í ý ò ä
Í ò èì äí é Ðí ñ è è ä ä ä è ö ü*

Ì íé m̄m̄á Áíðēñ N̄eóóèèé

Áðeáðeé Ááèéáí íá

Íáí áeáú á ×áññéíáèèé, òíáá áúá – ×áññéíáèèé, m̄ðñéé í áý çíáèí úé èèòáðáòíð: ñéóáéòá, èáé yòí ó áññ éþáé æéáò á íáúéò èááðòèðáò? Èáé áííáúá í íáéíí æeòúñéáí - òí á íáúáé èááðòèðáí? Í ó ÷ òí òóò íáúýñ èòú? È èáé íáúýñ èòú? È ñéé:áñ áíéáí ÷ áí ÷ áðáç í ýòúññáýò ñééòíéí èáò ííñéá áíéíú, ííááéòáéé, ñòáðèéé-ááðááíú, áññ áúá æéáò á áðíááò á òáé íáçíáááí úò èíí í óíáééáá. Áññ æéáò, èíááá áíéááò áí íéò í:áðááú, á ííá ðáñyóéáññí íá ííéááéá ñ èéòíéí. Áíéúèéíñòáí í á áíæááéíññí

Íáòéí m̄ñáíí íí èááðòèðá íáéíéúéí èáò áúé Áíðēñ N̄eóóèèé. Í á íí íáíðñééññ é íáí, í ú é íáí ó íáíðñééññ íí áúé òíéíñyé. È èíáá á N̄ípçá í èíñòáéé ðáññ ðáááéýéé èááðòèðú, é íáí ó áññòðñééáññí í:áðááú, í ú á íáé áúéé íýòúí è íí ñ:áòú Í í òáí, ÷ áðááúí, ááéé í òááéúí úá èááðòèðú, è áí ò í ú – m̄ñáé, ý íá yòíí í èíáé íáí áeáú.

В быту он был совершенно беспомощен. Рассказывать об этом все равно что рассказывать серию анекдотов. Обычно часа два-три с утра он переводил стихи, с каких языков – не суть важно, переводил по подстрочнику: это был заработок, на это он жил, как многие поэты в то время.

Так вот, с утра, как обычно, переводит Слуцкий стихи. Сижу и я в своей комнате, работаю. Вдруг – взрыв на кухне, звон металла. Что такое? Оказалось, Боря решил почистить ботинки, куда-то он собрался, но вакса, долго не востребованная, засохла. Чтоб растопить ее, он зажег газ, поставил банку на огонь, а сам тем временем продолжал переводить стихи, и мысль его далеко витала. Жестяная банка грелась, накалялась, да и взорвалась, на потолке остался черный след. Хорошо, хоть дверь была закрыта, сквозь стекло в двери мы увидели, как по всей кухне крупными хлопьями оседает жирный черный снег.

Переводы его печатали, а его поэзию печатать не стремились. Ну кто из тогдашних редакторов, при тогдашней цензуре посмел бы напечатать вот это:

Á í íé òíçýéí íá éþáéé í áý -
Í á çíáé í áý, íá ñéúóáé è íá áéááé,
Á áññ-òáéé áíýéññ; èáé íáý,
È ññ ðá:íí, ááþí í íáí ááéááé.
Áí ó èáçáéíññ ý í ðeòáíðí í íéá-ó
Èíáá í òáá í éí ý áéíáóñééíýé,
Áí ó èáçáéíññ ý áññ áóéó í ðý:á
Á ý áññ æéçíú ðááí òáé í á íáá,
Èíæéññ í íçáíí, ííáí èí áéññ ðáí í.
Èþáéé áá. È çá íáá áúé ðáí áí.
Í í í íá íá ííí íáééí í é:áá.
Á ý áíçéé ññáíé áá í íðòðáò.
Á çáí éýí éá áññáé è á í áéáò éá áññáé -
Ñí í òðáé, m̄ í òðáé,
Í á áññááé m̄ í òðáòú
È ñ éáæáúí ááíí í íá áññ ðáæá ðáæá
Í áéáí íþ èáçáéáññí í áéþáí áú
È í ú íá íáñòðñáí úý í íá íá áññéò
Òí ò ýáí úé òáéò, ÷ òí èññ í éíí ááéíá
Òáééé, èáé ý, òíçýááá íá éþáýò.

Гадать не нужно, о каком хозяине речь. И хотя времена были уже хрущевские, но не забудем, как Хрущев сказал во гневе: во всем я – ленинец, а в отношении к искусству – сталинец. Это теперь мы убедились, что и Ленин, и Сталин «в отношении к искусству» близнецы-братья с той лишь разницей, что один, как утверждали, любил слушать «Аппассионату», другой – «Сулико». Но тогда еще были иллюзии. Стихи Слуцкого ходили по Москве, но напечатать... Голову могли оторвать за это, партбилет отнять, а уж кресло из-под зада редактора наверняка бы выдернули. Или вот такие стихи:

Ááðáé òéááá í á íáþò,
Ááðáé á èááéáò ò í ðáþò,
Ááðáé ðáí úóá éúñáþò,
Ááðáé áíéúóá áí ðáþò.
Ááðáé - éþáé èéòéá
Í í é m̄éááòú í éíòéá
Èááí áíþáò á í éííá
Ááðáí òí ðááíò á ðááéííá

*В уої пѣтї о аѣ п̄ ааої н̄ о аа,
 Нѣтї м̄ аїї і н̄ о ааѣ,
 І і аїї і еѣ о аа і а аа о і н̄ ѣ
 І о еѣ еа: «Аааае, аааае!»
 І а о і д̄ аа аа о е і е даѣ
 І а аї д̄ аа аа о е і е даѣ
 І і о о а і н̄ аа, еае ѣ аа даѣ
 І д̄ еѣ ѣ о ѣ у о о даїї
 І о ѣ і а і ѣ і е і і аа еа,
 х о і а а і д̄ е е і н̄ і і а а е а і:
 «Ааааа і а о а е а а е і!
 Ааа а і д̄ о е е е і н̄ і а е е а і!»*

Он был ранен, контужен, демобилизован в чине майора. Война кончилась, но контузия долго не отпускала его: страшные головные боли, две трепанации черепа он перенес после войны. «Эти года, послевоенные, вспоминаются серой, нерасчлененной массой, – писал он. – Точнее, двумя комками. 1946-1948, когда я лежал в госпиталях или дома на диване, и 1948-1953, когда я постепенно оживал. Сначала я был инвалидом Отечественной войны. Потом был непечатающимся поэтом. Очень разные положения. Рубеж: осень 1948 года, когда путем полного напряжения я за месяц сочинил четыре стихотворных строки, рифмованных».

Да, хозяин не любил его. И хозяева поменьше и еще поменьше... Но если б только хозяева от мала до велика на всех ступенях этой длинной лестницы, а то ведь братья-поэты, они в первую очередь не прощали ему таланта. Бездарные люди таланта не прощают. Помните, у Блока: «Здесь жили поэты, и каждый встречал другого надменной улыбкой». Стихи Слуцкого ходили по Москве, но в Союз писателей приняли его не сразу, в два захода. Не случайно говорилось, что в литературу он вошел раньше, чем в Союз писателей. Впрочем, так и должно бы быть. Если б так было!

А тут еще такое обстоятельство: Илья Эренбург написал статью: «О стихах Бориса Слуцкого». Да не вглубь, как хвалят бездарей, хвалят, а процитировать нечего. Он приводил строки его стихов, в том числе – ненапечатанных. Можно представить себе, сколько сразу прибавилось доброжелателей. И это после «дела врачей», после длительной борьбы с так называемыми космополитами, а в том и в другом деле – почти сплошь еврейские фамилии. В городе Горьком, не помню уж кого, но совсем не «космополита» зачислили по злему умыслу в космополиты, он оправдывался стихами: «Бываю раз в неделю сытым, / Хожу не стрижен и не брит, / Зовут меня космополитом, / Какой же я космополит?» После длительной промывки мозгов, после того как настроение общества соответственно было подогрето, сидеть бы им всем тихо, так нет же, Эренбург выдвигает и не кого-нибудь, а – заметьте – Слуцкого! Ну?

По пальцам можно перечесть, кто из писателей в годы войны сделал столько, сколько сделал Эренбург, не случайно Гитлер много назначил за его голову. Но война кончилась, пошли в писательской среде свои сборы-разборы, если б могли, расклевали бы Эренбурга живьем. Но видит око, да зуб неймет: было известно, к нему хозяин благоволит. А ведь, как писал Слуцкий, «Мы все ходили под богом. / У бога под самым боком. / Он жил не в небесной дали, / Его иногда видали. / Живого. На мавзолее. / Он был умнее и злее / Того – иного, другого...»

Не могу вспомнить, чтобы Боря когда-либо улыбался, шутил. Может быть, где-то в компании, но все-таки мы жили рядом не один год, а смеха его я не слышал. Впрочем, один раз он пошутил, помню. Было это под Новый год, мы принесли елку, холодную с мороза, поставили на кухне оттаивать, и наш тогда еще двухгодовалый сын, увидев, начал вдруг ходить вокруг нее, приседая, и зашел: «В лесу родилась елочка...» Он рано начал говорить, а слух у него абсолютный. Тут как раз вышел из своей комнаты Боря Слуцкий, увидел, наставил на него строго указательный палец: «Ты – заяц, а я – нет!» И Мишутка, испугавшись: «Сам ты заяц...»

Не то чтоб лицо у него было хмурое или расстроенное, но, как правило, напряжено, а профиль чеканный: высокий, немного покатый лоб, надбровье, нос, усы, подбородок, намечавшийся под ним второй подбородок – медаль можно было чеканить, я говорю это серьезно. Он любил покровительствовать. Например, молодой, никак еще не прославившийся Илья Глазунов приходил к нему, и Боря кому-то о нем звонил, говорил что-то рекомендательное, а у стенки стоял большой карандашный рисунок Глазунова. Сейчас это покажется странным, особенно если учесть житейскую неприспособленность рекомендателя и таранную мощь рекомендуемого, не ведающего стыда. Но не забудем, даже мудрецы, мудрые наедине с листом бумаги, в живой жизни плохо разбираются в людях.

Эрнст Неизвестный, с которым мы знакомы давно, он читал мою повесть «Пядь земли», не единожды говорил мне о ней, словом, мы одного, скажем так, военного поколения, рассказал интересную подробность о Глазунове. Не то чтоб разнесся слух, но поговаривали, что Неизвестный уезжает. Я позвонил ему, сказал, что мы с женой хотим посмотреть последние его работы, и поехали к нему в мастерскую. Я знал, это – прощание, захватил с собой бутылку коньяка, которую мы с ним и выпили, Элла только пригубила. Засиделись мы поздно, говорили о многом, у каждого целая жизнь была позади, а увидимся ли когда еще – Б-г весть. Мог ли я тогда представить себе, что пройдут годы, и с моей дочерью Шурой мы

был конец пятидесятых, и, если ты не руководящее должностное лицо, если у тебя нет обширных связей или ты не хочешь ходить и кланчить, ходить и кланчить, взятку подсунуть, жди. Да ведь и сейчас, сорок с лишним лет спустя, в России очередь на установку телефона – 6 миллионов человек. Короче говоря, мы поставили в передней самодельный переключатель: кому надо говорить, переключает на себя. Но дети имеют то свойство, что иногда они болеют, да и теща моя была уже немолода, страдала гипертонией. Не помню, для кого, но потребовалось вызвать неотложку, как всегда в таких случаях, – срочно. А телефон занят, тут уж само просится на язык: «вечно занят телефон». Я постучал в дверь:

– Боря, мне надо вызвать неотложку!

Он встрепенулся, метнул в меня взгляд, поднятая рука его задрожала в воздухе: не прерывать, разговор идет о высшем. Уж не с Г-сподом ли Б-гом по прямому проводу? И вызывал я неотложку из телефона-автомата на улице, благо, автомат был недалеко. Если бы в тот момент от него требовалось подвиг совершить, он бы совершил, не колеблясь, но от мелочей жизни он был далек. Он был закоренелый холостяк, а тут – семья.

Помню, привезли мы Шурочку из роддома, пришли родственники смотреть ее, а она спит в коляске. Вся, как булочка белая, щечки розовые, реснички уже темные. И всего-то спит. А – радость. Ну как это объяснишь? И что объяснять? Тут все наоборот: чем трудней дались дети, чем больше с ними пережито, тем они дороже.

Однако закоренелым холостяком он был до тех пор, пока не появилась Таня, высокая, интересная, с характером. И Боре, и нам стало ясно: надо разъезжаться. Но как? В те времена купить квартиру было невозможно, да и денег таких не было ни у нас, ни у него. Построить в кооперативе? Но это надо ждать годы. Оставалось одно: меняться. У тещи моей была комната, у нас две комнаты, у Бори с Таней по комнате. Вскоре мы нашли квартиру, прочли объявление, приклеенное на водосточной трубе. И все бы хорошо: и нам подходило, и тем понравилось, но...

– А где тут у вас сушить валенки?

Живые люди, строители, работа у них такая, не высушишь валенки, как на целый день на мороз идти? Но мы представили себе в этой ситуации Борю... Ведь это не он к нам, мы напросились к нему в соседи. Сказали ему все как есть. Он думал несколько дней и наконец сформулировал нам условия. Главных условий было пять. Чтобы комната, куда он переедет, была не меньше той, в которой он живет, – это раз. Чтоб была она в этом районе и даже где-нибудь поблизости, – два. Чтобы, как в нашем доме, была там финская кухня, – три. Чтобы квартира, куда он въедет, была двухкомнатная, – четыре. Чтобы во второй комнате жили мать и дочь, но дочь такого возраста, когда опасность, что она выйдет замуж, уже исключена. Это, пятое, условие было практически невыполнимо.

Вы не поверите, но невыполнимый этот обмен состоялся. Случайно и тоже на водосточной трубе прочли мы объявление. Все сходилось. На Университетском проспекте, то есть – рядом, в доме с такой же финской кухней, в двухкомнатной квартире жили мать и перезрелая дочь. Незамужняя! Мать говорила про нее: она пробует. А в другой комнате немолодая наркоманка жила с молодым парнем. Огромная доплата, и она согласилась переехать в комнату моей тещи, кстати сказать, та комната была и больше, и лучше, но – в другом районе. Когда этот первичный обмен состоялся, Боря пришел, осмотрел все, сказал сделать раздвигающуюся решетку на балконную дверь и – еще ряд усовершенствований. И был перевезен. Соседки, мать и незамужняя дочь, нарадоваться не могли: холостяк, это ж счастье какое! За ним и ухаживали, и убирали у него, и готовили. Только радость их была не столь долгой: Боря и Таня съехались в квартиру на улице Левитана.

Много лет спустя, когда наша дочка Шура уже не в коляске лежала, а закончила первый курс института, мы на студенческие каникулы поехали в Малеевку вчетвером: дети и мы с Эллой. Там в это время жили Слуцкие. Таня была плоха, от столовой до своей комнаты доходила в два приема, по дороге сядет на диванчик, вяжет, набирается сил. Лицо пергаментное, глаза темней стали на этом бескровном лице. Но такие же, как прежде, прекрасные пышные волосы, страшно подумать – мертвые волосы. Ее лечили, посылали лечиться в Париж, но и тамошние врачи ничего сделать не смогли: рак лимфатических желез. А зима стояла снежная, солнечная, мороз небольшой, градусов 10, ели в снегу, иней по утрам на лыжне. Возвращаемся с лыжной прогулки надышавшиеся, стоит у крыльца машина «скорой помощи». Я считал снег с лыж, вдруг вижу – бежит Боря Слуцкий в расстегнутой шубе, без шапки, ветерок был, и редкие волосы на его голове, казалось, стоят дыбом. Никогда не забуду, как он метался, совсем потерявшийся, да только никто уже и ничем не мог помочь.

В последовавшие три месяца после смерти Тани он написал книгу стихов, он продолжал говорить с ней, сказал в них то, что, может быть, не сказал ей при жизни. Злые языки утверждали: конечно, это она женила его на себе. А он писал:

*Èàæáíá òò òí áíòááæ è ðááíáæííí,
èàè ò ù áíáðà, èàè òí òí óà,
èàè á íááíéííòí áííòèæèí íí ðááèóíá
áíòèò òáíí áóóà
Í í-íþ í í íáíéíéíóò ðáç
í ðéíéóóèáæííí:*

*ἴν' ἐσοῦέε, ἔο' ἀσοῦέε, ἴν' ἴν' ἐσοῦέε
αἰεῦ?
Ἰά αὐεῖτ' ἀαεῖ ἴ ἴε αεεῖ ε' εο: οαα,
ἔαι ἵοε ααεῖ ἴν' οῦ ἴν' οαο, ἐβαῖ αῦ
× αἰ ὀ ἴεῦεῖ ἰ ἴα ἴν' αῦαῖε
δαῖν: ἐο' οῦ ααεῖν;
εεσοῦ αῦ ἴα αῦν' ἴα: ἴε ἴα ἴ;
εεσοῦ αῦ αῦα ἴν' οααεῖν' ε' ἔεεεῖν;
εεεῖν, εαε ἴ δαεαῖ, ὀ αἰε ἴαο ἴα ἰ αἴ ἴ.*

Куда девался рубленный, временами просто командный стих Слуцкого? Таня открыла ему то, чего он и сам в себе не знал. А поначалу все было так житейски просто: за полночь он захлопывал за ней дверь и даже не шел провожать к метро.

*Β αῦε εδοῦαῖ ἀεῖ ἴαο, ἀ ὀαῖ ἴ ἰ ἴα
αῦα αα ἴαε ἴ ἴ νεααεα: Ἰ ὀ ἴ οε! -
ἴ ἴ: οε ἀ ἴ ἴ ααῖ αε ὀ ἴ: εα ἴεε ὀ αἴ εῦ
ἴ ἴ αἴεαῖ ὀ ἰ ο: ἀβ ἴ αἰ ὀ ἰ οε.
Ἰ δαῖ αἴεααῖ ἴν' οαο ἰ οβ ἴ αῖ αἰ
αἴεῖν ε: ἴε εἴεε ε' ααῖ ἴα οαεα,
ἴ ἴ ἰ ο: εο αεῖν ἴ ἰ δεῖ ἴ αἴ εαῖ -
ἴ ὀ ἴ αἴ αἴ ἴ ἴ ἴ ὀ ἴε οῦ αοῖ οαεα
Α ἴ ἴε: αῖ ἴα αεαε εδοῦαῖ -
νεαα αἴ δαεα, ἴ α ἴ αααῖ δαεα,
ἴ ἴ ἴ ἴεῖ οε αῦε ἀεῖ ἴαο εδοῦαῖ,
ε' ἴ αῦε αεα
ἀ ἴ ἴ ἰ οἰ εδοαεα*

Три месяца длился этот последний его разговор с Таней.

*...ὀεαοαεα, ἴν' οααεα ἰ αἴ ἴ ἴ αἴ ἴα
ἀ εσοῦ εαἴ ἴε, ἴα: αεε ε' αἴ ααα,
ἴα ἴν' οααεα ἰ ἴ αἴε: αῖ, ἴε: αῖ,
ε' ὀ αἴ αἴ - ἴ αεοααεῖ ἰ ε' αἴ ααα*

Успел ли сказать все, что хотел и мог? Или только то, что успел? Дальше – пустота. Эта контузия оказалась тяжелей той, фронтальной. Лежал в больницах, дома в пустой квартире. Депрессия. Не написал больше ни строчки. Ему звонили друзья, хотели прийти. Он отвечал: «Не к кому приходиться». Избавление от мук настало в феврале 1986 года. Последняя его просьба: «Умоляю вас, / Христа ради, / с выбросом просящей руки, / раскопайте мои тетради, / расшифруйте дневники». Раскопал, расшифровал, собрал Юрий Болдырев. Иногда подвижнически собирал по строчке. Трехтомник Бориса Слуцкого вышел посмертно, при жизни он этого не удостоился.

Í ðíáðééè íí Í íáíáááè-ííí ó
Ñíèí íí Èèííèñ

Í ðíáíéæáí èá Í á-áèí á ¹ 113- 118, 123, 126, 128

ÓÈ, § 17

Пожалуй, не было случая, чтобы, встретившись с Львом Эммануиловичем Разгоном, мы не повспоминали бы о страшном времени сталинской кровавой мистерии. Да и как могло быть иначе. Оно для него – 17 долгих лет тюрем, лагерей, гибель жены, родных. Для меня – расстрел отца, изломанная жизнь семьи «врага народа»...

Поехал как-то навестить Разгона и привез ему свою книгу «Некрополь». Он листал ее, на ком-то задерживался, а я в это время рассказывал, как поразило меня, что на «кладбище для избранных», которое по условию должно быть «политически стерильным» (речь, понятно, о советских людях), оказалось так много с концовкой в описании – «репрессирован, реабилитирован»...

– Ты про семнадцатый параграф Уголовного кодекса что-нибудь знаешь?

– Нет.

– А параграф 17 надлежит знать! Это – юридическое оформление выдуманного Вышинским «учения о соучастии». И придумано не зря – оно открыло зеленый свет скоростному проведению массовых репрессий.

Теперь технология следствия существенно упрощалась и ускорялась. Делалось так. Несколько десятков обвиняемых объединяли в группу, и одного из них – наиболее слабого – били до смерти, пока он не признавался в шпионаже, вредительстве, диверсии и, конечно, покушении на вожда или его соратников. Всех остальных били уже до полусмерти, требуя признания лишь в том, что они знакомы с тем, кто оговорил себя «на всю катушку».

И дело сделано – просто и быстро. Ведь согласно «семнадцатому», эта «катушка» теперь автоматически распространялась на всех без исключения членов группы.

Вот в твоей книге есть Шаталов-Шайкевич Ефим Соломонович (1897 – 1976), который много лет был начальником Главцementsа Наркомтяжпрома. Это мой лагерный знакомый.

У меня есть запись судебного заседания Военной коллегии, которая под председательством небезызвестного тебе Ульриха рассматривала дело Шайкевича. И ты сейчас увидишь, как все это выглядело на практике.

Итак:

Ульрих. Подсудимый! Вы прочитали обвинительное заключение? Признаете ли вы себя виновным?

Шаталов. Нет, нет!.. Я ни в чем не виноват!

Ульрих. Знали ли вы о существовании в Наркомтяжпроме контрреволюционной правотроцкистской организации?

Шаталов. Понятие не имел!

Ульрих. Во время последнего процесса правотроцкистского центра вы были на воле?

Шаталов. Да.

Ульрих. Газеты читали?

Шаталов. Читал.

Ульрих. Стало быть, вы читали показания Пятакова о существовании в Наркомтяжпроме контрреволюционной организации?

Шаталов. Конечно, конечно, прочел.

Ульрих. Ну вот и договорились! Значит, знали о существовании в Наркомтяжпроме организации! (Обращаясь к секретарю суда.) Запишите: подсудимый признается, что знал о существовании пятаковской организации.

Шаталов. Я же из газет, из газет узнал о том, что там была организация!

Ульрих. А суду не интересно, откуда вы узнали. Значит – знали! Есть вопросы? Вопросов нет. Вы хотите сказать последнее слово? Не надо повторять! Суду все это известно. Оглашаю приговор! Пятнадцать лет...

После этой встречи общались с Львом Эммануиловичем только по телефону. Он тяжело болел, правда, продолжал (и это в 90!) работать в Комиссии по вопросам помилования при президенте России, не оставляя без внимания и общество «Мемориал», одним из организаторов которого был.

В последнем телефонном разговоре, поинтересовавшись, как продвигаются мои новеллы, Лев Эммануилович, спросил:

– А о Вишневских-хирургах будет новелла? Они ведь оба твои! Про отца мало что знаю, а вот с сыном дружил. О нем есть кое-что у меня в рассказах «Непридуманное». Посмотри – может, пригодится.

– Спасибо, Лева! Обязательно сделаю новеллу.

...Через несколько дней, 7 сентября 2000 года, Разгона провожали туда, откуда еще никто не возвращался.

(№ 126-8-1)

«Äëÿ òääÿ, ì îé äðáä»

В начале 70-х я сопровождал в поездке по Польше группу читателей нашего журнала «Наука и жизнь» – победителей конкурса «Знаете ли вы Польшу».

В Варшаве, когда нас размещали в гостинице «Бристоль», портье, передавая мне ключ от номера, с гордостью сообщил, что именно в нем останавливался «ваш Эренбург», а рядом жил «сам Пикассо».

Приехав в Москву, решил проверить, не прихвастнул ли портье. Оказывается, нет. Более того, нашел у Эренбурга историю создания портрета, который украшает его Собрание сочинений:

«В 1948 году, после Вроцлавского конгресса, мы были в Варшаве. Пикассо сделал мой портрет карандашом; я ему позировал в номере старой гостиницы “Бристоль”. Когда Пикассо кончил рисовать, я спросил: уже? Сеанс показался мне очень коротким. Пикассо рассмеялся: “Но я ведь тебя знаю сорок лет...”»

Портрет Пикассо мне кажется не только очень похожим на меня (лучше сказать – я похожу на рисунок), но и глубоко психологическим».

«Pour toi, mon Ami» – «Для тебя, мой друг», – написал художник на рисунке.

...На надгробном памятнике Эренбургу Илье Григорьевичу (1891 – 1967) портрет сделан по рисунку Пикассо.

(7-1-8)

ΟΑΑΒΑΕΥΝΕΕΑ ΙΑΙ ΒΟΙ ΟΑ ΑΑΟΥ

1 ФЕВРАЛЯ

85 έαò ì ã äý ðæääéý писательницы, автора романов «Memento mori», «Мисс Джин Броди в расцвете сил», «Аббатиса Круская», кавалера ордена Британской империи **Мюриэл Спарк** (Spark; р. 1918, Эдинбург, Великобритания).

2 ФЕВРАЛЯ

100 έαò ì ã äý ðæääéý физикохимика, разработавшего количественную теорию сополимеризации, предложившего оригинальный метод получения полиакриламида, осуществившего твердофазную полимеризацию при температуре около 4 К, показавшего, что вблизи абсолютного нуля скорость реакции перестает зависеть от температуры, открывшего фотосенсибилизир, полимеризацию, протекающую при 4 К с полным превращением мономера, лауреата Государственной премии СССР

Абрама Давыдовича Абкина (1903, Полоцк Витебской губ. – 1983, Москва).

5 ФЕВРАЛЯ

80 έαò ì ã äý ðæääéý кинорежиссера, поставившего фильмы «Годен к нестроевой», «Офицеры», «Баламут», «Анна на шее» и др., **Владимира Авраамовича Рогового** (1923, Киев – 1983, Москва).

8 ФЕВРАЛЯ

90 έαò ì ã äý ðæääéý Героя Советского Союза, старшего лейтенанта **Ефима Матвеевича Березовского** (р. 1913, Саврань Херсонской губ.)

65 έαò ì ã äý ðæääéý партийного и государственного деятеля, председателя Госплана СССР **Тихона Серафимовича Хвесина** (1894, Оренбург – 1938, расстрелян в Москве).

10 ФЕВРАЛЯ

95 έαò ì ã äý ðæääéý композитора, педагога, народного артиста Узбекской ССР, профессора Бакинской консерватории, автора опер «Маскарад», «Горе от ума» и др. **Бориса Исааковича Зейдмана** (1908, Петербург – 1981).

65 έαò ì ã äý ðæääéý партийного и государственного деятеля, наркома здравоохранения СССР **Григория Наумовича Каминского** (1895, Екатеринослав – 1938, расстрелян в Москве).

12 ФЕВРАЛЯ

55 έαò ì ã äý ì äðè государственного деятеля, верховного судьи и генерал-губернатора Австралии **Айзека Альфреда Айзекса** (Isaacs; 1855-1948, Мельбурн).

130 έαò ì ã äý ðæääéý виолончелиста, дирижера, участника (совм. с Д.С. Шором и Д.С. Крейном) «Московского трио», основателя «Русского симфонического общества» в Нью-Йорке **Модеста (Моисея) Исааковича Альтшуллера** (1873, Могилев – 1963, Лос-Анджелес).

65 έαò ì ã äý ì äðè партийного деятеля, председателя Бунда **Арона Исааковича Вайнштейна** (1877, Вильна – 1938, умер в тюрьме, Москва).

95 έαò ì ã äý ðæääéý ватерполиста, обладателя золотых олимпийских медалей 1932 и 1936 годов **Миклоша Саркани** (Sarkany; 1908, Шамарнемети, Австро-Венгрия – 1998, Вена).

25 éàò ìí àíý ìí àðòè главного дирижера Большого симфонического оркестра ленинградского радиокомитета, под чьим управлением в 1942 году была исполнена в осажденном Ленинграде 7-я симфония Шостаковича, **Карла Ильича Элиасберга** (1907, Минск – 1978, Ленинград).

13 ФЕВРАЛЯ

50 éàò ìí àíý ìí àðòè партийного и государственного деятеля, начальника Главного управления политической пропаганды РККА, наркома (министра) Госконтроля СССР, начальника Главного политического управления РККА, участвовавшего в организации массовых репрессий 30 – 50х гг., генерал-полковника **Льва Захаровича Мехлиса** (1889, Одесса – 1953, Москва, похоронен на Красной площади).

14 ФЕВРАЛЯ

105 éàò ìí àíý ðíæääíéý микробиолога и иммунолога, академика АМН СССР, научного руководителя Ленинградского института эпидемиологии и микробиологии **Владимира Ильича Иоффе** (1898, Мглин Черниговской губ. – 1979, Ленинград).

15 ФЕВРАЛЯ

80 éàò ìí àíý ðíæääíéý общественного деятеля, правозащитника, руководителя музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» имени Андрея Сахарова **Елены Георгиевны Боннэр** (р. 1923, Мерв Закаспийской обл.).

16 ФЕВРАЛЯ

125 éàò ìí àíý ðíæääíéý экономиста, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по политэкономии, теории статистики **Марии Натановны Смит-Фалькнер** (1878, Таганрог – 1968, Москва).

18 ФЕВРАЛЯ

65 éàò ìí àíý àèääèè физика, автора трудов по физике полупроводников, теории гравитации, ядерной физике и астрофизике **Матвея Петровича Бронштейна** (1906, Винница – 1938, расстрелян в Москве).

23 ФЕВРАЛЯ

70 éàò ìí àíý ìí àðòè психиатра, основателя научной школы, профессора МГУ, одного из создателей т.н. малой психиатрии (учения о пограничных психических состояниях), автора трудов по организации психиатрической помощи, социальной психиатрии **Петра Борисовича Ганнушкина** (1875, Новоселки Рязанской губ. – 1933, Москва).

260 éàò ìí àíý ðíæääíéý финансиста, основателя банкирского дома, «короля банкиров и банкира королей» **Меира-Аншела Ротшильда** (Rothschild; 1743 – 1812, Франкфурт-на-Майне).

26 ФЕВРАЛЯ

95 éàò ìí àíý ðíæääíéý конструктора, Героя Социалистического Труда, под руководством которого созданы тяжелые танки КВ и ИС, самоходные артиллерийские установки, плавающий танк ПТ-76, тракторы КТ-12 и К-700, лауреата четырех Государственных премий СССР, генерал-полковника инженерно-технической службы **Жозефа Яковлевича Котина** (1908, Павлоград Екатеринославской губ. – 1979, Москва).

27 ФЕВРАЛЯ

60 éàò ìí áíý ìí áðòè актера МХАТа, Героя труда, заслуженного артиста Республики, исполнителя ролей Годунова («Царь Федор Иоаннович»), Мизгиря («Снегурочка»), Дорна («Чайка»), Войницкого («Дядя Ваня») и др.

Александра Леонидовича Вишневецкого (наст. фамилия Вишневецкий; 1861, Таганрог – 1943, Москва).

70 éàò ìí áíý ðíæááíéý геофизика, члена-корреспондента РАН, председателя Национального океанографического комитета РФ, автора трудов по физической океанологии, гидрофизическим процессам в Мировом океане, пространственно-временной изменчивости крупномасштабных морских течений, лауреата Государственной премии СССР **Виктора Григорьевича Неймана** (р. 1933, Москва).

75 éàò ìí áíý ðíæááíéý военачальника и государственного деятеля, премьер-министра Израиля, генерал-майора **Ариэля Шарона** (наст. фамилия Шейнерман; р. 1928, Кфар-Малал, Палестина).

28 ФЕВРАЛЯ

60 éàò ìí áíý ìí áðòè специалиста в области механики, члена-корреспондента АН УССР, профессора Харьковского университета, автора трудов по теории гидромашин, динамике машин, теории упругости, проблеме напряженного состояния упругих систем под влиянием температуры

Вениамина Михайловича Майзеля (1900, Минск – 1943, Харьков).

ΕΣΤΙ ΑΘΑΕ ΟΑΑΔΑΕΥΝΕΤΕ ΙΙ ΧΟΥ

В августовском номере «Лехаима» за 2002 год в статье «Белые пятна “Черной книги”» автор публикации И. Альтман приводит сведения о евреях, расстрелянных фашистами во время второй мировой войны. Многие тысячи погибли на территории Украины, и в архивах о них все-таки упоминается.

Пример уничтожения еврейских семей, о котором пишу, неизвестен никому. Речь идет об эвакуированных из Криворожского района Днепропетровской области жителях еврейского села Лекерт. Мне было 5 лет, но я помню, как спешно все односельчане собирались, уложив кое-что из одежды и еды на трактора и прицепы к ним. На этих тракторах мы уезжали, чтобы вывезти технику в Россию. Ехали мы довольно быстро.

В пути пришлось переправляться через Днепр уже под шквалом снарядов и бомб. Многие наши соседи погибли при переправе, но наша семья с трудом добралась до другого берега. Здесь постепенно собрали своих односельчан. Наших тракторов уже не было, но кое-что из брошенной техники нашли и двинулись дальше.

Насколько я понимаю, мы двигались по направлению к Ростовской области. Остановились уже в станице Сталинградской Ворошиловского района. На хуторе Перегрузном было относительно спокойно, о немцах местные жители как будто и не слыхивали. Здесь родители мои и односельчане из Лекерта работали всю осень в колхозе. Наверняка нас было не менее 100 человек – мужчин, женщин, стариков, детей. Летом 1942 года моего отца призвали в Красную Армию и вместе с ним еще несколько евреев.

Вскоре в Перегрузном высадили немецкий десант. Вначале было тихо, но в этой тишине таилась угроза: «евреев будут расстреливать». Хотелось этому не верить, однако очень скоро пришлось убедиться: фашисты начали расстреливать евреев с помощью полицаев. Здесь летом 1942 года были уничтожены: семья Молинского Абрама, его родители, жена, 2 детей; Пальчик Бабл и ее ребенок; Питман и его многочисленная семья; Фельдман Фейге и Альтер, ребенок; Шмеркины, старики, дети, внуки; Кнежанский Шлема и его семья и многие другие...

Фашисты стерли этих людей с лица земли, и я уверена: ни в каких архивах и не упоминается, что на хуторе были убиты и заживо закопаны в землю около сотни евреев. Никто не знает их имен, а местные власти и не пытались их узнать и как-то зафиксировать. Все евреи были уничтожены с особой жестокостью. Так, Молинского Абрама заставили бегом тащить два ведра воды. Он бежал, а его сзади кнутом подгоняли, пока он не упал и не скончался от разрыва сердца. У него же был мальчик горбатый. Фашист проткнул ему горб штыком и, хохоча, поднял в воздух. Писать об этом, даже сейчас, по прошествии более 60 лет, и то страшно. Другого мужчину привязали к конскому хвосту и волоком тащили по хутору на глазах у жителей.

Когда согнали женщин на расстрел, а детей отделили от них, маленький сын Бабл Пальчик кричал: «Мама, я хочу с тобой!» – и его тут же застрелили на глазах у матери. Она потеряла сознание, но на нее никто не обратил внимания, так как начали расстреливать остальных. Ночью Бабл очнулась, вокруг – убитые и недобитые. Яма шевелилась и стонала, едва присыпанная землей. Бабл приняли, очевидно, за убитую. Вся окровавленная, она с трудом добралась до хутора, постучала своим хозяевам. Те впустили ее, а наутро передали полицаям.

Эти подробности моей матери рассказали те хозяева, которые помогли ей бежать. Мне в ту пору было 5 лет, а брату – 3 года. Мы ушли ночью в другую деревню, где нас не знали, но через некоторое время мама вернулась за вещами, уже после расстрела евреев. И тут мама сама едва не попала в ту же яму, которая еще сочилась кровью.

Но об этом – отдельная и очень тяжелая история. Как еврейская молодая женщина спаслась сама и спасла двух малолетних детей в этой фашистской мясорубке – фантастика! Один Б-г вел нас ночами из села в село, где-то ночевали в стогах, и нас чуть не сожрали волки, вброд перешли реку Аксай, просили милостыню. При этом ни я, ни тем более мой брат по-русски не знали ни слова. Пришлось стать немыми. И вот мы попадаем на станцию Котельниково, в преддверье Сталинграда, с лета 1942 года по март 1943 года. Да, здесь кипел асфальт, земля горела от бесконечных бомбежек. То наступали наши, то немцы. Мы прятались в полуразрушенных бараках, которые промерзали в лютые морозы декабря 1942-го, января-февраля 1943-го. Голодали, грызли жмых и кости, болели. Изменили себе имена, мама утаила все паспортные данные, получила немецкий Ausweis, работала прачкой в немецкой казарме. Потом красила наши танки в белый цвет для маскировки.

Выжили. И об этом ни в каких документах не упоминали, так как могли попасть в лагерь, только за то, что мы «почему-то остались живы». И сейчас нам Германия отказала в компенсации из-за недостатка доказательств того, что мы выстрадали. Да Б-г с ними. Главное, что наша семья все-таки спаслась в Холокост.

Ντὸύ ἰ ἐδῆσῆε, ἰ ἀδῆ ἰ

Мне нравится журнал, всегда стараюсь его читать и особенно люблю статьи Б.Сарнова. Пишу же по поводу сочинения г-на Костырченко «Депортация – мистификация» в № 9 за 2002 год. Автор пытается убедить читателей в несостоятельности теории о планах Сталина депортировать всех евреев.

Взятыми с потолка доводами он доказывает, что общеизвестный факт – ложь. Но в его статье больше фигурирует игра словами, нежели убедительные аргументы. А по поводу депортации расскажу только об одном факте.

Мой отец еврей. В 1953 году он с родителями жил в литовском городе Кибартай (сейчас он на границе с Калининградской областью). Однажды ночью того же 53-го к ним домой прибежал дедушкин друг, работавший на железнодорожной станции, и сказал: «Бегите куда сможете, пришли эшелоны – евреев в Сибирь повезут!» Буквально через несколько дней Сталин умер и, как мы знаем, евреев никуда не свезли. Но депортация-то все-таки готовилась!

Я могу верить или не верить Костырченко или Этингеру, но уж своим-то отцу и деду я верю. Ведь не приснилось им это!

Согласна, что документы играют важную роль в истории, но не бо́льшую, чем свидетельства очевидцев. А таких свидетельств довольно много. Если не осталось письменных доказательств, это еще ничего не означает. Множество людей подтверждают факт подготовки депортации нашего народа. И этих-то свидетелей Сталин не смог заставить замолчать...

י אדען באי עניא, אעניין

У некоторых авторов журнала появилось желание демонстрировать свое знание языка идиш, да еще с большим апломбом, но они совершенно не владеют предметом. Так, например, в № 12 за минувший год некто В. Григорьев утверждает, что еврейской фамилии Гросман (с одним «с») в природе не существует, даже не подозревая, что как раз слова «гросс» в идише нет. Такое слово есть в немецком (gros), кстати тоже с одним «с». И означает оно в переводе на русский – «главный», то есть фамилия давалась главным людям, занимавшим какое-то определенное положение в обществе. В идише же слово «большой» звучит как «гройсер», в сокращенной форме «гройс». Отсюда еврейские фамилии Гройсман, Гройсбаум и т. п. Вообще удвоение согласных в идише не практикуется, даже в двукоренных сложных словах, когда последняя согласная одного корня совпадает с начальной другого, одна из них не пишется. Чтобы это уяснить, достаточно заглянуть в русско-еврейский словарь под редакцией Шапиро (М.: Русский язык, 1984). Однако уважаемый автор и этого не сделал.

*יאבאדי באי עניא
ייעו:איי יי עי אבדי אדו*